

Олег ЦАРЕВ
Джон КОСТЕЛЛО

ИЗ АРХИВОВ
КГБ

РОКОВЫЕ ИЛЛЮЗИИ



СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ

Джон Костелло
Олег Царев
Роковые иллюзии
Серия «Секретные миссии (Аква-Терм)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7634226
Роковые иллюзии.: Международные отношения; Москва; 1995
ISBN 5-7133-0734-4*

Аннотация

Книга рассказывает о жизни и деятельности советского разведчика А. М. Орлова. Она написана на основе документальных материалов КГБ, ЦРУ, ФБР и свидетельств участников событий. Для широкого круга читателей.

Содержание

От авторов	4
Предисловие к русскому изданию	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	80
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Олег Царев, Джон Костелло
Роковые иллюзии
Из архивов КГБ:
дело Орлова, сталинского
мастера шпионажа

От авторов

Авторы выражают глубокую благодарность за помощь в создании этой книги с российской стороны – бывшему начальнику разведки КГБ Леониду Владимировичу Шебаршину, руководителю архивной службы разведки Александру Петровичу и ее сотрудникам Вячеславу Петровичу Мазурову и Дмитрию Дмитриевичу Воробьеву, бывшему заместителю начальника внешней контрразведки Сергею Михайловичу Голубеву, бывшему сотруднику внешней контрразведки Михаилу Александровичу Феоктистову, оперативному фотографу разведки Михаилу Михайловичу Логинову и руководителю пресс-бюро разведки Юрию Георгиевичу Кобаладзе, а также всем тем, чьи имена, по соображениям конспирации, не могут быть названы; с американской и британской стороны – бывшему заместителю директора ЦРУ Рэю Клайну, советнику ЦРУ Уолтеру Пфорцхаймеру, сотрудникам ЦРУ Роберту Кроули и Хейдену Пику, бывшему сотруднику канадской контрразведки Дэниэлю Малвенне, ныне покойному начальнику британской контрразведки сэру Ричарду Уайту, бывшему сотруднику Форин офиса Роберту Сесилу, члену британского парламента и писателю-историку Руперту Алласону, журналистам Ричарду Нортону Тэйлору, Мартину Уокеру, Джеймсу Адамсу и Дэвиду Твистон-Дэйвису, историкам Артуру Шлезингеру, Аллену Уайнстайну, Джеймсу Баррозу, Уоррену Кимбаллу, Верну Ньютону и Тимоти Нафтали, сотруднику Национального архива США Джону Тэйлору и его коллегам, сотрудникам библиотеки ФБР, библиотеки Конгресса США и Архивного управления Великобритании.

Предисловие к русскому изданию

Июльским вечером 1990 года я совершал ежедневный ритуал опечатывания двери кабинета № 317 в здании КГБ на Лубянке. Используемое для этого архаичное приспособление состояло из деревянной бирки с комочком пластилина и пропущенным через нее суровым шпагатом. Шпагат продевался в ушки двери и косяка, вдавливался в пластилин и фиксировался личной бронзовой печатью. Чтобы пластилин не прилипал к печати, в отношении ее гравированной поверхности предпринималось такое же действие, какое совершает суеверный человек через левое плечо, когда хочет оградить себя от бесовских козней. Может быть, поэтому, а может быть, в силу простоты и надежности это устройство пережило несколько поколений обитателей Лубянки и выкрутасы научно-технического прогресса. Правда, отдельные долгожители дома 1/2 на площади Дзержинского любовно приложили руку к его увековечению путем замены фанерной бирки на пластмассовую или даже алюминиевую, однако среди разведчиков, одержимых охотой к перемене мест, производство амулетов в виде бирки-якоря на всю жизнь не привилось. Я принадлежал к последним и за свою службу сменил их штук семь или восемь.

Возня с биркой подходила к концу, и близился тот момент, когда блестящий оттиск печати на пластилине несет с собой освобождение от служебных забот и мысли переключаются на домашний ужин, как за уже запертой дверью кабинета зазвонил телефон. По его звуку я определил, что это линия оперативной связи, и решил не разочаровывать другого засидевшегося коллегу, хотя привычка перерабатывать имела часто самое простое и практическое объяснение – потратить с большей пользой время, отбираемое московским часом пик. Дверь была отперта, а трубка оказалась в руках раньше, чем на другом конце линии исчезла надежда. «Олег, как будет время, приезжай, – сказал знакомый голос, – есть кое-что интересное». Из пригородного Ясенево, где размещается штаб-квартира разведки, именуемая «Центр», звонил Александр Петрович, начальник подразделения, в ведении которого находятся ее архивы. В его интонации была та самая напускная небрежность, которая появляется в результате большого удовлетворения чем-то и желания заинтриговать этим «чем-то» своего собеседника. Следовало бы не поддаваться и не доставлять ему ожидаемого удовольствия помучить меня неизвестностью, но любопытство пересилило, и я спросил: «А что именно?» – «Ну, что мы с тобой будем по телефону говорить?! Приезжай – узнаешь».

Не могу сказать, что не спал всю ночь, – этого Александр Петрович не добился, но на другой день я все же сидел в его кабинете. На столе передо мной высилась стопка старых дел, объединенных одним оперативным псевдонимом – «Швед». «Шведом» был Александр Михайлович Орлов, резидент советской разведки в годы гражданской войны в Испании, таинственно исчезнувший в 1938 году из Барселоны и объявившийся в США в 1953 году с публикацией своей разоблачительной книги о преступлениях Сталина. Это было, пожалуй, все, что я да и большинство сотрудников разведки знали о нем в то время. Считалось, что раз он ушел, да еще в США, к главному противнику, то вроде бы был предателем, хотя никаких официальных комментариев по этому поводу не давалось. В истории внешней разведки, предназначенной для внутреннего пользования, его имя было обойдено молчанием. «Вы предлагаете мне написать о предателе?» – спросил я с некоторым разочарованием.

«Для начала прочти вот это», – Александр Петрович раскрыл одно из дел. Это была обобщенная справка об Орлове. Я буквально съел ее глазами. Передо мной раскрылась тайна, и не одна. Изумление, видимо, отразилось на моем лице, и Александр Петрович не мог скрыть торжествующей улыбки: «Ну? Что скажешь?» Я еще не мог осмыслить все прочитанное и только ответил обычно ничего не значащим, но в данном случае отражавшим

суть дела голосом: «Все это очень не просто...» Потом на ум пришло нечто профессиональное: «Ведь если его допрашивали в ФБР и ЦРУ, то надо бы получить и их материалы».

До материалов ФБР и ЦРУ дело, однако, тогда не дошло – я просто не знал, как чисто технически и процедурно подступиться к их архивам на основе действующего в США закона о свободе информации. Тем более для статьи в газете этого и не требовалось: дай Бог, хоть из того, что есть в нашем архиве, включить побольше. Материал об Орлове был опубликован в «Труде» двумя частями («кусками» – как говорят журналисты моего поколения) 20 и 21 декабря 1990 г., в дни, когда советская разведка отмечала свое 70-летие. Это было весьма примечательно. Материал, естественно, мной согласовывался с руководством разведки хотя бы потому, что он содержал пусть уже принадлежащие истории, но все же формально секретные сведения и разрешить его публикацию мог только начальник разведки – Леонид Владимирович Шебаршин. При этом была указана и намечаемая дата публикации. Я получил не только согласие, но и поддержку. Разведка была готова рассматривать свою историю не одномерно – как цепь героических свершений, а во всей сложности приближения к исторической истине. Вылепленная революцией и Гражданской войной, противоречивая фигура Орлова в такой же мере воплощала в себе сущность, образ и историю советской разведки 20–30-х годов, в какой частное отражает целое. А учитывая масштаб его личности, может быть, и более того. Это же относится и к его коллегам-современникам, чьи имена предстанут в этой книге: Теодору Малли, Арнольду Дейчу, Дмитрию Быстролетову, Дмитрию Смирнову, Леониду Эйтингону, Сергею Шпигельглассу и другим. Невольно закрадывается грешная мысль о том, что, когда разведка была малой по численности, люди в ней работали большие. Интересно, что скажут потомки о нас?

20 декабря 1990 г. я принес показать свежий номер «Труда» с «Побегом в неизвестность» Шебаршину. Он чуть оторвался от бумаг и довольно бесстрастно сказал: «Хорошо, я уже видел». Потом небрежно добавил: «Теперь надо писать книгу», – и снова вперил взгляд в документы, давая понять, что аудиенция закончена. На мое возражение, что для книги предоставленных мне материалов не хватит, он, не поднимая глаз, произнес как уже нечто решенное: «Александр Петрович об этом позаботится».

Книг я никогда не писал, хотя имел достаточный опыт журналистской работы как разведчик, действовавший под прикрытием некоторых центральных газет, включая «Правду» и «Известия». Тем не менее претендовать на написание книги я никогда бы не осмелился, и, может быть, было даже лучше, что кто-то другой решил, что надо попробовать. В это время произошли события, сколь случайные, столь и неизбежные, если рассматривать их диалектически.

Еще в мае 1990 года, опять же в «Труде», я опубликовал статью «Последний полет «Черной Берты», о том, что было известно советской разведке о сенсационном перелете заместителя Гитлера по партии, наци № 2 Рудольфа Гесса, в Великобританию в 1941 году, незадолго до нападения Германии на Советский Союз. Статья была перепечатана в лондонской «Санди таймс» и привлекла внимание британского историка Джона Костелло, работавшего в то время над книгой о тайных попытках Гитлера заключить мир с Англией в 1940–1941 годах. Он списался со мной, и в январе 1991 года мы встретились с ним в Москве для обсуждения документальных источников по делу Гесса. Узнав, что я начинаю работу над книгой об Орлове, и ознакомившись с уже опубликованной статьей о нем, Джон Костелло предложил писать ее вместе. Он был готов взять на себя архивы ФБР и ЦРУ и работать на американских и английских материалах. Я подумал и решил, что это весьма разумно по двум причинам: во-первых, снимался вопрос моего «проникновения» в ФБР и ЦРУ (хотя в читальном зале архива ФБР побывать мне все же довелось), и, во-вторых, совместный труд западного и советского авторов обещал быть более объективным, что для истории немало важно.

Итак, я согласен, Костелло согласен. Оставался только один «пустяк» – мне, как действующему офицеру КГБ, получить разрешение на научное и литературное сотрудничество с иностранным автором. Насколько мне известно, такого прецедента еще не было. Но за окном шел 1991 год. В просвет казенных белых занавесок моего кабинета был виден не только хлопающий одной открытой дверью 40-й гастроном – опорная точка советской торговли, но и новый, нарождавшийся мир, в котором, казалось, все было возможно. Я написал рапорт на имя председателя КГБ с соответствующим обоснованием моей просьбы. Начальник разведки поставил свою визу. Через несколько дней рапорт вернулся. В левом верхнем углу Владимир Александрович Крючков написал только одно слово: «Согласен».

То, что получилось из этого согласия и совместного труда двух разноплеменных историков, вы и держите сейчас в своих руках. В силу необходимости (Джон Костелло не владеет русским языком) окончательный текст книги был подготовлен на английском языке. По этой же причине она сначала вышла в США и Англии, а тем временем переводилась на русский язык. Ни Джон, ни я не можем сказать, что это только его или только моя книга. Тем более я не могу сказать этого о ее переводе с английского на русский язык, поскольку это уже третье опосредованное изложение того, что я когда-то писал, и текст зачастую неузнаваем. Но это та сумма исторических фактов, которые мы вместе отыскивали и собрали, и выводов, к которым мы вместе пришли. Если мы в чем-то не соглашались, то такие случаи особо оговорены в сносках и примечаниях.

Мы не ставили перед собой задачу осуждать или оправдывать Александра Орлова. Мы старались, насколько это позволял имеющийся материал, точно воспроизвести события и их взаимосвязь. Проще говоря, рассказать вам, как это было.

О. Царев

Глава 1

Незванный гость

В пятницу, 14 ноября 1969 г., человек в темно-сером пальто сошел на станции Анн-Арбор с поезда, прибывшего в 8.30 утра из Чикаго, и взял такси. Оно остановилось на перекрестке улиц Стейт и Саут Юниверсити. Пассажир вышел и присоединился к толпе студентов, которые спешили на лекции по широко раскинувшейся территории студенческого городка Мичиганского университета. Ледяной ветер, порывами наносивший снег с озера Гурон, сотрясал голые ветви деревьев перед Лорч-холлом. Сквозь вращающиеся стеклянные двери человек вошел в шестизэтажное здание экономического факультета. Никто не обратил особого внимания на коренастого мужчину в пальто модного покроя, хотя вид его не вязался ни с преподавателями факультета экономики, ни со студентами. Задержавшись перед доской объявлений, где висело расписание занятий на этот день, он пробежал глазами список и зашагал по коридору цокольного этажа здания¹.

В одной из аудиторий пожилой человек читал студентам лекцию на английском языке с сильным американским акцентом. Несмотря на то, что он весьма постарел, гость без труда узнал его по фотографиям, имевшимся в личном деле тридцатилетней давности, где содержалось следующее описание: «Выше среднего роста, атлетического сложения; нос слегка перебитый; лысеющая голова, волосы сильно поседевшие. Носит короткие усы, тоже седые; очень решительные черты лица, манеры, походка и жестикуляция; отрывистая, резкая речь; серые пристальные глаза. Прекрасно владеет английским языком, говорит с американским акцентом Хорошо говорит по-немецки, более или менее свободно объясняется на французском и испанском языках»². Усы его давным-давно были сбриты, голова почти совсем облысела, а гнусавый американский выговор стал еще заметнее. Годы сделали свое дело с атлетической фигурой, наделив ее академической сутулостью.

Однако не могло быть ни малейшего сомнения, что это был тот самый человек, который ему нужен. Убедившись в этом, гость тщательно прикрыл дверь и взглянул на часы. До конца лекции оставалось пятнадцать минут – ну а потом он представится преподавателю. Поезд из Чикаго тащился долго, в нем было холодно, и гость пошел назад по коридору в поисках туалетной комнаты.

Не прошло и десяти минут, как человек в темно-сером пальто вернулся к аудитории. К своему смятению, он обнаружил, что она пуста. Мысленно он обругал себя за то, что поставил на первое место удовлетворение естественных потребностей; это был просчет, из-за которого он упустил возможность без труда установить контакт с человеком, в поисках которого проехал пол земного шара. У него были и домашний адрес, и номер телефона преподавателя, но, как подобает осторожному и методичному исследователю, он решил проверить их в регистратуре университета. Однако он не стал делать этого на экономическом факультете, а перешел в примыкающее к нему отделение физических наук и там попросил список постоянных преподавателей и почасовиков. Он обнаружил, что имя сотрудника юридического факультета Игоря Берга было одним из немногих, которое не сопровождалось учеными званиями. Преподаватель проживал в доме 400 по Мэйнард-стрит, квартира 703, то есть всего в двух кварталах от университета.

Куранты над студенческим городком пробили полдень, когда гость шел по Стейт-стрит в направлении Уильямс-стрит и, повернув направо, оказался на Мэйнард-стрит, где и находился одиннадцатизэтажный многоквартирный дом. Это была примитивная бетонная коробка, квартиры в которой, рекламируемые как «спокойные и комфортабельные», служили временным прибежищем для приглашенных лекторов и студентов-выпускников.

Медленно пройдя мимо входа с навесом, ведущего в Мэйнард-хаус, он заметил, что за конторкой восседал привратник устрашающих габаритов. Посетитель не желал, чтобы о нем докладывали, опасаясь насторожить г-на Берга; поэтому он нырнул в расположенный по соседству магазин канцелярских принадлежностей.

Подглядывая из-за удобно расположенного стенда с поздравительными открытками, он имел возможность наблюдать за входом в Мэйнард-хаус, выжидая удобный момент, чтобы проникнуть туда без доклада.

Заприметив трех школьников, которые пересекали улицу в его направлении со стороны Уильям-стрит, человек не спеша вышел из магазина. Тут он увидел котенка, бродившего вдоль тротуара, и, быстро сориентировавшись, подхватил его и крикнул школьникам как раз в тот момент, когда они подходили к подъезду Мэйнард-хауса: «Это случайно не ваша кошка?» Один из мальчишек сразу же подошел, чтобы заявить свои права на котенка, и незнакомец вручил ему животное с дружеским предупреждением об опасности, которой подвергается кот, гуляющий по проезжей части дороги. Затем, когда мальчишки вежливо придержали для него открытую дверь, он перевел разговор на бейсбол. Прожив несколько лет в Соединенных Штатах, он знал, что можно завязать разговор с кем угодно, если заговорить о столь любимом американцами спортивном зрелище. Пока они шли через вестибюль к лифтам, он деловито поделился с ними своими взглядами на результаты недавних финальных игр. Привратник, решив, что мужчина идет вместе с мальчиками, не стал его окликать. Не заметил он и того, что незнакомец в темно-сером пальто внимательно читал фамилии на почтовых ящиках в вестибюле, пока вся компания ждала лифта.

Войдя в кабину, один из мальчиков нажал кнопку седьмого этажа. Мужчина выбрал восьмой этаж, чтобы поддержать впечатление, что он живет в этом доме. Когда мальчики выходили из лифта, он попрощался с ними и, поднявшись сначала на восьмой этаж, спустился затем на седьмой. В коридоре никого не было, и несколько мгновений спустя он стоял перед дверью квартиры 703, где проживал человек, называвший себя Бергом, который и был объектом его пятилетних поисков.

Посетитель легонько постучал в дверь, а затем осторожно переместился таким образом, чтобы не попадать в поле видимости дверного глазка. Предосторожность была нелишней, и он услышал лязг трех отпираемых замков. Дверь осторожно приоткрылась, оставаясь на крепкой дверной цепочке. В образовавшейся узкой щели показались слегка свернутый нос и ясные серые глаза пожилого человека, которого он видел в аудитории.

«Могу ли я поговорить с г-ном Орловым?» – вежливо спросил посетитель.

Жилец был явно испуган таким вопросом. «Кто вы такой?» – потребовал он ответа.

«Александр Михайлович, я – Феоктистов, – ответил мужчина. – Можно войти? У меня для вас письмо от старого друга».

Пожилой человек с явной неохотой снял цепочку, и незнакомец быстро шагнул через порог, заставив хозяина отступить внутрь квартиры, в гостиную комнату. Теперь, когда они оказались один на один, посетитель сказал, что он привез письмо от Николая Прокопюка, старого знакомого Орлова по Барселоне³. Он вынул конверт из кармана пальто и вручил его пожилому человеку, который занял оборонительную позицию, уверяя, что не знает никого под этим именем. Он высказал предположение, что посетитель, должно быть, ошибается, но когда он уже был готов возвратить нераспечатанное письмо, в комнату вбежала женщина. Седые волосы, собранные в плотный пучок, подчеркивали худобу и враждебное выражение ее лица.

«Кто вы?» – требовательно спросила эта похожая на птицу женщина. Когда же мужчина заявил, что он русский, привезший письмо от старого друга, она разразилась бурей протестов.

«Успокойтесь, пожалуйста», – сказал Феоктистов и сунул руку в карман пальто, чтобы вынуть паспорт, который удостоверил бы его личность.

Опасаясь, что незнакомец собирается вытащить револьвер, худенькая женщина напряглась, как испуганная кошка, а он протянул ей зеленый дипломатический паспорт с золотым серпом и молотом, удостоверяющий, что его владелец является членом советской делегации при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

«Саша, это – агент КГБ, он пришел, чтобы убить нас!» – пронзительно закричала женщина по-русски; глаза ее были полны ненависти, а голос выдавал страх. С истошным криком она кинулась вон из комнаты и вернулась с пистолетом в дрожащей руке, указательный палец лежал на спусковом крючке.

«Я застрелю вас. Вы явились, чтобы убить нас! – кричала женщина, ее голос дрожал от страха и ярости. – Саша, отдай письмо назад, оно отравлено!»⁴.

В отчаянной попытке успокоить их посетитель выхватил письмо у пожилого человека и вскрыл конверт. Он энергично потер ладони о конверт и его содержимое, а затем лизнул обе руки. «Видите, если бы письмо было отравлено, – заявил он, – я бы так не сделал».

Двадцать лет спустя Феоктистов, к тому времени уже вышедший в отставку офицер КГБ, чуть улыбался, вспоминая эту мелодраматическую сцену, когда он стоял в квартире в Анн-Арборе, уставившись на дуло заряженного револьвера.

Он сказал, что указания по проведению операции не подготовили его к агрессивной защите, которая выработалась у Марии Орловой за тридцать лет американского изгнания. Поэтому, оказавшись лицом к лицу с вооруженной револьвером женщиной, он мог лишь безмолвствовать, когда она стала торопливо выталкивать своего сопротивлявшегося мужа из комнаты.

«Но, Мария, я хочу поговорить с ним», – протестовал Александр Орлов. «Нет, он уничтожит тебя», – возражала Мария.

Как вспоминал Феоктистов, пожилой человек повернулся к нему и повторил: «Я хочу поговорить с вами. Позвоните мне сразу же из телефонной будки на другой стороне улицы». Тут Мария приказала Феоктистову встать лицом к стене с поднятыми руками. «Она профессионально обыскала меня, как какой-нибудь полицейский», – вспоминал он с улыбкой.

«Вы прекрасно понимаете, кого вы разыскивали, – обличала его жена Орлова. – Люди, подобные нам, ненавидят КГБ, – продолжала она на грани истерики. – Мы убили бы вас, если бы смогли. Мы намерены немедленно сообщить обо всем американским властям».

«Успокойтесь, Мария Владиславовна», – без конца повторял Феоктистов обезумевшей от страха женщине. Он заверил ее, что в Советском Союзе Орловых больше не считают предателями и что ни он, ни КГБ не собираются причинять им никакого вреда. Несколько раз он принимался объяснять, что намеревался лишь доставить письмо от старого соратника ее мужа по гражданской войне в Испании. Для большей убедительности Феоктистов добавил, что у него также есть вести от ее сестер, проживающих в Москве, и спросил, не хочет ли она их услышать.

«Я ничего не желаю слышать о сестрах от вас, – резко отвечала г-жа Орлова. – Оставьте моих сестер в покое»⁵.

«Вам больше нет дела до своих сестер?» – упорно продолжал Феоктистов.

«Знаю я, как советские граждане сначала получают письма из-за границы, а потом обвиняются во всех смертных грехах из-за связи с заграницей», – выпалила в ответ г-жа Орлова. Однако упоминание о сестрах, с которыми она не виделась более тридцати лет, по-видимому, что-то пробудило в ней. По словам Феоктистова, она неожиданно спросила у него имя его дяди. Когда он сообщил, что звали его Дмитрий Петрович Феоктистов и что он был заместителем начальника Управления делами Совета народных комиссаров, она сказала, что знала его.

Заметив недавний номер газеты «Правда» на столе возле журнала «Коммунист» с чернильным пятном на обложке, Феоктистов воспользовался временным затишьем в приступе гнева г-жи Орловой, чтобы попытаться ее урезонить. Орловы, очевидно, проявляют большой интерес к Советскому Союзу, сказал он, указывая на журнал. Мария стала уверять, что это выражается лишь в том, что они берут газеты и журналы на дом в местной библиотеке. Затем она напустилась на советских лидеров послевоенного периода.

Она была особенно недовольна заявлением Никиты Хрущева во время его пребывания в Соединенных Штатах, когда он сказал, что хотел бы, выйдя на пенсию, жить на американской ферме, если бы это позволил Центральный комитет. Это Мария Орлова считала «крайне непатриотичным заявлением, недостойным руководителя великого народа». Феоктистов сделал вывод, что г-жа Орлова была, по всей видимости, убежденной русской патриоткой, и у него появилась надежда, что он еще сможет завоевать ее доверие. Однако это было нелегко сделать, поскольку г-жа Орлова все еще угрожающе размахивала револьвером, и он был вынужден отступить из квартиры в коридор. Феоктистов встревожился, когда в коридор неожиданно вышел один из соседей. Хотя Мария Орлова успела спрятать револьвер под передником, он боялся, что револьвер может выстрелить случайно⁶.

«У меня, кроме Саши, никого нет», – продолжала бушевать г-жа Орлова, рассказывая Феоктистову о том, как в 1940 году умерла их больная семнадцатилетняя дочь. Это произошло всего через четыре года после того, как они были вынуждены спасаться бегством в Соединенные Штаты от сталинских «отрядов смерти». Феоктистов узнал также, что Орловы жили без работы в течение четырнадцати лет. Мария рассказала ему, что, когда денежные сбережения подошли к концу, им пришлось питаться одними кукурузными хлопьями. Они не имели возможности нормально жить вплоть до 1953 года, когда получили гонорар за книгу Орлова «Тайная история преступлений Сталина», послужившую основанием для сенсационных заголовков в прессе после ее опубликования отдельными сериями в журнале «Лайф». Печальный рассказ о тяготах жизни Орловых не содержал важных сведений, собрать которые было поручено Феоктистову, но это были те немногие существенные подробности, о которых он мог доложить Москве после своего возвращения в Нью-Йорк. (Как ни удивительно, но в досье архивов КГБ не упоминается о том, что г-жа Орлова угрожала ему револьвером. Феоктистов объяснил, что он не упомянул об этом факте, поскольку не хотел рисковать возможностью еще раз встретиться с Орловыми⁷.)

«Беседа наша была напряженной, – вспоминал Феоктистов, – и временами Орлова собиралась уходить, но все-таки оставалась, как будто что-то притягивало ее ко мне». В своем официальном докладе он утверждал, что после часового противостояния лед недоверия г-жи Орловой несколько растаял. Однако ему не удалось уговорить женщину разрешить встретиться с ее супругом в тот день еще раз, и, посчитав, что сейчас он больше уже ничего не узнает, завершил встречу, передав ей привет от сестер. Он заверил Орлову, что у них все благополучно и что в Советском Союзе у них хорошая работа. Это лишь вызвало у Орловой новый прилив враждебности, и она грубо отрезала: «Это не может быть правдой».

«Вы сорвали все наши планы! Вы нам все испортили!» – кричала г-жа Орлова, отступая в глубь квартиры. Но Феоктистов обратил внимание на сказанную ею прощальную фразу: «Тем не менее у меня появилось к вам некоторое уважение».

Затем Мария Орлова резко захлопнула дверь перед носом Феоктистова. Направляясь к лифту, он услышал, как запирались прочные замки квартиры 703. По словам Феоктистова, пока он не вышел в вестибюль, он не был уверен, что Мария Орлова не подняла тревогу и что внизу его не ожидает полиция. К его облегчению, в подъезде было пусто, за исключением привратника в форме, который не обратил на него никакого внимания.

Снова оказавшись на Стейт-стрит, Феоктистов поднял воротник пальто, чтобы защититься от ветра, и направился в сторону студенческого городка. Он поглядывал по сторонам,

разыскивая телефон, и нашел будку, за которой, судя по всему, не было наблюдения. Феоктистов набрал номер 665-47-81 и с облегчением услышал голос Орлова. В отличие от своей жены, настроенной явно враждебно, Орлов сразу же дал понять, что готов побеседовать.

«Бог мой, опять вы! Ну, здравствуйте еще раз! Мне так жаль, что Мария не дала нам поговорить и я не смог вас принять», – вспоминал Феоктистов слова Орлова, чей печальный голос ясно показывал, что у него не было враждебности к посетителю. Как рассказывал Феоктистов, момент наибольшей откровенности наступил тогда, когда Орлов спросил: «Скажите мне, вы – мой коллега?»

Феоктистов считал этот вопрос весьма важным. Тщательно подбирая слова, он постарался заверить Орлова, что его по-прежнему считают преданным товарищем те «старые друзья, которые его знали». Феоктистов упорно проводил эту мысль, убеждая Орлова, что ему действительно было поручено лишь передать весточку от «старых друзей», благодарных Орлову за то, что он остался «истинным патриотом». Друзья желали ему «доброго здоровья» и интересовались его «жизнью-бытием». Феоктистов спросил у Орлова, нельзя ли им встретиться, на что тот уклончиво ответил: «Давайте поговорим по телефону».

Прошло более трех десятков лет с тех пор, как старый чекист последний раз виделся с представителями советской разведки, и Феоктистов, разумеется, хотел вытянуть все что можно из сохранившегося в памяти Орлова. Летом 1938 года, когда Орлов находился на вершине своей карьеры, руководя секретной работой в Испании, и пользовался доверием Сталина, он бежал в Соединенные Штаты.

Орлов имел специальное звание майора госбезопасности в соответствии с приказом № 832/А от 14 декабря 1935 г. и был награжден орденом Ленина. В то время это звание офицера НКВД приравнивалось к комбригу Красной Армии. По нынешней табели о рангах его звание было бы равно генерал-майору или бригадному генералу сухопутных войск США. Таким образом, в историческом плане Орлов и по сей день остается самым старшим по званию из всех офицеров советской разведки, которые когда-либо бежали на Запад, прихватив с собой множество секретных сведений и имен нелегальных сотрудников советских агентурных сетей. Феоктистов надеялся узнать, не предал ли Орлов кого-либо из этих агентов в ходе допросов в ФБР и ЦРУ. Поэтому в ответ на вопрос Орлова «Что вы хотите узнать?» он одобряюще предложил ему рассказать «обо всем – о жизни, о здоровье, о своей работе»⁸.

«Я в добром здравии, но жизнь здесь скучная, – сказал Орлов, тщательно избегая говорить по телефону о чем-либо, кроме общих тем. – Сейчас я не работаю, да у меня никогда и не было постоянной работы в Соединенных Штатах, – рассказывал Орлов Феоктистову. – Людям вроде нас они не доверяют».

Эти слова Орлова удивления не вызывали – ведь и в СССР не всегда доверяли полностью перебежчикам с Запада. Но когда он стал объяснять причину своих публичных заявлений, Феоктистов понял, что Орлов через него пытается заверить КГБ в том, что он не продан американцам.

«Как вам известно, я написал две книги», – сказал Орлов Феоктистову. Он назвал «Тайную историю преступлений Сталина» «криком души», попыткой раскрыть факты, относящиеся к восхождению тирана на вершину власти. По мнению Орлова, это было важно с исторической точки зрения, поскольку информация была известна ему как высокопоставленному сотруднику советской разведки. О других фактах поведал ему брат жены Сталина, Павел Аллилуев, с которым Орлов работал в Германии в конце 20-х годов. Более того, по словам Орлова, он лично знал Сталина еще до своего назначения в Испанию.

«Кроме того, что я написал, я ничего больше не знаю, – заверял Феоктистова Орлов, – но вы можете быть уверены, что ничего из написанного мною не выдуманно». В 1953 году темой для заголовков в мировой прессе стал его рассказ о леденящих кровь преступлениях Сталина, в котором подробно описывалось, как были организованы московские показатель-

ные процессы, положившие начало «великой чистке». Публикация книги впервые привлекла к Орлову внимание ФБР после того, как он и его жена четырнадцать лет прожили изгнанниками в Соединенных Штатах.

«Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны», появившееся десять лет спустя, не вызвало такого внимания у публики, как первая книга. По словам Феоктистова, Орлов заверил его, что в этой книге он опирался лишь на хорошо известные факты и случаи и не выдал никаких секретов. «Книга эта основывалась на чисто технических данных» и, по мнению Орлова, «могла бы быть переведена в Советском Союзе и использована в качестве практического руководства». Таким образом, говорил Орлов Феоктистову, он надеялся «оказать небольшую услугу моей стране».

Феоктистов вспоминал, как он попросил у Орлова экземпляр этой книги с автографом. Однако тот проигнорировал эту попытку получить приглашение зайти к нему, чтобы взять книгу и воспользоваться этим для беседы в более приватной обстановке. Орлов также не был готов рассказать ему более того, что он уже поведал американцам о своей карьере в секретной службе Советского Союза.

«Собственно говоря, наш телефонный разговор закончился, как только я стал настаивать на личной встрече и беседе», – заметил Феоктистов. По его словам, Орлов ответил тогда уклончиво, сказав, что «было бы бесполезно назначать сейчас место встречи там-то и тогда-то», но что он приветствовал бы приход Феоктистова позднее для продолжения беседы.

«В тот же день на автобусе компании «Грейхаунд» я добрался из Анн-Арбора до Чикаго, откуда самолетом вернулся в Нью-Йорк», – вспоминал Феоктистов. В своем докладе Центру, который был подписан им оперативным псевдонимом «Георг», он смягчил краски чрезмерно эмоционального поведения Марии Орловой. Феоктистов утверждал в отчете, что у этой дамы «нервы взвинчены до предела» и что, по его мнению, ее реакция объяснялась «некоторой неуравновешенностью характера». Как он выразился в интервью: «Я ничуть не сомневался в том, что она в меня не выстрелит. В противном случае я действовал бы по-другому!»⁹.

Феоктистов умышленно оставил у Орлова впечатление, будто он намерен вернуться в Анн-Арбор до конца 1969 года. Однако он лишь три месяца спустя получил из Москвы разрешение на возобновление контакта с Орловым. Но в феврале 1970 года, когда Феоктистов вновь приехал в Мичиган, он обнаружил, что вскоре после его посещения Орловы уехали из Анн-Арбора. Это подтвердили и на экономическом факультете, и соседи Орловых по Мэйнардхаусу. Ни они, ни привратник не могли дать ему нового адреса Орловых.

Бывший разведчик и его жена вновь ушли в подполье.

Феоктистов возвратился в Нью-Йорк с пустыми руками и сообщил в Москву, что необходимо начать все сначала, чтобы выследить Орловых. Возобновив свою работу-прикрытие в качестве переводчика в советском представительстве при ООН, он стал ждать указаний из Центра. Прошло полтора года, прежде чем Феоктистову вновь поручили «взять след». По его мнению, причиной столь долгой отсрочки возобновления операции послужила обеспокоенность Москвы тем, что бегство Орловых из Анн-Арбора показывало, насколько они были встревожены, когда спустя тридцать лет их нашел представитель КГБ. Хотя в деле Орлова не указывается причин отсрочки проведения операции, совершенно ясно, что советская разведка не хотела запугать его до такой степени, чтобы он отправился в ФБР или ЦРУ с чистосердечным признанием. Такие последствия поставили бы крест на миссии, возложенной на Феоктистова, в отличие от тактики выжидания, рассчитанной на то, что со временем Орловы успокоятся, видя, что им ничто не грозит.

И действительно, неожиданное появление в квартире Орловых сотрудника КГБ «испортило все» даже в большей степени, чем напророчила ее хозяйка. Визит Феоктистова поставил Орловых перед опасной дилеммой. Это советский разведчик понял полтора года

спустя во время их второго свидания. Тогда Орлов рассказал ему, что в первую встречу, в 1969 году, он не мог игнорировать возможность того, что незванный гость был агентом-provokатором из ФБР, посланным под видом офицера КГБ, чтобы заставить его выдать секреты, которые до тех пор Орлов скрывал от американцев. Он сказал Феоктистову, что в 1969 году у него не было иного выбора, кроме как доложить ФБР о своей встрече с советским разведчиком. Сохранившаяся у Орловых преданность Родине объясняет тот факт, что их сообщение американцам так разительно отличалось от изложения события Феоктистовым. Хотя версия ФБР все еще не рассекречена полностью, в резюме опубликованных документов сената США содержится рассказ г-жи Орловой, описавшей свое героическое двухчасовое «противостояние», которое, по ее словам, имело место в коридоре Мэйнард-хауса¹⁰. Как утверждали Орловы, они так и не разрешили агенту КГБ переступить порог их квартиры. Не сообщил Орлов своим американским покровителям и о том, что агент КГБ именно по его, Орлова, просьбе позвонил ему позднее по телефону. По словам Орлова, он сразу же положил трубку, как только Феоктистов позвонил, упрекая за отказ принять его у себя на квартире. Г-жа Орлова тоже «забыла» рассказать ФБР о том, как она держала Феоктистова под дулом револьвера. Все это тем более странно, что Мария Орлова страдала заболеванием сердца и ее состояние ухудшилось из-за постоянного страха, что раскрытие местопребывания семьи Орловых было прелюдией к их физическому уничтожению органами госбезопасности. И не удивительно, что теперь, когда КГБ стало известно их местопребывание, Орловы последовали совету ФБР уехать из Анн-Арбора и в целях собственной безопасности «лечь на дно».

«Если у Советов и есть скрытые мотивы в отношении Орловых, это никак не проявилось на сегодняшний день», – решило ФБР. Как сотрудник ООН Феоктистов не подвергался ограничениям в передвижениях, и его подход «не был незаконным», поскольку он не пытался «завербовать или угрожать» Орловым. Как следует из этого доклада, у ФБР не было никаких причин сомневаться, что Орловы говорили чистую правду о происшедшем между ними и визитером. Секретные данные 1938 года об аппарате советской разведки, которыми располагал Орлов, по прошествии более чем тридцати лет, к 1969 году, утратили свою актуальность, однако ФБР не исключало возможности его убийства с целью сведения старых счетов. Постоянный страх перед длинной рукой возмездия из Москвы заставил Орловых жить в изгнании под чужим именем. Когда в 1955 и 1957 годах Орлов и его жена давали показания в подкомитете по внутренней безопасности сената США, вся официальная переписка с ними велась через их нью-йоркского адвоката.

После смерти Александра Орлова в 1973 году сенат США даже отдал ему дань восхищения. Сенатор Джеймс Истленд превознес до небес бывшего сталинского супершпиона, чье проживание в Америке было узаконено специальным актом конгресса США как «одного из наиболее важных свидетелей», дававших показания в то время, когда Истленд возглавлял сенатский подкомитет по внутренней безопасности. Назвав Орлова «самым высокопоставленным офицером советской разведки из всех когда-либо перешедших на сторону свободного мира», Истленд заявил, что генерал оставил после себя «бесценное наследие в виде свидетельских показаний, рассказав как о внутренней системе, так и о целях коммунистического заговора, а также о деятельности коммунистического аппарата в смежных областях шпионажа и подрывной работы».

Истленд говорил: «Если и был в этом какой-то порок, то он относился не к Орлову, а к глубоко аморальной системе, от которой он отрекся. Этот бывший советский разведчик производил незабываемое впечатление, – утверждал сенатор. – Даже само слово «перебежчик» было до нелепости неуместным, когда его связывали с именем Орлова»¹¹.

Насколько в действительности неуместно называть Орлова «перебежчиком», показывают архивные документы КГБ, в деталях описывающие важность и масштабы секретов советской разведки, которые он намеренно утаил от американцев. Документы показывают,

что хвалебная речь сенатора Истленда, опубликованная по специальному распоряжению сената под заголовком «Наследие Александра Орлова», была не вполне уместна. Настоящие «честные» советские перебежчики прибывали на Запад после коренной перемены своей лояльности к советскому строю. Всем контрразведчикам приходится задавать себе извечные вопросы: «Следует ли им верить?» и «Не засланы ли они?» В случае с Орловым сейчас есть все основания действительно сомневаться в том, что сталинский мастер шпионажа вообще когда-либо был перебежчиком в истинном смысле этого слова. Ни в одном из документов, полученных из архивов в соответствии с законом о свободе информации и отражающих лишь небольшую часть записей о сотнях часов показаний, которые Орлов давал сотрудникам ФБР и ЦРУ, не содержится никаких указаний на то, что он когда-либо, хотя бы в малейшей степени, обнаружил свою действительную осведомленность о тайной стороне деятельности советской разведывательной службы. Несмотря на то, что большая часть этих документов все еще остается засекреченной, совершенно очевидно, что Орлов не раскрыл ни одного из звеньев агентурной сети внедрения, к созданию которой, как показывает его дело из архивов КГБ, он до «побега» имел самое непосредственное отношение. Это видно из того, что некоторые из завербованных им агентов продолжали работать на советское государство на протяжении почти всех 60-х годов. Сейчас есть все основания считать, что та информация, которую Орлов предоставил американцам, была тщательно продуманной уловкой с целью скорее скрыть, чем разгласить наиболее важные секреты, которые он знал. Несмотря на похвалы, расточавшиеся в его адрес сенатором Истлендом, Орлов, как сейчас выясняется, не отрекался от своей веры в идеалы ленинской коммунистической революции и никогда не был перебежчиком – он был всего лишь беженцем, спасавшимся от сталинского режима¹².

Даже у официальных лиц из ФБР и ЦРУ, которые на протяжении долгого времени, исполняя свой профессиональный долг, проводили допросы Орлова и консультации с ним, всегда присутствовало подозрение, что он придерживает некоторые из своих наиболее важных тайн. Для перебежчиков было характерно сохранять в запасе часть информации, чтобы иметь в будущем кусок хлеба, а Орлов был особенно сдержанным. Следователи ЦРУ признавали, что у них вызывала беспокойство широкая осведомленность Орлова о Великобритании, которую он, по его собственному утверждению, приобрел, читая документы, передававшиеся в Центр советскими агентами, работавшими в Лондоне в 30-х годах. Казалось, Орлов был до мелочей знаком с месторасположением и внешним обликом правительственных зданий в Лондоне, и не похоже было, что познания такого рода были приобретены лишь в результате чтения поступавших в Москву донесений. Однако он так и не признался, что когда-либо бывал в Англии, и было бесполезно пытаться получить от него какие-нибудь сведения, когда речь заходила о советских разведывательных операциях в странах Европы, в которых он участвовал до своего назначения в Испанию в 1936 году¹³.

Всегда присутствовало сомнение, что Орлов, неоднократно заявлявший о своей антикоммунистической позиции и лояльности по отношению к Соединенным Штатам, замалчивал важные секретные сведения по идеологическим соображениям, а имена советских агентов не раскрывал из чувства долга. Остается неясным, подозревали ли офицеры американской контрразведки, изучавшие донесения Орловых об их встрече с Феоктистовым, что истинная причина попытки КГБ восстановить контакт после многолетнего перерыва заключалась в стремлении убедиться в том, что Орлов не выдал американцам наиболее существенные секретные данные советской разведки.

Девятитомное досье Орлова из архивов КГБ не только впервые раскрывает, что же это были за секретные сведения, но и объясняет, почему по истечении четверти века было принято решение разыскать его. Подлинным «наследием Александра Орлова» являются архив-

ные материалы, которые надежно хранятся в подвалах бывшего 1-го Главного управления КГБ в Ясенево¹⁴.

Досье Орлова – это поразительный документ, в котором можно найти сведения об операциях международного шпионажа и дезинформации, задуманных и осуществленных под личным руководством аса разведки, окончившего свои дни изгнанником из Отечества, служение которому было его целью¹⁵. Досье показывает, как приверженность Александра Орлова идеалам коммунизма в конечном итоге оказалась для него такой же роковой иллюзией, как и все хитросплетения против Запада, на разработку которых он потратил половину своей жизни.

Глава 2

От гимназии до ЧК

Игорь Константинович Берг – этим именем чаще всего пользовался Орлов в Америке, чтобы скрыть подлинную личность одного из самых известных ветеранов советской разведслужбы в изгнании. Для человека, который за свою карьеру советского мастера шпионажа сменил множество псевдонимов, надевать чужую личину было такой же привычкой, как для человека более мирной профессии – ежедневно менять галстуки, отправляясь на работу. Одно лишь его досье из архивов ФБР показывает, что в период пребывания в убежище в Соединенных Штатах он использовал не менее восьми разных имен. Если числом вымышленных фамилий измерять многоликость шпиона, то еще десяток псевдонимов, которые обнаруживаются в архивах КГБ, показывают, насколько сложной была маскировка Орлова. Однако, чтобы рассказать историю поразительной карьеры этого человека, мы будем называть его Александр Михайлович Орлов, то есть воспользуемся фамилией, которой он пользовался при выполнении своего последнего задания на посту руководителя советской разведки в Испании и под которой он лучше всего известен историкам¹.

Орлов сказал Феоктистову, что этот псевдоним присвоил ему лично Сталин. Однако в данном под присягой заявлении Службе иммиграции и натурализации он утверждал, что фамилию Орлов дал ему Максим Литвинов, министр иностранных дел, потому что по пути в Испанию ему нужно было пересечь границу гитлеровской Германии, где его прежняя фамилия была известна немецкому гестапо². Это лишь одно из несоответствий, всплывших на поверхность при анализе истории Орлова. Можно предположить, что он не хотел раскрывать, что знал Сталина лично, и ему было желательно казаться менее значительным, чем он был на самом деле. Хотя между версией, которую он дал американцам, и документами из архивов КГБ имеется немало существенных противоречий, но в данных о его дате рождения и настоящем имени никаких расхождений не отмечается. Он родился в белорусском городе Бобруйске 21 августа 1895 г. в семье Лазаря и Анны Фельдбиных, назвавших своего сына Лейбой. Как видно из его досье, хранящегося в ФБР, у него была сестра, которая стала впоследствии зубным врачом в Москве и умерла в 1918 году³. Их отец родился в многодетной семье евреев-ашкенази, переселившейся из Австрии в лесную глубинку европейской части России на изломе XVIII века, незадолго до злополучного похода Наполеона на Москву⁴.

Разгром французов сопровождался для растущего еврейского сообщества в России периодом относительной свободы от царских погромов, в течение которого дед Орлова с отцовской стороны создал процветающее лесопромышленное коммерческое предприятие, стал одним из столпов бобруйской синагоги и одним из ее главных благодетелей. В 1885 году он ездил в Палестину с делегацией русских евреев, чтобы купить там землю во время *Aliya Rishona* – первой волны эмиграции, воодушевленной призывом «*Beth Ya'akov lehu venelha*» («Дети Иакова, идите!»). Дедушка Фельдбин вложил большие средства в покупку участка болотистой земли, названного «Врата надежды», в расчете на то, что его можно будет осушить и основать там поселение. В последние годы жизни Орлов с гордостью вспоминал, что его семья внесла свой вклад в создание государства Израиль в виде земельного участка, на котором был построен процветающий город Петах-Тиква⁵.

Хотя Орлов рос в последние десятилетия царского правления, его семья сохраняла прочные религиозные устои, несмотря на возобновившиеся погромы и волну антисемитизма. Семьи русских евреев, надеявшиеся построить лучшую жизнь, сталкивались с преследованиями и подпадали под действие дискриминационных законов, запрещающих рели-

гиозным меньшинствам доступ в верхние эшелоны имперской бюрократии, к определенным профессиям и службе в Вооруженных силах. Фельдбины передали веру своим детям как нечто большее, чем драгоценное духовное наследие; для Орлова это стало движущей силой в развитии личности и формировании характера. Это позволило ему пережить трудные времена, наставшие после того, как его семья решила остаться в России после неудачной попытки революционного переворота 1905 года, когда тетушки, дядюшки и двоюродные братья и сестры Фельдбиных предпочли присоединиться к массовому исходу в Соединенные Штаты⁶.

Среди тех, кто эмигрировал из Бобруйска и достиг положения в Америке, были многочисленные кузены, его друзья детства, самыми примечательными из которых были Исаак Рабинович, ставший попечителем нью-йоркского университета Брандиса, и Натан Курник, превратившийся в преуспевающего бизнесмена. Когда впоследствии Орлов оказался в изгнании в Америке, он обнаружил, что родственники, старые друзья, в том числе и его одноклассник Борис Розовский, были готовы оказать ему поддержку.

Розовский вспоминал, что в детстве ребята любили играть с Орловым, потому что он был предприимчивым, смекалистым и вообще прирожденным лидером. В первом томе его дела из архивов КГБ имеется портрет Орлова в подростковом возрасте, изготовленный бобруйским фотографом. На нем изображен молодой человек в сюртуке с высоким воротничком, с аккуратно разделенными пробором волосами, полными губами и торчащими ушами. Слегка насмешливое выражение лица и уверенный взгляд дают основания предполагать, что даже в годы ранней юности Орлов не страдал отсутствием самоуверенности. По словам Розовского, он был «одним из лучших учеников в школе», к тому же «весьма неплохим художником». Ближайший друг его мальчишеских лет рассказывал в ФБР, что Орлов был «хорошим гимнастом и прекрасно играл в футбол». Он вспоминал, как Орлов влюбился тогда в его сестру, хотя в социальном плане между их семьями лежала глубокая пропасть: родители Орлова были «довольно бедны», отец был всего-навсего агентом в лесоторговле, тогда как Розовские были богаты и владели несколькими фабриками. Розовский отмечает, однако, что Орловы были «очень религиозны» и что в их доме «не было ни пылинки»⁷.

Как это часто бывает с детьми, Орлова тянуло проводить время в более комфортабельной обстановке дома Розовских. По-видимому, на него производила впечатление разница в их социальном положении, и он всегда просил мать своего друга разрешить ему посмотреть на стол, который накрывали в ожидании важных гостей. Борис вспоминал, что его лучший товарищ Лейба «испытал чувство обиды и зависти» из-за того, что Розовские были богаты, «но в то же время он был джентльменом и говорил об этом так, чтобы никого не обидеть». Их дружба продолжалась все детство и раннюю юность. Розовский рассказывал, как Орлов спас его, когда он однажды летним днем 1913 года тонул, упав в реку во время катания на лодке. Храбрость Орлова никогда не была безрассудной, по словам Розовского, но опиралась на острый ум, который произвел впечатление на рабби, изучавшего с ними Тору, и дал ему возможность с блеском закончить школу⁸.

Орлов оставался близким другом Розовского до 1915 года, когда спад экономики военного времени вынудил его отца оставить лесоторговлю и перебраться в Москву в поисках более прибыльной работы. Школьные успехи Орлова и способность к рисованию помогли ему поступить в Лазаревский институт, где он проявил свои способности в изучении не только учебных дисциплин, но и прикладного искусства. Это учебное заведение было основано двумя братьями-армянами по фамилии Лазарян, которые готовили своих воспитанников к дипломатической и консульской службе. Впоследствии оно было преобразовано в Институт восточных языков⁹. Именно там Орлов крепко подружился с Зиновием Борисовичем Кацнельсоном, одним из кузенов, с которым они вместе жили в небольшой квартирке.

Зиновий был не менее способным учеником. Одними из лучших они закончили институт, но оставили искусство, предпочтя ему более солидную карьеру, и поступили в Школу правоведения при Московском университете, одно из прославленных учебных заведений царской России. Не успели они приступить к изучению курса юриспруденции, как их учеба была прервана в 1916 году, и оба были призваны в армию. Ни один из них не участвовал в боевых действиях. В год накануне революции они – рядовые пехотинцы – были, к своему счастью, прикомандированы к 104-му полку, который находился в резерве и дислоцировался на Урал¹⁰.

Когда Орлов был мальчиком, он мечтал о том, как станет взрослым и поведет в бой лихой кавалерийский отряд, и лишь позднее обнаружил, что его мечты были напрасны, потому что евреям невозможно было получить офицерское звание, не говоря уже о том, чтобы попасть в элитные подразделения царской армии. Однако для него открылась возможность сделать желанную военную карьеру в феврале 1917 года после отречения Николая II благодаря реформам Временного правительства. В марте 1917 года Фельдбин успешно прошел курс обучения в школе прапорщиков и к маю попытал счастья с радикал-революционерами, вступив в одну из фракций Российской социал-демократической рабочей партии. Орлов присоединился не к ленинской фракции большевиков, а к другой фракции РСДРП, которой руководил Соломон Абрамович Лозовский, впоследствии ставший генеральным секретарем Профинтерна (Красный интернационал профсоюзов). В качестве члена так называемой «группы интернационалистов» Лозовского Орлов завязал множество полезных контактов в революционных движениях и приобрел весьма хорошие знания английского, немецкого и французского языков. Однако, как показывает анкета в его личном досье, он не вступал в члены партии большевиков до 1920 года, когда его рекомендовал В. А. Тер-Ваганян, старый марксист, ставший его другом и политическим наставником¹¹.

«Я верил в программу и обещания Ленина», – этими словами впоследствии Орлов объяснял свое решение стать большевиком. «Я видел в его программе поразительный прогресс по сравнению с феодальным царским режимом, при котором 95 процентов населения были неграмотными, а меньшинства постоянно преследовались на религиозной почве»¹². Как и у многих евреев, которым предстояло сыграть ведущую роль в рождении советского государства, решение Орлова вступить в ряды революционеров было инстинктивной реакцией на погромы царского времени. Хотя он и не был активным участником Октябрьской революции, которая дала возможность ленинской партии большевиков захватить власть, но для него, как и для многих его современников, живших в этот бурный период, восстание было сродни духовному возрождению, причем не только для России, но и в личном плане. Хотя Орлов впоследствии разоблачил Сталина и перегибы его тирании, он до конца своих дней сохранил, подобно Граалю, веру в идеалы марксистско-ленинской революционной доктрины¹³.

Лояльность Орлова, как солдата революции, была вознаграждена назначением на невысокую должность Администрации Ленина, созданной им для того, чтобы взять под контроль своей находившейся в меньшинстве большевистской партии российское правительство и огромный бюрократический аппарат. С ноября 1917 года до середины 1918-го Орлов возглавлял информационную службу Верховного финансового совета. Жизнь гражданского служащего, по видимому, мало привлекала Орлова, как это видно из его досье, и на следующий год он вновь оказался в армии. В новой Красной Армии, во исполнение большевистской политики, направленной на укрепление контроля путем внедрения в ее ряды образованных членов партии, он вступил в офицерский корпус, который подвергся реорганизации в соответствии с директивами народного военного комиссара Л. Д. Троцкого¹⁴.

В 1918 году разразилась кровавая Гражданская война, когда три белогвардейские армии – под командованием адмирала Колчака и генералов Деникина и Юденича – подняли

открытые восстания против большевиков и, стремясь восстановить царский режим, двинули войска в центр России из Сибири, с Кавказа и со стороны Финского залива. Послужной список Орлова показывает, что в 1920 году он был направлен в 12-ю армию на юго-западной границе европейской части России в качестве следователя и заместителя командира «особого отдела» (военной контрразведки). Здесь ему впервые представился случай продемонстрировать свое хладнокровие под огнем в боях с наступающей польской армией. Законность этого иностранного военного вторжения была поддержана так называемой антибольшевистской русской народной армией, набранной Борисом Савинковым, лидером социал-революционной партии и бывшим членом Временного правительства. Цель Савинкова, непримиримого врага Ленина, как и цель других белогвардейских командиров, заключалась в том, чтобы разгромить Красную Армию и прогнать большевиков с помощью вооруженных сил Польши¹⁵.

Русско-польская война принесла Орлову быстрое продвижение по служебной лестнице до руководителя диверсионных операций на юго-западе против польской армии и ее белых союзников. Он лично возглавлял операции на оккупированной поляками территории, устраивая короткие вылазки, в результате которых взрывались мосты, железнодорожные пути, электростанции и выводились из строя телефонные и телеграфные линии. Покрытый глухими лесами, юго-запад России был идеальным местом для проведения подобных операций, поскольку диверсанты могли там незаметно прокрадываться через леса и проникать в тыл противника. Эти операции координировались с действиями 12-й армии, которая полагалась на разведданные Орлова, добытые в ходе таких вылазок. Некоторые из его рейдов в тыл противника проводились с единственной целью – раздобыть вражеские карты, военные планы и данные о численности и расположении польских войск. В таких случаях орловские диверсанты получали задание взять в плен вражеского штабного офицера для получения дополнительной информации¹⁶.

Самым ценным источником информации из всех захваченных во время диверсионных операций Орлова «языков» был занимавший такой же, как и он, пост полковник Сеньковский, который командовал польскими диверсионными отрядами. Как рассказывал Орлов, Красная Армия отступала по всему фронту и Сеньковский лично прибыл на фронт, чтобы непосредственно руководить заброской в русский тыл сорока поляков и русских белогвардейских офицеров. Когда их взяли в плен, они рассказали, что были направлены с целью взять под свое командование 8000 украинских повстанцев и дезертиров, скрывавшихся в лесах. Своевременный захват в плен Сеньковского сорвал польский план бросить эти силы в атаку на тылы 12-й армии. Контрразведывательная операция Орлова принесла ему горячую благодарность от штаба за то, что он помог повернуть на 180 градусов безвыходную военную ситуацию.

Еще одной важной операцией, в которой участвовал Орлов в качестве сотрудника особого отдела 12-й армии, был захват в плен Игнатия Игнатьевича Сосновского. Будучи одним из ведущих офицеров польской военной разведки, он не только стал важной добычей сам по себе, но и был с успехом переведен чекистами. После войн он работал в качестве кадрового офицера контрразведки под именем Добржинский, пока в 1937 году¹⁷ его не расстреляли «за измену».

Орлов часто действовал в тылу врага и лично руководил рискованными операциями. Его отвага и готовность пожертвовать собственной жизнью вдохновляли бойцов, которыми он командовал. Именно в ходе диверсионных операций против антибольшевистских сил и польских войск Орлов приобрел друзей, оказавшихся бесценными союзниками на долгие годы. Одним из них был его шофер Макс Безанов, который впоследствии был надежным источником информации, когда стал личным шофером Сталина¹⁸. Богатый личный опыт, приобретенный во время руководства операциями в ходе русско-польской войны, сде-

лал Орлова одним из признанных экспертов Красной Армии в вопросах контрразведки и диверсионных действий. Своевременно представленная им развединформация сыграла очень важную роль, позволив остановить попытку польской армии продвинуться к Москве летом 1920 года.

Среди бывших офицеров контрразведки Красной Армии, отобранных для того, чтобы играть важную роль в ЧК в послевоенный период, был и Орлов, которому тогда исполнилось 25 лет. О его способностях дал благоприятный отзыв Артур Христианович Артузов, новый начальник контрразведки. Возглавляя особый отдел ЧК 12-й армии, он познакомился с Орловым во время войны с Польшей. Когда Орлов обратился с просьбой о переводе в Москву в декабре 1920 года, его просьба была быстро удовлетворена, и он был откомандирован в формирующиеся подразделения ЧК, на которые возложили ответственность за защиту советских границ.

В начале 1921 года Орлов получил назначение в Архангельск в качестве начальника секретно-оперативной части ЧК. Он стал членом организации, являвшейся в то время одной из элитарных сил советского государства, которая воспитывала горячую преданность и заставляла своих членов гордиться тем, что они защищают революцию. Неподкупная и отличающаяся строгими нравами, она уже хранила традиции, такие, например, как выдача зарплаты своим сотрудникам 20-го числа каждого месяца, в память о 20-м декабря – дате основания ЧК¹⁹.

Поскольку Орлов был оперативным сотрудником, которому приходилось контактировать с иностранцами, от него потребовали взять новую фамилию в соответствии со строгими правилами, введенными Дзержинским в целях защиты безопасности организации. Так Лейба Фельдбин стал Львом Лазаревичем Никольским, получив первый из длинной цепочки псевдонимов. Под этой фамилией Орлова знали в период его следственной работы в контрразведке в Архангельске, который был выбран Дзержинским местом охоты за иностранными шпионами, внедренными в период его оккупации союзническими экспедиционными силами в начале Гражданской войны.

1 апреля 1921 г., на новом месте службы, Орлов женился на Марии Владиславовне Рожнецкой. Его невеста, поразительно красивая и умная женщина из Киева, была на восемь лет моложе его. Ей разрешили оставить работу архивариуса в Министерстве иностранных дел для поступления в медицинский институт. В 16 лет она вступила в партию и в 1919 году начала работать в советских учреждениях, а затем ушла добровольно служить в Красную Армию, став канцелярским работником в штабе Юго-Западного фронта, где она впервые встретила Орлова. Совершенно необычно для романа, который развивался в условиях войны: взаимная привязанность оказалась прочным союзом, их отношения выстояли во время крушения карьеры Орлова и служили для них обоих эмоциональным якорем спасения в течение почти полувека¹⁹.

Осенью 1921 года молодожены возвратились из Архангельска в Москву. Там Мария поступила на медицинский факультет при 2-м Московском университете, а ее муж вернулся в Школу правоведения и тогда же получил назначение на должность следователя Верховного трибунала ВЦИК. Официально его связь с ЧК закончилась, однако на самом деле это был лишь прием, который Дзержинский использовал для того, чтобы позволить «избранным» чекистам приобрести опыт юридической работы и респектабельность, которые помогли бы им в дальнейшей службе. Коммунисты практиковали также назначение чекистов и партийных функционеров на работу в гражданские учреждения в целях укрепления политической благонадежности их персонала. Таким образом, возобновив заочную учебу в Школе правоведения, Орлов получил возможность закончить ее три года спустя с дипломом юриста.

В Верховном трибунале Орлов работал под началом Николая Васильевича Крыленко, видного юриста и партийного деятеля. Хотя у Орлова еще не было достаточного опыта, он,

тем не менее, помогал в составлении первого Уголовного кодекса, введенного в Советском Союзе. Его вклад можно проследить по статьям, появившимся в номерах «Еженедельника советской юриспруденции» за 1922 год. Именно в тот период, когда Орлов помогал созданию прочного правового фундамента советского государства, 1 сентября 1923 г. родилась его дочь Вероника²⁰.

В качестве помощника прокурора и следователя по делам, квалифицируемым как «экономические преступления», вспоминал впоследствии Орлов, ему нередко приходилось представлять дела в тех же судах, что и Андрею Вышинскому, бывшему меньшевику, примкнувшему к победившим коммунистам после революции. Двенадцать лет спустя Вышинский, прирученный партией руководитель юридического факультета Московского университета, приобрел дурную славу как режиссер-постановщик сталинских показательных судебных процессов. Когда они работали вместе в Верховном суде, там не было недостатка в делах, подлежащих уголовному преследованию. Голод и разруха, порожденные двумя с половиной годами Гражданской войны, вскоре вынудили Ленина, всегда отличавшегося прагматизмом, притормозить шествие военного коммунизма, введя так называемую новую экономическую политику, которая частично восстанавливала капитализм и привлекала инвестиции с Запада²¹.

Одним из тех, кому Дзержинский поручил расследование совершившихся на этой почве «проступков», был Орлов, которого в 1923 году пригласили в штаб-квартиру ОГПУ и предложили провести расследование с целью возбуждения судебного преследования по делу о коррупции, связанному с обращением государственной собственности в личную.

Орлов представил свои выводы специальному заседанию Политбюро, на котором присутствовали Сталин и Дзержинский. Хотя расследование было проведено со впечатляющей тщательностью, Сталин с успехом аргументировал отклонение предложенного Орловым вердикта о невиновности. По его глубокому убеждению, увеличение числа смертных приговоров по политическим соображениям послужит мощным сдерживающим фактором для других экономических преступников. Тем не менее на Дзержинского произвело впечатление бесстрашное представление дела его специально подобранным следователем, по его настоянию Орлов возвратился в штаб-квартиру ОГПУ и получил должность в Экономическом управлении, известном как ЭКУ²². Его кузен Зиновий Кацнельсон был в то время уже одним из старших сотрудников этого управления, а поэтому вполне возможно, что он способствовал продвижению Орлова по службе.

В послужном списке Орлова, который находится в первом томе его личного дела, указывается, что в 1924–1925 годах он был назначен помощником начальника ЭКУ, одновременно занимая пост начальника его VII отделения. Он перебрался в кабинет начальника отделения ОГПУ на Лубянке. Великолепное шестизэтажное здание, украшенное причудливыми фронтонами и лепниной, в котором некогда помещалось Всероссийское страховое общество, стало, по иронии судьбы, зловещим архитектурным символом, учитывая страх, который это здание внушало большинству людей. На фотографии того времени Орлов изображен в модной сорочке с пристежным воротничком, со взъерошенными, но редкими волосами и аккуратно подстриженными усами. Он напоминал скорее несколько встревоженного начальника отряда бойскаутов, чем восходящую звезду советской секретной службы. Работая вместе с Андреем Иванчиковым в качестве помощника Григория Благонравова, начальника Экономического управления, Орлов курировал деятельность пяти отделений. Согласно показаниям, которые впоследствии Орлов давал перед сенатом США, Дзержинский возложил на него обязанность «контролировать промышленность и торговлю» наряду с особой ответственностью за «борьбу с коррупцией»²³.

В конце 1925 года Орлов уехал из Москвы в Закавказье. Это срочное назначение было вызвано тем, что его опыт контрразведывательной работы потребовался командованию пограничных войск ОГПУ в Закавказье. Там он был обязан обеспечить надежную охрану границы от любых внешних вторжений, которые помешали бы советским операциям по подавлению разрастающихся волнений среди вечно беспокойных грузин. Назначение Орлова благословил сын Грузии Сталин²⁴.

Разместив свой штаб в городе Сухуми, Орлов как бригадный командир получил под свое командование шесть полков. Но его войска численностью 11 000 человек были рассредоточены на слишком большой территории. Обеспечивать охрану по всей протяженности южных границ Советского Союза с Персией и Турцией было непростой задачей, поскольку дикая гористая местность была в течение многих веков прибежищем бандитов и мятежников. На этом трудном посту Орлов продемонстрировал свои незаурядные организаторские способности, добиваясь максимальных результатов при наличии минимальных средств. Борьба с мятежниками требовала работы в тесном сотрудничестве с начальником регионального ОГПУ Лаврентием Берией, членом сталинской «грузинской мафии», которого Сталин впоследствии продвинул на должность начальника НКВД.



РОДНОЙ ГОРОД ОРЛОВА: На открытке 1907 года с видом Бобруйск показан квартал, где прошло детство Лейбы Фельдбина (Александр Орлова);

Примерно в это же время его, уверенного в себе молодого человека запечатлел местный фотограф.



В Москве, будучи студентом, он отпустил усы которые сделали молодого революционера похожим на Чаплина



в 1918 год большевики включили его в состав Высшего финансового совета

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ: Красная Армия, комиссаром которой был Лев Троцкий



вела кровавую войну против белых армий и их иностранных союзников



атака на польском фронте, 1921 год



Допрос пленных на Юго-Западном фронте

офицер контрразведки представил Орлова председателю ЧК Ф. Дзержинскому



ОБМАНЩИКИ. И ОБМАНУТЫЕ: Операции «Трест» и «Синдикат» – взаимосвязанные мероприятия, проводившиеся с участием агентов ОГПУ Опперпута/Селянова, – были одними из самых успешных дел, направленных против белогвардейского руководства, находившегося в изгнании.



Селянов

Были нейтрализованы планы генерала Кутепова поднять восстание внутри СССР, а в 1930 году был похищен он сам



генерал Кутепов

шестью годами раньше в Москву заманили и посадили в тюрьму Б. Савинкова.



Б. Савинков (в центре – лысеющий мужчина)

В 1923 году офицер ОГПУ А. Якушев организовал операцию по заманиванию в ловушку легендарного Сиднея Рейли



А. Якушев



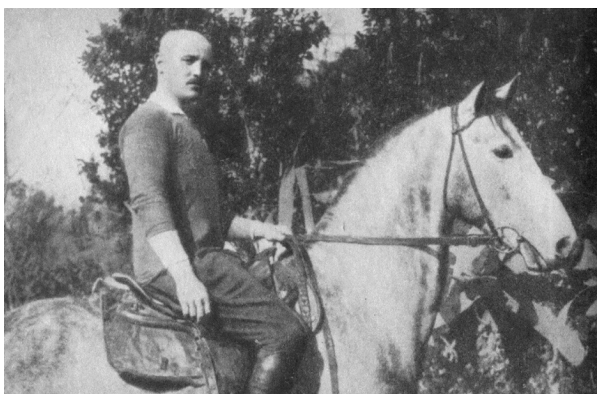
Сидней Рейли

труп британского шпиона-аса был выставлен для обозрения в изоляторе Лубянки.



ВОСХОДЯЩИЕ ЗВЕЗДЫ ОГПУ: В свободное от службы время – в Сухуми.

Бритоголовый Орлов (снимок 1925 года) выглядит так, как подобает суровому командиру сил. закавказских пограничных сил.

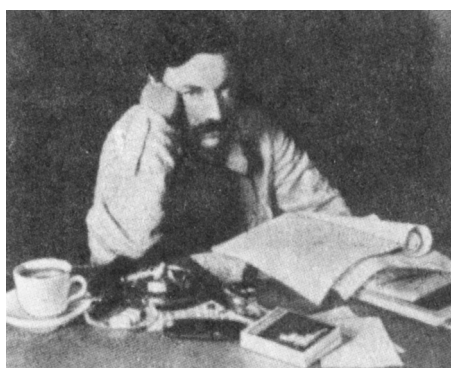


Другой ветеран ЧК – М. Триллисер.



Здание Лубянки: так оно выглядело в 1926 году.

когда начальником ОГПУ стал В. Менжинский



а начальником ИНО – Триллисер



На похоронах Дзержинского гроб нес И. Сталин, а Г. Ягода (второй слева) шествовал за Л. Каменевым (четвертый слева).

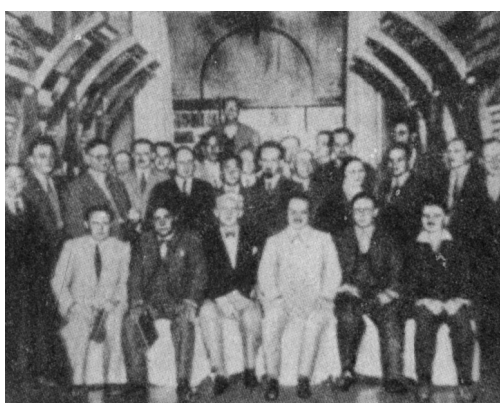


Александр Коротков руководил берлинским отделением «Красной капеллы»,



Александр Коротков

возникшей в результате приезда в Москву просоветски настроенных ученых



Две ее главные сети возглавляли «Старшина» и «Корсиканец»



«Корсиканец» – А. Харнак



«Старшина» – Х. Шульце-Бойзен (справа) с К. Шумахером

Радист сети Х. Коппи.



Х. Коппи

ЧЛЕНЫ БЕРЛИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ «КРАСНОЙ КАПЕЛЛЫ»: А. Хесслер, немец, бывший член Интербригады, завербованный в Испании в секретной школе Орлова. В 1942 году его сбросили с парашютом в Пруссии, чтобы восстановить контакт с «Корсиканцем» и «Старшиной»; позднее он попал в гестапо и был расстрелян.



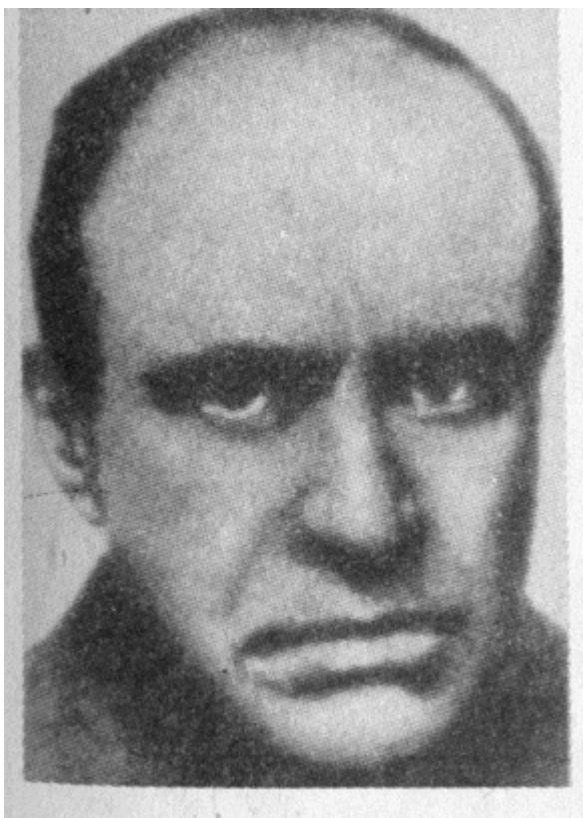
А. Хесслер

Э. фон Брокдорф – одна из женщин, член сети «Корсиканца», – жизнью заплатила за работу в коммунистическом подполье.



Э. фон Брокдорф

А. Кукхоффу – руководителю подразделения берлинск части «Красной капеллы» – был дан псевдоним «Старик».



А. Кукхоффу

В. Леманн был советским источником в гестапо под псевдонимом «Брайтенбах».



В. Леманн

К. Шульце также был активным членом сети в Берлине и нос псевдоним «Берг».



К. Шульце

ВЕРБОВЩИКИ СЕТИ ШПИОНОВ В ОКСФОРДЕ И КЕМБРИДЖЕ: Действуя под руководством И. Рейфа (Макс Волиш)

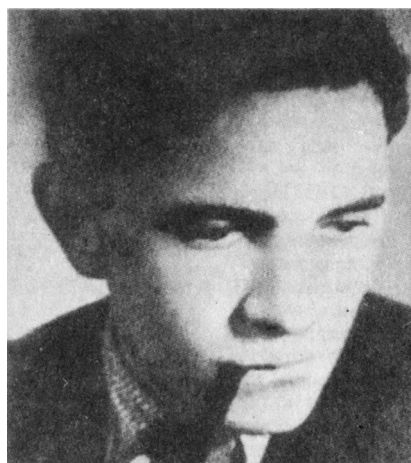


И. Рейфа (Макс Волиш)

нелегальный резидент НКВД в Лондоне – австрийский ученый А. Дейч – стал советским сотрудником, который вступил в контакт с К. Филби



А. Дейч



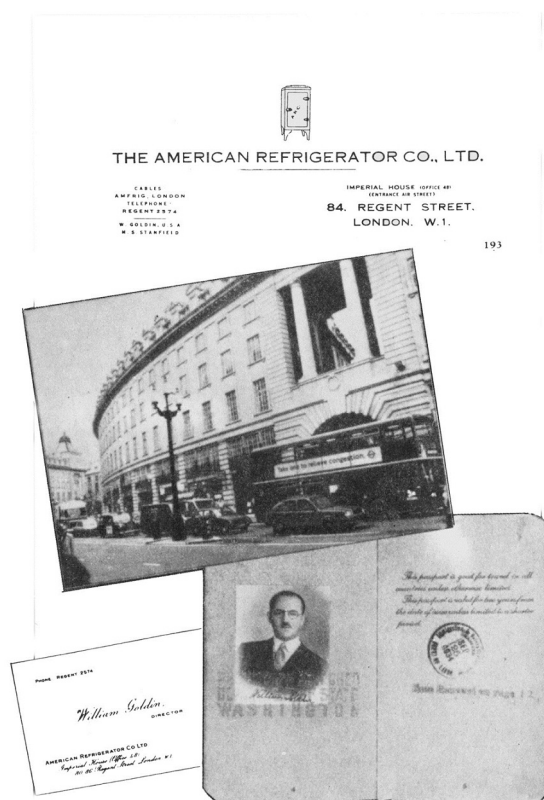
К. Филби

ТАЙНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕЗИДЕНТУРА: Орлов действовал под «крышей» фирмы «AMFRIG», выдавая себя за американского бизнесмена Уильяма Голдина до того, как он передал своих агентов Т. Малли (внизу справа) в 1935 году



Т. Малли

подлинный паспорт США на это имя





Филби

Филби – снимок на лекции, которую он читал в учебном классе КГБ через сорок лет после того, как в 1934 году он включил в группу Д. Маклейна и Г. Бёрджесса.

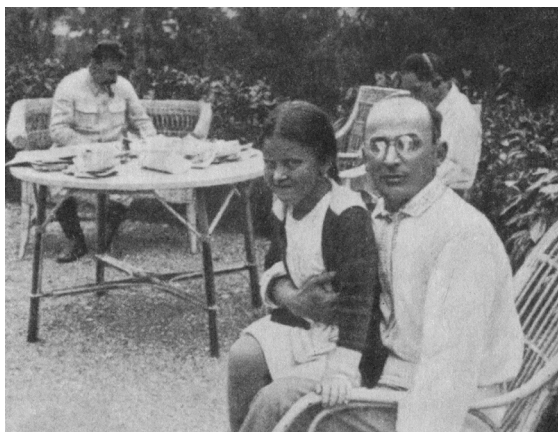


Д. Маклейн



Г. Бёрджесс

ЛИКВИДАЦИЯ ВРАГОВ «БОЛЬШОГО ХОЗЯИНА»: Уютная обстановка на ялтинской даче Сталина, где он отдыхал



(на снимке его дочь Сталина Светлана на руках у Берии)

резко контрастировала с кровавыми чистками, в ходе которых ликвидировались его оппоненты. По Европе рыскали группы убийц, действовавшие под контролем Н. Ежова



Н. Ежов

и непосредственным командованием М. Шпигельгласса.



М. Шпигельглас

«Черные списки» составлялись на основе донесений агента проникновения НКВД М. Зборовского ставшего одним из доверенных лиц в окружении Троцкого.



М. Зборовский

ОПЕРАЦИИ В ИСПАНИИ: Помощник Орлова А. Белкин руководил сетью «Корсиканца» в Берлине,



А. Белкин

а затем в Испании завербовал американца-добровольца из «Бригады Линкольна» М. Козна.



М. Козна

В 1937 году был ликвидирован перебежчик из НКВД И. Рейсе.



И. Рейсе

Годом позже в Барселоне Орлов руководил ликвидацией А. Нина (внизу слева)



А. Нина

его заместитель Л. Эйтингон организовал убийство Троцкого.



Л. Эйтингон

ОРЛОВ-СЕМЬЯНИН: Франтоватый, уверенный в себе генерал НКВД в своей штаб квартире в Барселоне.





М. Орлова, так она выглядела на фотографии в австрийском паспорте, с которым ездила в Великобританию в 1934 году под именем Марии Фельдбин.



В. Орлова рядом с любящим отцом, вскоре ее иллюзии были разбиты в прах – в июле 1938 года семья бежала из Испании в Америку в вынужденную эмиграцию.

На фотографиях времени его службы в Сухуми Орлов выглядит как солдат с передовой: наголо стриженный, с усами и осанкой коренастого боксера-профессионала. Находясь явно в расцвете физических сил, он позировал со своим любимым конем и выглядел весьма уверенным в себе бригадным командиром пограничных войск.

К этому месту службы Орлова сопровождали жена и трехлетняя дочь Вероника. Любящие родители называли ее Верой; она унаследовала острый ум отца и красоту матери. Родители берегли ее как зеницу ока. В первый и единственный раз Орлов и Мария получили возможность насладиться счастьем нормальной семейной жизни в относительном покое и комфорте черноморской республики. Виноградники Грузии и собирающие обильные урожаи мелкие хозяйства в большинстве своем избежали разорения и голода Гражданской войны. Но далее в этом советском оазисе, где круглый год было тепло, вдали от снегов и интриг Москвы, семью Орловых постигла трагедия.

Однажды весенним вечером они поехали кататься на лодке по Тифлисскому озеру. Внезапно разразился дождь, Орловы не смогли быстро добраться до берега, и все сильно промокли. У Веры начался озноб и поднялась высокая температура. В тот момент родители не придали болезни особого значения, считая, что это просто затянувшаяся простуда. Лишь позднее, когда они вернулись на следующий год в Москву, Орловы были потрясены, услышав диагноз врача – ревматизм, который был причиной того, что Вера никак не могла полностью выздороветь. Прогноз в отношении здоровья Веры был мрачным: в то время эта болезнь, которая разрушала сердце, считалась неизлечимой²⁵.

По мере того как шли годы, а здоровье их единственного ребенка неуклонно ухудшалось, самозабвенная любовь родителей к ней становилась все сильнее. Орлов все чаще задумывался о прогнозе относительно здоровья дочери, но никогда не терял надежду, что если не в России, то в какое-нибудь другой стране они, возможно, найдут врача, который сможет вылечить больного ребенка.

Вполне вероятно, что возможность отвезти Веру за границу для лечения была одним из факторов, объясняющих переход Орлова в Иностраннный отдел ОГПУ (ИНО) в 1926 году.

Летом 1926 года Орлов получил первое назначение на работу за границей, в Париже, под псевдонимом Льва Николаева. Судя по въездному штампу, проставленному французами, у него был статус сотрудника советского торгпредства. Такова была «крыша» Орлова для его роли «легального» резидента ИНО во Франции, в чем он признался в ходе собеседова-

ния, проведенного в 1965 году ЦРУ по просьбе французского управления контрразведки – Direction de la Surveillance du Territoire (ДСТ), имеющего у себя в стране приблизительно такие же полномочия, что ФБР в США или МИ-5 в Великобритании²⁶.

По словам Орлова, его обязанности как резидента ОГПУ включали не только сбор и передачу разведанных, но и контроль за безопасностью и наблюдение за политической благонадежностью персонала посольства СССР и торгпредства.

Судя по протоколам его допроса в ЦРУ, Орлов рассказал, что он фактически работал под крылом Якова Христофоровича Давыдова. Это был бывший начальник Иностранного отдела ОГПУ, который под фамилией Давтян был аккредитован в 1926 году в качестве сотрудника советской дипломатической миссии. Послом был Христиан Раковский, но, по наблюдениям Орлова, настоящая власть в посольстве сосредоточилась фактически в руках Давыдова. Авторитет Раковского, по словам Орлова, был сильно подорван тем, что он стал объектом постоянного шантажа со стороны белогвардейских офицеров, которые с помощью французских политических деятелей правого крыла вели кампанию за возмещение значительных дореволюционных капиталовложений Франции в Россию. Их обращения в парламент в конечном счете привели к разрыву дипломатических отношений, а следовательно, и к отзыву Раковского.

Орлов поведал ЦРУ, что именно Давыдов нес ответственность за вербовку Эрбетта де Монзи, которого называли «столпом французского политического истеблишмента». Орлов признавал, что именно де Монзи он имел в виду, говоря в своем «Пособии» об одном из политических лидеров в одной из «стран Европы», который поддерживал тайные контакты с СССР и выступал в роли посредника в контактах с «агентами влияния» в парламенте²⁷. Вскоре после отъезда из Парижа Давыдов был вознагражден получением ранга посла, а руководить агентами во французском парламенте было поручено одному советскому гражданину по фамилии Еланский. Примечательно, что Орлов заявил ЦРУ в 1965 году, что не может дать никаких точных сведений о личности или партийной принадлежности французского парламентария, который был у русских «в кармане».

Примечательно и то, что Орлов особенно настаивал на том, чтобы имя де Монзи не сообщалось французам. Однако, как показывают архивы ДСТ, именно это ЦРУ немедленно и сделало!

Орлов также рассказал ЦРУ, что Дмитрий Михайлович Смирнов, которого он называл уменьшительным именем Дима, был его помощником в парижской резидентуре в 1927 году. Он был из поляков, имел кодовое имя «Виктор» и работал во Франции под именем Дмитрий Михайлов. Именно он, как сообщил Орлов, завербовал бывшего царского генерала Дьяконова, выполняя задание Центра внедриться в эмигрантские организации во Франции. Смирнов стал в 1933 году преемником Орлова на посту «легального» резидента в Париже²⁸.

Другим помощником Орлова в парижской резидентуре был Дмитрий Лордкипанидзе, грузин, которого он знал по работе в Тифлисе. Под псевдонимом «Загарелли» он выполнял специальное задание по непосредственному указанию Сталина и должен был заставить известного меньшевика Н. В. Рамишвили, который в то время находился в Париже, написать книгу о революционном движении на Кавказе. Сталин надеялся, что таким образом его собственный вклад в большевистское движение в этой работе будет выдвинут на первый план. Однако Лордкипанидзе не удалось выполнить это задание, в результате чего он, как оказалось впоследствии, нажил себе смертельного врага в лице кремлевского диктатора²⁹.

Когда Орлов прибыл в советское посольство, которое тогда, как и теперь, размещалось в историческом особняке не улице Гренель, ОГПУ уже почти целиком прибрало к рукам те разведывательные функции, которые ранее осуществлялись через коминтерновскую сеть. По словам Орлова, вводящая в заблуждение информация, или дезинформация, как ее теперь

называют, также стояла в повестке дня резидента ОГПУ³⁰. «Решение о том, какую информацию или слухи, если таковые появлялись, следовало окольным путем подсунуть так, чтобы они дошли до ушей определенного иностранного правительства, было само по себе вопросом высокой политики и должно было подчиняться конкретным целям, преследуемым высшим эшелоном власти СССР, – говорил впоследствии Орлов. – Дезинформация – это не просто ложь ради лжи; предполагается, что она станет ловким способом заставить другое правительство делать то, что Кремлю желательно, чтобы оно делало, или запугать и застрашать правительство какой-нибудь страны до состояния полной пассивности или до такой степени, что оно пойдет на уступки СССР»³¹.

Приведенный Орловым в его «Пособии» пример операции с вовлечением французского генштаба показывает, что французам были переданы страницы германского военного доклада, в котором указывалось, что Гитлер планирует вновь оккупировать Рейнскую демилитаризованную зону, установленную по Версальскому мирному договору, чтобы затем через полтора года вторгнуться во Францию. ДСТ проглотила эту наживку. Орлов позднее объяснил ЦРУ, что этой успешной операцией руководил Борис Берман, возглавлявший в Центре работу по дезинформации. Знаменательно, что Орлов заявил, что не может вспомнить подробности. Но, как он полагает, подсунул эту дезинформацию советский агент по фамилии Уманский, который был лично связан с Пьером Лавалем. Уманский, русский еврей, был преданным коммунистом. По словам Орлова, после того как Уманский сопровождал Лавала в Москву, французский политический деятель, впоследствии возглавивший печально известное правительство Виши во время войны, подарил ему в качестве сувенира золотые часы. Однако, когда Орлова попросили сообщить более существенные подробности, он сказал, что больше ничего не знает об этой операции. Он утверждал, что видел Уманского случайно единственный раз, когда они оказались в одном купе в «Красной стреле», следовавшей из Ленинграда в Москву³².

Представленная Орловым информация раздражила французов своей недоказательностью. Неубедительным был также и его ответ на вопрос о том, что это был за офицер тайной полиции одной неуказанной европейской страны, который, как Орлов утверждал в своем «Пособии», сообщил советским представителям, что «влиятельный член кабинета является партнером крупной организации торговцев наркотиками». (В действительности это был министр юстиции Франции.) Хотя Орлов признался ЦРУ, что эта сенсационная информация была получена «между 1926 и 1928 годами», то есть в тот период, когда был резидентом во Франции, он утверждал, что не может ни вспомнить фамилию своего осведомителя из французской полиции, ни указать его имя в списке, представленном ему ДСТ³³.

По-видимому, «провалы в памяти» случались у Орлова именно тогда, когда нужно было вспомнить какие-то недостающие важные детали этих французских эпизодов. Ту же характерную для него тактику он применял, отвечая на вопросы ЦРУ относительно сути этих важных эпизодов. К 1965 году, когда его допрашивали по просьбе французской контрразведки, такие подробности имели лишь чисто историческое значение, и прошло уже почти три десятка лет с тех пор, как он открыто признал, что стал невозвращенцем. В этом случае, как и во многих других, Орлов никогда не имел намерения чистосердечно выкладывать все свои старые секреты. Однако из того, в чем он признался, можно заключить, что в период первой работы за границей он был глубоко вовлечен в осуществление многих важных операций. Орлов также научился быть удачливым игроком в тайных играх разведки. Хотя он прибыл в Париж, зная назубок по работе в контрразведке правила конспирации, во Франции Орлову пришлось столкнуться с практическими проблемами их осуществления в чужой стране.

В разведывательной работе, как стало известно впоследствии, использовали специальные термины, начиная с таких очевидных эвфемизмов, как «явка» для обозначения тайных randevu и «легенда» для обозначения историй, придуманных для прикрытия, и кончая «дубками» или «тайниками» для обозначения мест, где оставляют донесения, и «книжками» – для обозначения паспортов или «земляками» – для обозначения коммунистов других стран. «Кличка» означала кодовое имя; «подстава» – провокатора; «внутренник» – так называли внедрившихся агентов, а «расчет» означал физическое уничтожение вражеского агента. Орлову как офицеру советской разведки также пришлось овладеть всеми практическими приемами ремесла, включая умение оторваться от полицейского наружного наблюдения, выбирая сложные маршруты, при этом излюбленным методом была смена видов транспорта, например пересадка из автобусов в такси. Для передачи документов отдавалось предпочтение библиотекам и погруженным в полутьму кинозалам. По словам Орлова, в 20-х и 30-х годах ОГПУ особое предпочтение отдавало использованию кабинетов «доверенных дантистов и врачей», которые были излюбленными местами действительно важных встреч³⁴.

По словам Орлова, чтобы отличить провокаторов от настоящих осведомителей, требовалось обладать шестым чувством. В подтверждение он рассказывает в своем «Пособии» о случае, происшедшем в одном парижском кафе во время пробной «встречи» с высокопоставленным сотрудником французского министерства торговли. Рандеву, как рассказывает Орлов, было организовано с целью дать оценку этому чиновнику, который за последнее время неоднократно намекал советскому торговому представителю во Франции, что готов сотрудничать с русскими. В доказательство своей искренности француз передал папку с секретными данными, касающимися торговой политики его правительства в отношении СССР. На первый взгляд, он казался потенциально ценным источником, однако было в обстоятельствах прямого контакта с ним нечто такое, что насторожило советского офицера. Инстинкт подсказал ему, что следует проявить чрезвычайную осторожность при проведении этой встречи. С этой целью он позаботился о том, чтобы направить двоих своих самых верных агентов для наблюдения за встречей со стороны. Она была запланирована в не вызывающей подозрений обстановке многолюдного парижского бистро³⁵.

Как оказалось, принятые меры предосторожности оказались отнюдь не лишними. Орлов рассказывает далее, что, как только советский офицер сел, он заметил двух мужчин, сидевших за несколько столиков от него. «Эти двое похожи на полицейских агентов», – сказал он вызывающе французскому чиновнику, который слишком поспешно постарался развеять его беспокойство: «На мой взгляд, они выглядят как типичные представители среднего класса, брокеры, возможно, которые заключают свои сделки в кафе».

Как только офицер ушел, французский чиновник из министерства торговли, как сообщили наблюдавшие за ним агенты, сразу же поднялся и пересел к этим двум мужчинам, и у них завязался оживленный разговор. Агенты подслушали, что упоминалось о Коминтерне и несколько раз о России и русских, а затем один из французов оплатил счет и все трое уехали в одном такси!

В 1965 году Орлов раскрыл ЦРУ, что имя французского чиновника, занимавшегося в министерстве торговли вопросами торговли с СССР, было, кажется, Велман. У Орлова возникли подозрения, когда тот стал передавать французские документы, оказавшиеся не заслуживающими никакого внимания. Он рассказывал, что лично взял под контроль это дело и стал настаивать, чтобы Велман принес на встречу в кафе «Оснер» документацию, касающуюся торговых договоров. Тот так и сделал, уверяя, что документы необходимо возвратить ему на следующий день. Однако Велман, который обычно отличался пунктуальностью, опоздал на второе свидание. Это навело Орлова на мысль, что он, возможно, доложил в полицию и что для него расставлена ловушка³⁶.

Как вспоминал Орлов, Велман прежде всего задал вопрос: «Вы принесли документы?» Уверенный в том, что французская полиция ведет наблюдение за их встречами, как писал Орлов в своем «Пособии», он позаботился о том, чтобы его не поймали с поличным. Поэтому он сказал своему французскому «контакту», что правительственных документов при нем нет и что они находятся у другого его коллеги, который ждет их в одном ресторане в Булонском лесу. Чтобы поехать туда, они взяли такси, что дало возможность агентам Орлова убедиться, что в этом ресторане за ним нет слежки. Затем Орлов организовал передачу документов и немедленно после этого ушел. Он утверждал, что так и не сообщил Центру о своих подозрениях. Хотя Велман продолжал передавать документы в течение последующих нескольких лет, Орлова не покидала уверенность в том, что это был один из десяти случаев, когда он имел дело с двойным агентом. Подтверждением его подозрениям служил тот факт, что, хотя на первый взгляд французские документы были весьма важными, при ближайшем рассмотрении оказывалось, что они не имеют никакой реальной ценности. Это давало основания предполагать, что все это было никчемной информацией, специально подготовленной контрразведывательной службой Франции³⁷.

«Так, – заключил Орлов с удовлетворением, как будто поздравляя себя самого, – грубая попытка французской полиции внедрить двойного агента была разоблачена в зародыше»³⁸. Он признавался также, что «рукопашная схватка» с разведслужбой противника имела для него «особого рода притягательную силу». Хотя их учили смотреть на офицеров иностранных разведок как на профессиональных шпионов, себя советские офицеры разведки считали «революционерами, выполняющими опасные задания партии». Тем не менее существовало между ними то, что Орлов характеризовал как «некую духовную общность». «Встреча с агентом иностранной разведки, – писал Орлов, – вызывала у меня такое же возбуждение и любопытство, какое возникает у двух противников-летчиков, когда они видят друг друга в просторах неба»³⁹.

Разведывательная работа Орлова как резидента ОГПУ в Париже не ограничивалась операциями против внешних врагов. Он поведал, что нес личную ответственность за «подчистку» ошибок, сделанных в первые годы, когда усилия Центра, направленные на создание агентурных сетей, приводили к засылке агентов, совершенно не пригодных для работы под видом бизнесменов. Такие ошибки, писал он, обходились весьма дорого, поскольку большинству агентов ОГПУ не хватало смекалки, необходимой для бизнеса. Слишком многие фирмы, созданные на широкую ногу, чтобы оперативник выглядел процветающим бизнесменом, потерпели катастрофический провал, когда дело доходило до привлечения потенциальных агентов. Кроме того, соблазн, который представляли собой огромные средства, необходимые для шпионской деятельности тайных агентов и выдаваемые советским торговцем, нередко превращал их в крупных казнокрадов.

Одной из первых задач, которой пришлось заняться Орлову, был допрос Юрия Праслова. Этот случай он описывает в общих чертах в своем «Пособии». Судя по подробностям, которые Орлов сообщил ЦРУ (и которые были переданы французской ДСТ в 1965 году), Праслов был первым советским «нелегальным» резидентом, работавшим во Франции. «Он был надежным сотрудником службы, направленным туда работать под прикрытием коммерческой деятельности», – рассказывал Орлов в ЦРУ, раскрыв при этом, что кодовое имя Праслова было «Кепп». Хотя он не мог назвать конкретной даты начала операций, Орлов, тем не менее, сообщил ЦРУ некоторые подробности расследования, которое проводил в 1926–1927 годах, когда был резидентом в Париже и работал под «крышей» торгпредства⁴⁰.

Праслова направили в Париж с латвийским паспортом и легендой бизнесмена, для того чтобы создать во Франции экспортно-импортную фирму. Орлов был не в состоянии вспомнить (в который раз!) название компании, которую открыл Праслов в роскошно отделан-

ном помещении. Однако он рассказал в ЦРУ, что тот работал во Франции вместе с другим агентом по фамилии Богвуд, с которым действовал в Турции. По словам Орлова, именно этот Богвуд донес на Праслова, в результате чего Центр решил расследовать обстоятельства коммерческой деятельности его товарища. Орлов обнаружил, что, несмотря на то, что был нанят многочисленный персонал, Праслову не удалось заключить ни одной выгодной сделки или завербовать хотя бы одного агента. Он обратился тогда за помощью к Михаилу Ломовскому, своему другу, который был главой советского торгпредства. Тот согласился помочь Праслову, передав в его ведение большой объем товаров, экспортированных из Советского Союза, за которые Праслов немедленно получил большие комиссионные⁴¹.

Неудивительно, что тесная деловая связь между мнимым гражданином Латвии и русскими вызвала интерес у французской контрразведки. За фирмой Праслова «Сюрте генераль» установила столь тщательное наблюдение, что это мешало ему проводить какие-либо шпионские операции. Тем временем благодаря большому объему операций, проходивших через торгпредство, в распоряжении Праслова оказались десятки миллионов франков. Прикарманив два миллиона, этот советский агент был охвачен угрызениями совести и решил поправить финансовые дела, попытаться счастья за игорными столами «Казино де Довиль».

Когда Орлов потребовал на просмотр бухгалтерские книги фирмы, преисполненный раскаяния Праслов признался, что спустил девять миллионов франков в казино и что он готов для расстрела вернуться в Москву. Праслова, несомненно, ликвидировали бы по возвращении, если бы не личное обращение начальника ИНО Триллисера к Сталину. Триллисер оказался зятем одного из приспешников «Большого Хозяина», просьба которого подвигла Сталина на не характерный для него акт великодушия: он приказал заключить бывшего резидента в концлагерь на пять лет⁴².

Когда происходили случаи, подобные случаю с Прасловым, Орлов, основываясь на личном опыте, понимал, что советские разведывательные операции все еще являются полюбительски неэффективными. Это ощущение подтверждалось целой цепью провалов весной 1927 года, которые выявили действительно слабые места в разведоперациях ОГПУ за рубежом. В марте того года поляки разоблачили агентурную сеть в Варшаве, которой руководил белогвардейский генерал; затем было разоблачено как центр шпионажа советское торгпредство в Стамбуле. В апреле в результате полицейского рейда на советское консульство в Пекине было изъято большое количество шпионских документов, а затем швейцарцы арестовали восьмого члена французской шпионской группы, возглавлявшейся Жаном Креме, высокопоставленным членом французской компартии. В мае была арестована группа австрийских сотрудников министерства иностранных дел за передачу Москве секретных документов. Однако самый тяжелый удар по советской разведке был нанесен в том же месяце британцами, которые по наводке одного информатора организовали массированный налет на офис англо-советского общества «Аркос» в лондонском Сити.

Последствия налета на «Аркос» самым непосредственным образом отразились на Орлове. После того как Стэнли Болдуин, британский премьер-министр, объявил о выдворении из страны персонала как торгпредства, так и советского посольства, парижской резидентуре было приказано взять на себя руководство тем, что осталось от советских разведывательных операций в Англии. В своем «Пособии» Орлов писал, что суть проблемы заключалась в том, что практика размещения резидентур ОГПУ в посольствах и связанных с ними торгпредствах превращала их в громоотводы, когда приходила беда и агентов разоблачали. Провал агентурных сетей приводил к тому, что на головы советских дипломатов обрушивались обвинения в неподобающем поведении, а связанные с ними люди из местных компартий получали ярлыки шпионов, маскирующихся под политическую партию.

«Каждый раз, когда разоблачалась шпионская группа, работавшая на СССР, следы вели прямо в советское посольство со всей вытекающей отсюда враждебной шумихой вокруг, —

отмечал Орлов в конце 20-х годов. – Советскому правительству было желательно реорганизовать свои разведывательные операции на территории других государств таким образом, чтобы в случае провала агентов следы не вели в советское посольство и чтобы советское правительство получило возможность отрицать любые связи с разоблаченной шпионской группой»⁴³.

Орлову пришлось самым непосредственным образом столкнуться с этой проблемой, когда в начале 1928 года его направили в Берлин в качестве сотрудника советского торгпредства, которое являлось тогда главной европейской базой растущего аппарата советской внешней разведки.

Глава 3

Дело «Ворма» и новый паспорт

Отправляясь к своему новому месту работы в Германии, Александр Орлов был вынужден оставить заболевшую жену в Париже. Мария приехала к нему позднее в качестве секретаря торгпредства, где ее избрали членом партийного комитета¹. Александр Орлов прибыл в Берлин в январе 1928 года вскоре после своего дня рождения (ему исполнилось 33 года), то есть четыре года спустя после целой серии инспирированных Москвой коммунистических мятежей в Веймарской республике. Возможно, революции и не удалось пустить корни в германском послевоенном эксперименте с демократией, но свобода личности, за которую ратовал веймарский парламент, зажгла зеленый свет для коренных перемен в интеллектуальной и сексуальной областях. Бывшая столица проповедовавшего пуританскую мораль германского рейха превратилась в гедонистский центр Европы. Общественное сознание претерпело столь глубокое революционное изменение, что границы дозволенного в драматургии расширились до острой сатиры Бертольда Брехта. Результатом сотрудничества драматурга с композитором Куртом Вайлем стал потрясающий успех «Трехгрошовой оперы», премьеры которой состоялась как раз через два месяца после приезда Орлова в Берлин. В ночных кабаре на Курфюрстендамм открыто происходили сборища любителей эротики. Кинематограф приятно будоражил нервы зрителей рискованными сценами, и «роковая женщина» Лола в «Голубом ангеле» в исполнении Марлен Дитрих вскоре стала самой знаменитой статьей любовного экспорта этого города.

Человека, прибывшего в Берлин в конце 20-х годов, внешняя сторона жизни города могла ввести в заблуждение. О чем бы ни шла речь – о зажигательном шоу в ночном клубе «Эльдорадо» на Моцартштрассе или о русских дипломатах, работающих в советском торгпредстве на Линденштрассе, – все в этом городе, притягивавшем к себе как магнит гедонистов и шпионов, было не тем, чем казалось на первый взгляд. Сам Орлов, взяв чужое имя, стал частью этого обмана. По паспорту он стал Львом Лазаревичем Фельделем, аккредитованным торговым советником². Настоящей же целью его миссии была совсем не коммерция, а шпионаж, хотя об этом не догадался бы ни один человек, посетивший его офис в Хандельсфертретунг дер Совет-унион, как называли немцы штаб-квартиру советского торгового представительства. Размещавшееся в монументальном здании, расположенном в квартале от Рейхсбанка и неподалеку от советского посольства на Унтер-ден-Линден, торговое представительство служило внушительным прикрытием для сбора разведывательной информации.

Берлин был шпионской столицей Европы на протяжении всего периода существования Веймарской республики, пока «великая депрессия»* не выплеснула на его улицы банды нацистских коричневорубашечников с их сиплыми призывами к Гитлеру восстановить авторитарную власть. Хандельсфертретунг был мозговым центром деятельности советской разведки на континенте. Внушительный размер штаб-квартиры торгпредства был внешним отражением скрытых масштабов конспиративных взаимоотношений, завязавшихся между СССР и Германией после разрыва Веймарской республики с остальной Европой в 1922 году с целью заключения сделки с советским правительством. Рапалльский договор, который был подписан в том году на итальянском приморском курорте, не только утверждал признание де-юре большевистского режима, но и предоставлял ему статус «наибольшего благоприятствования». Распахнутые двери для растущего объема торговли также позволили Советскому Союзу осуществлять разведывательную деятельность под прикрытием германо-советских торговых компаний, проводящих законные коммерческие операции. К

числу наиболее видных фирм относились «Deruta Deutsche-Russische Transport Gesellschaft», Германо-Российская нефтяная компания и «Garantie-und-Kreditp-Bank für den Osten AG».

Это были внешние операции по образцу «Востваг» («West-Oesteuropaeische Warenaustausch Aktiengesellschaft»), Мировой экономической кризис в странах капитализма 1929–1931 гг. (*Прим ред.*) берлинской торговой фирмы, основанной в 1921 году братьями Аароном и Абрамом Эренлибами, двумя офицерами военной разведки польского происхождения, которым были выделены средства из фондов Красной Армии для организации компании-прикрытия по адресу Шиффбауердамм, 19³.

Договор, ознаменовавший эру тесного торгового сотрудничества между Веймарской республикой и СССР, содержал также ряд секретных статей, дававших возможность Германии обойти ограничения, налагаемые Версальским мирным договором для того, чтобы сохранять в демилитаризованном состоянии германские вооруженные силы. Однако в течение десятилетия, предшествовавшего приходу Гитлера к власти, личный состав германского флота, армии и ВВС тайно функционировал и проходил подготовку в России. Работая бок о бок с советскими экспертами, он получил возможность продолжать разработку подводных лодок, самолетов и танков, то есть ту деятельность, которая была особо запрещена положениями того, что многие немцы с возмущением называли «версальским диктатом».

Одной из важнейших обязанностей Орлова в торговой делегации было осуществление контроля за выполнением секретных военных контрактов и договоров о закупках, которые Советский Союз заключил с Германией. В 1929 году его главным подчиненным в этих тайных операциях по торговле военными материалами был Павел Аллилуев, назначение которого на эту должность было санкционировано комиссаром обороны Климентом Ворошиловым. Орлов был в числе небольшой горстки советских старших должностных лиц в Берлине, кому было известно о том, что человек, которого Москва прислала для контроля качества самолетов и двигателей, закупаемых в Германии, был братом второй жены Сталина Надежды Аллилуевой. В те два года, что они проработали вместе в Берлине, Аллилуев стал доверенным лицом и верным другом, от которого Орлов получил немало информации из первых рук о «византийском» образе жизни внутри Кремля. У Аллилуева была там квартира с 1919 года, когда его сестра, темноволосая семнадцатилетняя красавица, сила воли которой была под стать ее поразительной восточной красоте, вышла замуж за сорокалетнего Сталина. Их беспокойный брак закончился трагически – самоубийством Надежды в 1932 году, через год после возвращения Аллилуева в Москву из Берлина. Впоследствии Орлов узнал непосредственно от Аллилуева, с которым вновь встретился в 1937 году в Париже, что, несмотря на слухи о том, что Сталин застрелил ее в припадке ярости, его сестра на самом деле застрелилась сама, чтобы вырваться из уз ставшего невыносимым брака, после одной особенно бурной ссоры с мужем-тираном⁴.

Решение Сталина направить шурина на работу под началом Орлова в Берлин свидетельствовало о том, что он придавал большое значение тайному сотрудничеству, которое открывало советским вооруженным силам доступ к германской технологии производства вооружений. Поскольку Сталин использовал русско-германские отношения для перевооружения Красной Армии и ВВС, это сотрудничество способствовало укреплению антифранцузских настроений Германии, традиционного недруга России в Европе. Эти настроения достигли своего апогея в 1923 году, когда французская оккупационная армия, находящаяся в Рейнской области, двинулась в Рур после того, как немцы не выплатили военных репараций. Однако подспудная выгода, которую Сталин извлекал из этого «брака по военным соображениям» с Берлином, заключалась в массовом проникновении советских агентов в Германию.

Надежды Москвы на разжигание второй большевистской революции в Германии рухнули после ряда безуспешных коммунистических мятежей в разных частях страны в октябре 1923 года, однако последствием того, что было инспирированной Коминтерном катастро-

фой, стал сенсационный рост разведывательных операций IV Управления штаба РККА (РУ) и Иностранного отдела ОГПУ. Для достижения целей, намеченных в Первом сталинском пятилетнем плане, агенты РУ и ИНО, действовавшие под прикрытием Хандельсфёрттретунг, предприняли совместными усилиями атаку на технологические секреты германской промышленности. Их операции имели целью кражу патентованных химических процессов у мощной корпорации «И. Г. Фарбен», похищение современной сталеплавильной технологии у Круппа и «Рейнметал», инженерных чертежей – у Борзига и Маннесмана, и последних достижений электропромышленности – у компаний «АЭГ» и «Сименс». Официальные лица из торгового представительства, которое выступало в качестве расчетной палаты для законных контрактов и «крыши» для советских разведывательных сетей, вербовали персонал и внедряли лиц, сочувствующих коммунистам, во всемирно известные научно-исследовательские учреждения Германии, такие как Институт кайзера Вильгельма, Берлинская высшая техническая школа и Институт Люфтваффе⁵. Участие Орлова во многих ключевых операциях было решающим. Он прибыл в Берлин после того, как были обнародованы задачи Первого пятилетнего плана по перестройке Советского Союза и превращению его в современное промышленное государство. Невероятные цели, которые ставил перед промышленностью Сталин, практически не учитывали ни людских затрат, ни производственных мощностей, причем Германия была очевидным источником, из которого Россия могла получить технический опыт и научные «ноу-хау», чтобы подпитать советскую промышленность. Это составляло существенную часть задания Орлова, и его опыт как главы резидентуры ОГПУ в торгпредстве в Париже вовлек его в новый вид разведывательной деятельности, которая на том этапе истории СССР приобрела не меньшее значение, чем военная или политическая разведка.

«Ее целью было оказание помощи в индустриализации Советского Союза путем кражи производственных тайн – новых изобретений, секретных технологических процессов и т. п.», – писал впоследствии Орлов, объясняя, каким образом «советские разведывательные организации за границей начали вербовать в свои сети инженеров и ученых, а также изобретателей, работавших в лабораториях и на предприятиях крупнейших промышленных концернов»⁶. По словам Орлова, когда он прибыл в Берлин, Советский Союз уже связал себя обязательством закупить большое количество машин и оборудования и даже целые заводы на Западе для достижения целей, намеченных в пятилетнем плане. С немцами велись переговоры относительно закупки патентов на промышленные процессы, причем предполагалось, что немецкие инженеры поедут работать по контрактам в Россию, чтобы инструктировать советский инженерно-технический персонал и обучать его новым методам. Однако цена, которую немцы запросили за эту техническую помощь, была настолько высокой, что Сталин дал указание ОГПУ сосредоточить усилия своих агентов на организации краж изобретений и патентов⁷.

Для этого в 1929 году в ИНО было создано новое подразделение по промышленной разведке. В его задачи входило получение нелегальными средствами того, что Комиссариату внешней торговли не удавалось заполучить путем легальных контрактов или экономического лицензирования германских промышленных технологий. Его деятельность осуществлялась в сотрудничестве с Отделом экономической разведки, для чего у Орлова имелся в распоряжении многочисленный персонал торгпредства в Берлине.

Огромное здание со штатом из нескольких сот русских и сочувствующих немцев вполне соответствовало гигантскому торговому обороту на сотни миллионов марок.

В годы, предшествовавшие приходу Гитлера к власти в 1933 году, финансовая жизнеспособность многих известных германских фирм, таких как «БМВ» и «Юнкерс», решающим образом зависела от их контрактов с этим подразделением торгового представительства.

ства, именуемого, чтобы не вызывать беспокойства, инженерным отделом. Его деятельность служила прикрытием для экспорта в СССР германских вооружений, запрещенных Версальским договором. Персонал этого отдела – как русские, так и немцы – тщательно проверялся сотрудниками ОГПУ с помощью верных членов Коммунистической партии Германии (КПГ)⁸.

«Иногда получения всех необходимых формул, чертежей и инструкций было достаточно для того, чтобы советские инженеры и изобретатели смогли воссоздать сложный механизм или в точности воспроизвести какой-то производственный процесс», – писал Орлов⁹. Однако, несмотря на такой успех, он замечал, что в СССР часто обнаруживали нехватку человеческого фактора – особого умения и инженерной интуиции, когда приходилось точно воспроизвести какой-то сложный производственный процесс. В таком случае, если верить Орлову, требовалось найти подходящих немецких или других иностранных инженеров и побудить их, соблазнив финансовыми вознаграждениями, поехать в Россию для обучения советских инженерно-технических кадров. И тогда, чтобы тщательно скрыть поездки граждан Германии в Советский Союз, новый паспорт на чужое имя был необходим для сокрытия того факта, что тот или иной немецкий ученый или инженер отправлялся в несанкционированную поездку в Советский Союз.

«Гонорары, выплачиваемые русскими за такие поездки, иногда достигали 10 000 долларов США за несколько дней работы», – рассказывал Орлов, отмечая при этом, что, тем не менее, «Советы сэкономили на этом миллионы»¹⁰. Сам Орлов приводил в качестве примера, иллюстрирующего успех его операции в Германии, подробный отчет о том, как ОГПУ выкрало технологию изготовления промышленных алмазов. Растущий спрос в Советском Союзе на алмазы для режущих инструментов, необходимых для развития нефтепромышленности в соответствии с пятилетним планом развития металлургии, заставил рассмотреть предложение Круппа о поставке недавно изобретенных у него «види», как назывались тогда эти искусственные камни (от немецкого «wie diamant», т. е. «подобные алмазам»)¹¹.

Советский Комиссариат тяжелой промышленности немедленно закупил партию образцов «види» для опробования их в бурильных операциях. Когда их прочность и высокая режущая способность подтвердились, комиссариат решил купить патентные права на производство «види» и заключить контракт с Круппом на строительство завода для их производства в Советском Союзе. Однако два директора немецкой фирмы, приехавшие в Москву для переговоров, заломили непомерно высокую цену. Когда эта цена обсуждалась на заседании Политбюро, Сталин, по словам Орлова, заявил Менжинскому: «Эти ублюдки хотят слишком много денег. Попытайтесь выкрасть это у них. Покажите, на что способно ОГПУ!»¹². Вызов был принят, и соответствующие указания направлены в торгпредство в Берлине. Первым шагом в том, что Орлов называл «трудным заданием», было выяснение местонахождения завода, производящего «види», и фамилий изобретателя и инженеров, отвечающих за это производство.

Для выполнения этого задания был выбран д-р Б., как назвал Орлов своего агента, немецкий ученый из Берлинской высшей технической школы. Через одного из своих коллег ему удалось выяснить, что завод Круппа, изготавливающий промышленные алмазы, расположен в пригороде Берлина. Отправившись туда, он разговорился в пивной неподалеку от завода с работающими на нем инженерами и техниками, рассказав им, что работает над монографией о твердых сплавах, а они рекомендовали ему поговорить с ответственным за процесс старшим техником по фамилии Корнелиус. С помощью инспектора берлинской полиции, который, как рассказывал Орлов, тоже был советским информатором, д-р Б. раздобыл домашний адрес Корнелиуса. Затем он отправился на встречу с крупповским техником и расположил его к себе выпивкой и обедом. Весьма польщенный вниманием со стороны

столь известного ученого, Корнелиус без утайки рассказал ему о печах, в которых получают «види» под воздействием высоких температур и давления. Изобретателем процесса был один инженер, которого Орлов назвал оперативным псевдонимом «Ворм» и который, по его словам, недавно был уволен Круппом за то, что согласился изготовить такую же печь для одного из конкурентов промышленного гиганта¹³.

«Ворм» был занесен Круппом в черный список, а это означало, что он не мог получить другой работы в этой отрасли, вследствие чего оказался легкой добычей для русских. Орлов поведал, что д-р Б., чтобы вызвать интерес у «Ворма», пришлось лишь представиться посредником одной шведской фирмы, заинтересованной в создании установки для производства промышленных алмазов, чтобы разрушить монополию Круппа. За 10 000 марок он согласился сделать полное техническое описание процесса. Однако, будучи преданным членом нацистской партии, «Ворм» оговорил, что он будет сотрудничать со шведами только при условии, что они не станут продавать алмазы русским.

Усердные попытки сыграть на корыстолюбии жены «Ворма», предложив выплачивать ей дополнительно 1000 марок в неделю, а также тайно подкинув ей субсидию на покупку туалетов, привели к тому, что д-р Б. заручился ее поддержкой. Эта поддержка сыграла решающую роль, когда из Москвы сообщили, что, в дополнение к изготовленным «Вормом» чертежам производственного процесса, необходимо, чтобы изобретатель присутствовал при строительстве и пуске в эксплуатацию печи, которая вращается на большой скорости при высокой температуре для образования тепла и давления, требуемых для преобразования частиц графита в промышленные алмазы. Орлов вспоминал, что жене «Ворма» понадобилась целая неделя, чтобы уговорить мужа согласиться подписать контракт на два года работы в России. Изобретатель, согласившись, настоял на том, чтобы в Москве ему было обеспечено проживание в первоклассной гостинице, предоставлена в распоряжение машина с шофером, а также потребовал контракт для своего бывшего помощника с завода Круппа. Г-жа «Ворм» продолжала получать отдельную субсидию из Москвы, что сыграло решающую роль, когда потребовалось удержать «Ворма» в России после того, как он заболел там ревматизмом. Хотя его письма домой были преисполнены ненависти к Советскому Союзу, его жена, у которой только что прорезался вкус к высокому уровню жизни в Берлине, позаботилась о том, чтобы ее муж выполнил условия контракта и обеспечил пятилетний¹⁴ план промышленными алмазами по низким ценам.

Не все усилия ОГПУ, направленные на кражу германской технологии, заканчивались столь же успешно. Орлов вспоминал, как в 1929 году операция, задуманная Абрамом Слущким, который был в то время заместителем начальника Иностранного отдела, привела к крайне неприятным последствиям. В ней предусматривалось использовать одного агента ОГПУ, который якобы бежал из Советского Союза, чтобы открыть патентное бюро в Берлине. Фирма объявляла о наличии в ней «вакантных мест» и настойчиво подчеркивала якобы антисоветскую позицию своего управляющего, что предположительно должно было привлечь целый поток полезных изобретений, а также открывало возможность подкупа и подрыва моральных устоев изобретателей, работавших на германскую военную промышленность. Выбранный Слущким агент был двоюродным братом директора германской киностудии УФА, человека, положение которого помогло бы вызвать доверие к бюро. Он разместился в роскошном берлинском служебном помещении, получив на его аренду 40 000 долларов США из фондов ОГПУ¹⁵.

Орлов, памятуя о провале Праслова во Франции, относился к этому плану скептически, отмечая также, что, для того чтобы удержать на плаву в бизнесе это фиктивное патентное бюро, потребуется 30 000 долларов США в год. Деньги были потрачены впустую. В результате этой операции не удалось получить какой-либо важной информации, и из всего

потока безумных изобретений, который потек в его офис, единственным видом вооружения, попавшим в руки бюро, была небольшая модель артиллерийского орудия. Комиссариатом обороны уже были получены чертежи этого оружия благодаря секретному соглашению с немецким генштабом. Бюро также привлекло внимание полиции, в результате чего в 1930 году оно было ликвидировано. В отличие от обычной практики ОГПУ, агенту Слуцкого, который руководил этим бюро, было разрешено остаться в Германии после того, как он заверил, что не будет делать никаких разоблачений перед властями¹⁶.

Большие надежды возлагались на другую разведывательную операцию в Берлине. Из описания ее Орловым можно сделать вывод, что он был ее вдохновителем. Однако надежды эти совсем не оправдались. Суть операции заключалась в «обхаживании» немецкого фабриканта русского происхождения, производившего карандаши. Во время революции в России он потерял там фабрику и большие владения. После бегства с семьей в Берлин г-н С, которого называли лишь по первой букве его имени, к 1931 году жил с дочерью в весьма стесненных условиях, когда с ним в контакт вступил представитель советского Комиссариата легкой промышленности. Г-ну С. было сделано предложение, от которого, как полагали, тот не откажется: возвратиться в Россию, чтобы за весьма приличное жалованье наблюдать за строительством новой карандашной фабрики в Москве. Обедневший немецкий промышленник ухватился за возможность восстановить семейное состояние, однако вскоре обнаружил, что предложение было сделано не только потому, что советским школьникам неожиданно потребовались его карандаши с золотым тиснением. Эти заманчивые посулы были сделаны потому, что Центру стало известно о работе его дочери личным секретарем японского поверенного в делах в Берлине и что ей часто приходилось работать для самого посла. По словам Орлова, ОГПУ не имело доступа к важным японским разведанным, а поэтому оно не могло упустить такой шанс. Однако, когда отцу было сказано, что его деловая сделка зависит от того, удастся ли ему уговорить дочь приносить домой конфиденциальные японские военные и дипломатические документы, он все рассказал жене. Та яростно запротестовала, заявив, что ее дочь «никогда не будет шпионкой», и вся хитроумная операция рухнула¹⁷.

Тщательно продуманный план использования информаторов женского пола, который, как отмечал Орлов, действительно увенчался блестящим успехом, был предпринят в 1929 году, когда один из агентов завел роман с молодой секретаршей из министерства иностранных дел Германии. Светловолосая северная красавица, которая сочувствовала нацистам, тем не менее невольно позволила уговорить себя стать ценным источником информации для советской разведки. Любовник убедил ее принести ему секретные отправления дипломатической почтой, заявив, что является горячим сторонником Гитлера. Немало успешных результатов было достигнуто благодаря притворным любовным связям, но, как отмечал Орлов, в некоторых случаях они даже кончались прочными браками. Он вспоминал, как его бывший начальник Артузов посмеивался по поводу одного такого случая: «Этой супружеской паре будет что рассказать своим внукам, если их спросят, при каких обстоятельствах они поженились»¹⁸.

Впоследствии Орлов оправдывал проведение им операций по промышленному шпионажу в Берлине перед сенатским комитетом США. Он утверждал, что, согласно подсчетам экономического отдела ОГПУ, промышленные картели и тресты Запада, которые торговали с Советами, завышали иногда на 75 процентов цены на товары и услуги, предоставляемые русским промышленным предприятиям.

«Должен признаться, – свидетельствовал Орлов в 1957 году, – что именно я в 1930 году обнаружил существование так называемого «джентльменского соглашения», или блока, между электрическими компаниями мира»¹⁹. Он рассказал юридическому подкомитету, как его агенты в Германии представили сенсационное подтверждение этому в виде конфи-

денциального меморандума американской фирмы «Дженерал электрик». «Я помню послание, подписанное вице-президентом фирмы Миндором и адресованное немецкой компании “АЭГ”», – сказал Орлов в своих свидетельских показаниях в 1955 году. Он имел в виду письмо директора по фамилии Блейман члену руководства швейцарской фирмы «Браун Бовери». В нем, по его словам, содержался «список цен, которые следовало запрашивать с Советского Союза под тем предлогом, что у него не было достаточного обеспечения кредитов». Он объяснил, что этот разоблачительный документ был получен с помощью одного прокоммунистически настроенного служащего АЭГ. По утверждению Орлова, документ сыграл решающую роль, позволив Советскому Союзу «развалить» в конечном счете этот картель, который, по его словам, заламывал «цены на 60–70 процентов выше, чем обычные», за электрогенераторное оборудование и тяжелые моторы, поставляемые в СССР²⁰.

Насколько эффективно советская разведка осуществляла операции по промышленному шпионажу в Германии в период работы Орлова в мозговом центре на Линденштрассе, можно судить по отчету за 1930 год Союза немецкой промышленности, известного под названием «Рейхсфербанд дер дейчен индустри». Этот союз основал бюро по борьбе с промышленным шпионажем, по оценкам которого ежегодные потери к концу десятилетия составляли более 800 млн. марок, или почти четверть миллиарда долларов в год. Усилия по борьбе со шпионажем, предпринятые Союзом немецкой промышленности, почти не имели успеха, поскольку Советам удалось внедрить одного немецкого коммуниста в головное учреждение бюро, устроив его там в качестве секретаря. Дополнительным фактором, способствовавшим этому, было нежелание министерства иностранных дел Веймарской республики портить отношения с Советским Союзом. В результате этого случаи шпионажа, раскрытые в 20-х годах, не подвергались строгому судебному разбирательству. Обычно судом выносились легкие приговоры, сводившиеся к нескольким месяцам тюремного заключения даже в отношении самых тяжких преступлений. При этом такие дела окружались секретностью, чтобы избежать открытой критики в адрес Германо-советского пакта²¹.

Увеличивающийся размах шпионской деятельности, центром которой было советское торгпредство, причинял все же слишком большое беспокойство, чтобы его можно было игнорировать. К концу пребывания там Орлова берлинская полиция, которая создала специальное подразделение для борьбы с промышленным шпионажем, обнаружила трехкратное увеличение числа зарегистрированных случаев шпионажа за период между 1929 и 1930 годами: с 330-ти до более 1000. Во многих случаях следы вели к рабочим-коммунистам, составлявшим существенную часть хорошо организованной сети, на которую был возложен сбор информации и секретов под руководством советских служащих из Хандельсфёрт-ретунг. Обнаружилось, что советское торговое представительство было связано (или непосредственно участвовало в них) со слишком многими из этих случаев, чтобы можно было отмахнуться от фактов. Официальные опровержения со стороны советского посольства и торгпредства вскоре настолько участились, что газеты, явно иронизируя, начали упоминать о них как о «неизбежном опровержении» или «опровержении, как и следовало ожидать», со стороны советских официальных лиц²².

«Не настало ли время проявить поменьше вежливости и побольше энергии?» – выражала недовольство газета «Франкфуртер цайтунг» в 1931 году. Это требование было высказано после того, как советское торгпредство выступило с опровержением, что один из его сотрудников, Глебов, заключил сделку с австрийским инженером по фамилии Липпнер, с тем чтобы тот выкрал нефтехимические секреты с завода компании «И.Г. Фарбен» во Фридрихсхафене. Позднее в том же году призыв к действию зазвучал еще настойчивее, когда были арестованы коммунистический профсоюзный лидер Эрих Штеффен и двадцать пять инженеров с химических заводов «И.Г. Фарбен» во Франкфурте и Кёльне. Месяц тюремного

заклучения побудил Карла Динстбаха, местного функционера Коммунистической революционной профсоюзной оппозиции (РГО), полностью сознаться в том, каким образом группа агентов под руководством Штеффена краля информацию для Советского Союза²³.

Министерство иностранных дел Германии отказалось санкционировать обыск полицией служебных помещений на Линденштрассе, которого требовало обвинение по делу Штеффена. Однако Москва настолько встревожилась возможностью разоблачения сотрудника советского посольства под псевдонимом «Александр», что распорядилась организовать защиту Штеффена якобы от имени одной организации коммунистического фронта. Но попытка замять это дело, купив молчание подсудимых и свидетелей, обернулась неприятными последствиями, когда в руки государственной прокуратуры попало секретное письмо Штеффена, в котором он приказывал своим сотрудникам из РГО называть свои действия «не шпионажем, а промышленной помощью»²⁴.

Общественное возмущение всем этим делом и относительно мягкие приговоры к десяти и четырем месяцам заключения, вынесенные Штеффену и другим руководителям советской шпионской сети, вызвали политический скандал. Нацисты создали себе политический капитал на снисходительности правительства, и это дело повлекло за собой ужесточение наказаний за промышленный шпионаж. Президентом Гинденбургом 9 марта 1932 года был подписан указ «О защите национальной экономики», который приобрел силу закона. Согласно ему, увеличивался до пяти лет максимальный срок заключения за кражу промышленных секретов для иностранной державы. В следующем году, когда Гитлер стал канцлером Германии, за промышленный шпионаж была введена смертная казнь²⁵.

Кульминационным моментом скандала, связанного с советским промышленным шпионажем, стало убийство в Вене 27 июля 1931 г. Георга Земмельмана. Ранее работавший в гамбургском филиале советского торгпредства, он в течение восьми лет был надежным оперативником ОГПУ. Земмельман отбыл тюремное заключение и не раз выдворялся из разных европейских стран. Однако весной 1931 года Центр пришел к выводу, что, женившись на немецкой девушке, он стал представлять собой угрозу советской разведывательной деятельности, и немедленно уволил его. Обиженный увольнением с хорошо оплачиваемой должности в Хандельсфертретунг, Земмельман немедленно заявил о своем намерении возбудить судебный иск в отношении своих недавних работодателей. Затем он попытался оказать давление на своих бывших советских хозяев, угрожая напечатать в австрийской газете серию сенсационных статей о советских шпионских операциях в Берлине и Вене²⁶.

Угроза Земмельмана подробно рассказать о подпольных фабриках по изготовлению фальшивых паспортов для советских разведывательных служб и об использовании КПГ в целях привлечения военных к промышленному шпионажу вызвала быструю реакцию со стороны агентов Москвы. Андрей Пиклович, сербский коммунист, который утверждал, что он студент-медик, спокойно отправился на квартиру к Земмельману и застрелил его, а потом сдался австрийской полиции. На судебном процессе, который проводился на фоне инспирированных коммунистами демонстраций в его поддержку, добровольно признавшийся во всем убийца был оправдан и освобожден. Это произошло после признания Пикловича в том, что к убийству Земмельмана его побудило стремление «бороться до конца против капиталистического господства» и что, если бы Земмельмана оставить в живых, он предал бы многих «пролетарских борцов»²⁷.

Орлов как старший офицер разведки торгпредства оказался под ударом еще задолго до того, как дело Земмельмана появилось в газетных заголовках. Решение отозвать его в Москву в апреле 1931 года, по-видимому, напрямую связано с возрастающим числом скандалов, затрагивающих советское торгпредство в Берлине. Требования провести подробное полицейское расследование советских операций нарастали с января 1930 года, когда «Бер-

линер тагеблат» напечатала в разделе новостей статью под сенсационным заголовком «Кто подделывает доллары?», в которой СССР связывали с появлением в германской столице фальшивых 100-долларовых купюр США²⁸.

«Я узнал об операции по подделке 100-долларовых купюр в 1930 году», – признался впоследствии Орлов. Он обнаружил, говорил Орлов, что ею «руководил лично Сталин». Операция включала в себя покупку одного немецкого банка, с тем чтобы через него способствовать распространению миллионов фальшивых американских долларов. Поскольку Орлов в то время был не просто одним из высокопоставленных советских офицеров разведки в Берлине, но и нес общую ответственность за экономические операции, он, вероятно, знал значительно больше о тщательно разработанном плане ОГПУ, чем говорил, давая показания сенатскому подкомитету по внутренней безопасности. Операция эта началась через год после появления Орлова в Берлине, когда советская разведка в 1929 году приобрела контроль над берлинским частным банкирским домом «Сасс и Мартини». Приобретение происходило через подставное лицо, канадскую группу, которая затем сразу же продала почтенный банкирский дом некоему г-ну Симону, выступавшему в роли посредника для Пауля Рота. Рот был ранее членом берлинского муниципального совета от коммунистов, а впоследствии обнаружилось, что он был на жалованье у советского посольства²⁹.

«Главным клиентом банка был человек по имени Франц Фишер», – сообщил Орлов. Сам он утверждал, что никогда не встречался с этим оперативником ОГПУ, который к концу 1929 года положил на банковский счет 19 000 фальшивых долларов. По словам Орлова, подделку было невозможно обнаружить нетренированным глазом, потому что купюры были «умело изготовлены» в советских гравировальных и печатных мастерских. Однако в своих свидетельских показаниях перед сенатским подкомитетом он не рассказал о том, как советские агенты обрабатывали членов персонала руководства бюро гравировки и печати правительства США в Вашингтоне с целью раздобыть запас подлинной американской банкнотной бумаги. Фактически только после того, как «Дейче банк» доставил в декабре первую партию банкнот в Федеральный резервный банк, при тщательном рассмотрении 100-долларовых банкнот обнаружились мельчайшие расхождения в гравировке цифр и деталей изображения головы Бенджамина Франклина³⁰.

После того как 23 декабря министерство финансов США распространило по всему миру предупреждение об опасности в связи с появлением фальшивых 100-долларовых купюр, берлинская полиция совершила налет на помещение банка «Сасс и Мартини». В его сейфах было обнаружено еще немало американских долларов. При дальнейшем расследовании полиции удалось быстро раскрыть, что банк на самом деле принадлежит Москве, и выяснить роль, которую он сыграл, пуская в обращение доллары с помощью Фишера, исчезнувшего к тому времени. Было установлено, что Фишер – бывший служащий советского торгпредства в Берлине.

Скандал вынудил Сталина отказаться от своей мошеннической операции с фальшивой валютой. Наполеоновский размах ее проявился в последующие пять лет, когда фальшивая валюта США расплзлась из Москвы, подобно безобразным нефтяным пятнам, по территории всей Европы, Китая и Южной Америки, попадая туда из тайных запасов поддельных 100-долларовых купюр. В декабре 1932 года ФБР арестовало д-ра Валентина Бертона, американского кардиолога, коммуниста, вместе с его соучастником, бывшим немецким летчиком, выдававшим себя за графа Энрике Дешоу фон Бюлова. Им было предъявлено обвинение в распространении 100 000 долларов США в фальшивых банкнотах через чикагские банки и гангстеров. Оба были признаны виновными и приговорены к 15 годам заключения, однако подлинному тайному руководителю, дирижировавшему финальным актом хитроумного плана наводнить Соединенные Штаты фальшивой валютой, удалось сбежать в Россию.

Впоследствии была установлена его личность: это был Николас Дозенберг, один из основателей Коммунистической партии США и давний агент Москвы, который управлял советской фирмой-прикрытием в Соединенных Штатах, зарегистрированной как Румыно-американская кинокомпания³¹.

По словам Орлова, затея с американской фальшивой валютой продолжалась так долго только благодаря непосредственному участию в этом Сталина. Он показал, что знал о планировании этой операции валютным отделом ОГПУ. Помимо попыток «выудить» все настоящие доллары США, находящиеся в личном владении советских граждан, было решено дополнительно напечатать фальшивые банкноты на сумму 10 миллионов долларов, чтобы помочь пополнить запасы твердой валюты для выполнения пятилетнего плана. Как отметил Орлов, это была безответственная авантюра, показавшая, что советский диктатор совершенно не учитывал эффективность операции с точки зрения затрат. Это была, он сказал, «странная, глупая операция, потому что в конце концов никто не смог бы пустить в обращение более одного миллиона долларов». Однако имеются обоснованные подозрения, что ему было известно больше, чем он раскрыл. Орлов рассказал сенатскому подкомитету, что перед своим отъездом из Берлина он лично беседовал с одним «известным уголовником» из Шанхая, у которого в момент ареста обнаружили фальшивые 100-долларовые купюры³².

«Мне просто было любопытно впервые в жизни увидеть настоящего обычного уголовного», – сказал Орлов в оправдание своего поступка американским сенаторам в 1957 году. По его словам, китайский гангстер, имя которого он весьма кстати не смог припомнить, купил освобождение у берлинских полицейских за половину своего запаса фальшивой валюты. Учитывая, что в досье Орлова есть кое-какие следы его участия в подпольных советских операциях, такое обезоруживающее своей наивностью объяснение кажется слишком неискренним и непрофессиональным. Он мог понять в то время, что Сталин приказал ОГПУ «сплавить» поддельные доллары менее проницательным китайским и южноамериканским банкам после того, как операция с фальшивой валютой была разоблачена в результате налета на банкирский дом «Сасс и Мартини», который служил основным выпускным клапаном в этой операции³³.

Газетные заголовки, обвиняющие правительство СССР в сопричастности к скандалу с этими долларами, подогрели негодование общественности и способствовали тому, что расследование, предпринятое германской полицией, сосредоточило внимание на деятельности советского торгпредства. Отзыв Орлова вскоре после того, как разразился скандал, был типичной реакцией руководства советской разведки, которая пыталась свести к минимуму ущерб и поспешила удалить главных действующих лиц из эпицентра поднявшейся бури.

Положение Орлова было особенно уязвимым, поскольку он мог попасть под подозрение из-за предыдущей работы в 1926–1928 годах в Париже, где в январе 1930 года было совершено сенсационное похищение генерала Кутепова. Орлов мог узнать, как агентам ОГПУ удалось проникнуть в окружение Кутепова, главы РОВС (Российского общевойинского союза) – под таким названием была известна белогвардейская военная организация, – которая уже давно была главным объектом внимания Москвы. Одним из его ближайших сподвижников был генерал Николай Скоблин, завербованный ОГПУ и открывший путь для проникновения в РОВС и похищения его руководителя. Кутепов исчез с парижской улицы, а позднее просочилась информация о том, что он умер от сердечной недостаточности на борту советского парохода, на который он был доставлен под хлороформом советскими похитителями³⁴.

Орлов признался ФБР, что он узнал о похищении и смерти генерала по возвращении в Москву для получения инструкций. Хотя он утверждал, что об этой операции ему стало известно только через два месяца после похищения, в 1957 году он рассказал американским

сенаторам, что узнал подробности только после своего отзыва в 1931 году. Он сообщил, что находился в кабинете Артузова в тот момент, когда ему, начальнику Иностранного отдела, позвонил Яков Серебрянский, похититель Кутепова, арестованный в Румынии при исполнении другого «специального мероприятия», как в то время ОГПУ именovalo задания по похищению и убийству³⁵. Дальнейшее расследование дела о похищении Кутепова, хотя и не давшее результатов, активизировалось благодаря полученной из хорошо информированных источников разоблачительной информации о подрывных и шпионских операциях, руководимых из-за высоких, окрашенных в белый цвет, стен здания советской дипломатической миссии на улице Гренель³⁶. Эти заявления были сделаны Григорием Беседовским, который в октябре 1929 года, будучи поверенным в делах СССР во Франции, совершил сенсационный побег через стену посольства, преследуемый вооруженными охранниками из службы безопасности ОГПУ. Беседовский был близким другом Орлова во время его первой командировки в Париж. Судя по тому, что он рассказал ЦРУ, побег дипломата был спровоцирован неправильным обращением с ним Яновича, сменившего Орлова на посту резидента, после того как Центр направил бывшего докера по фамилии Ройзенман для расследования вопроса о благонадежности Беседовского. В отношении последнего поступили сигналы о том, что он якобы является украинским националистом. По словам Орлова, Ройзенман приказал Беседовскому «пустить себе пулю в лоб». Беседовский, сказал он, знал многое о советских секретных операциях во Франции и выдал французской полиции немало сведений. Орлов рассказал, что позднее он обнаружил, что благодаря их тесной дружбе его псевдоним «Николаев» был единственным, о котором Беседовский умолчал в своих показаниях³⁷.

Истории о советских заговорах с целью похищения, убийства и шпионажа заполнили первые полосы мировой прессы и следственные дела полиции и контрразведок европейских стран. Это вполне могло дать Орлову повод поразмыслить после своего возвращения в Москву в апреле 1931 года над недостатками осуществления руководства шпионскими операциями из советских посольств и торговых представительств в Париже и Берлине. Его советы помогли в реорганизации зарубежных операций Московского центра. Позже он заметил: «Советскому правительству было необходимо перестроить разведывательные операции на территории иностранных государств таким образом, чтобы в случае провала кого-нибудь из агентов следы не вели в посольство СССР и чтобы правительство могло отрицать любую связь с разоблаченной шпионской сетью»³⁸.

Орлов рассказал американцам, снимавшим у него показания, что по возвращении в Москву Артузов, его шеф, предложил ему сразу же снова поехать за границу, чтобы вернуть похищенные драгоценности дома Романовых, но ему удалось уклониться от этого задания³⁹. Однако в архивах ОГПУ нет никаких сведений о том, что к Орлову или к кому-либо вообще когда-нибудь обращались с подобным предложением. Его основной работой было руководство VII отделением ИНО ОГПУ, занимавшимся экономической разведкой. В этом качестве он мог помогать реорганизовать методику проведения операций за рубежом. Он не только обладал личным опытом работы в резидентурах Парижа и Берлина, но и работал в штаб-квартире ОГПУ в то время, когда была утверждена структура так называемых «нелегальных» разведцентров. Они были созданы для проведения операций за границей подпольными резидентурами, никак не связанными с дипломатическими миссиями и торговыми представительствами. Пребывание Орлова на Лубянке совпало также и с небывалым расширением масштабов внутренних операций ОГПУ с целью насильственного проведения коллективизации советского сельского хозяйства.

Провозглашенная «Вторая революция» была предпринята по указанию Сталина, когда, невзирая на безумные затраты людских и финансовых ресурсов, войска госбезопасности были направлены во все уголки СССР, чтобы держать в страхе крестьянство и рабочих.

ОГПУ играло ведущую роль в насильственном проведении политики создания колхозов, а также в принуждении рабочих к выполнению нереальных целей в промышленности, поставленных Первым пятилетним планом. Насильственная коллективизация стала причиной страшного голода 1932–1933 годов, в результате чего возникло стихийное восстание крестьян против политики партии и начались бунты на некогда продуктивных сельскохозяйственных угодьях Украины. Бунты эти жестоко подавлялись войсками ОГПУ⁴⁰. Хотя Орлов был занят реорганизацией зарубежных операций, он, будучи старшим по должности чекистом и имея многочисленные связи в других отделах, не мог не знать о чудовищных страданиях голодающих народных масс и жестокости, с которой, по приказанию Сталина, ОГПУ усиливало диктат партии. Четверть века спустя он будет говорить, что осведомленность об этом была одним из факторов, способствовавших его решению совершить побег в 1938 году.

«С 1931 года, когда жестокая политика коллективизации сельского хозяйства вызвала голод в СССР, я полностью разочаровался в коммунистической партии и политике Кремля», – заявил Орлов в 1954 году, отвечая на вопросы иммиграционной службы США⁴¹. Не объяснил он только одного: почему ему потребовалось еще шесть лет, чтобы взбунтоваться, и почему он продолжал спокойно работать в высших эшелонах становившейся все более бесчеловечной тайной полиции. Никогда Орлов не признавал также и то, что на него ложится какая-то доля коллективной ответственности, которую сотрудники ОГПУ, несомненно, несли за молчаливое согласие с тем, что Сталин полностью контролировал их аппарат. Подобно многим другим революционерам старой закалки, Орлов, по-видимому, держался в стороне и был ослеплен надеждами, возлагаемыми на ленинизм, пока не стало слишком поздно воздействовать на ход сталинских репрессий; когда террор обратился против преданных чекистов вроде него, он предпочел совершить побег.

В ходе допросов, проводимых ФБР, протоколы которых были рассекречены, Орлов старательно избегал сообщать какие-либо подробности о своей роли в тот критический период, когда Сталин навязал ОГПУ личную власть. Из послужного списка Орлова видно, что он действительно возглавлял VII отделение Иностранного отдела, которое занималось координацией деятельности экономической разведки. Однако в 1954 году он сообщит инспектору службы иммиграции и натурализации, что с 1931 по 1933 год «работал в тресте льноэкспорта Советского Союза», где «в течение примерно двух лет заведовал кадровыми вопросами». Правда, он признался, что ездил в Соединенные Штаты с паспортом на имя Льва Леонидовича Николаева и прибыл в Нью-Йорк на борту немецкого лайнера «Европа» 23 сентября 1932 г. Это была просто официальная поездка, согласованная с советским торгпредством компанией «Дженерал моторс», четыре сотрудника которой присутствовали на беседе с ним на предмет разрешения въезда и внесли залог в размере 500 долларов США, поручившись, что он будет соблюдать условия выдачи ему визы сроком на три месяца⁴².

Протоколы специального опроса, проведенного иммиграционными властями в Нью-Йорке 26 сентября 1932 г., подтверждают, что Николаев – как Орлов называл себя – отрицал наличие у него каких-либо родственников в Америке. Однако когда в 1954 году тот же вопрос был задан ему службой иммиграции и натурализации, он признался, что «отыскал двоих», обзвонив несколько десятков абонентов со знакомыми фамилиями, найденными по телефонному справочнику, и «спрашивая у них, не в России ли они родились». Следователи ФБР установили позднее, что на самом деле Орлов наладил контакт со значительно более широким кругом старых друзей по Бобруйску, чем он указал. Они обнаружили также, что он, вероятно, солгал на проведенном в 1932 году иммиграционной службой опросе, заявив, что не является коммунистом. Позднее Орлов будет оправдывать эту ложь тем, что он всего лишь соблюдал постоянно действующие советские инструкции, запрещавшие любому официальному лицу раскрывать принадлежность к коммунистической партии⁴³.

Оперативное задание Орлова, если таковое существовало, на три месяца, проведенные им в Соединенных Штатах осенью 1932 года, не указано в его досье в КГБ. Оно раскрывает лишь то, что одной из целей поездки было получение подлинного американского паспорта для использования его в нелегальных поездках в европейские страны. Орлов рассказал ФБР, что посетил автомобильный завод «Дженерал моторс» в Детройте и навестил в Нью-Йорке дальних еврейских родственников, а также друзей детства по Бобруйску. Однако сейчас становится ясным, что его остальные действия так и не были должным образом установлены, хотя следователи обнаружили, что Орлов записался на годичные курсы английского языка в Колумбийском университете под фамилией Николаев. Это явно не соответствовало условиям предоставления ему трехмесячной визы, и, как показывают протоколы Службы иммиграции США, он отбыл в Европу на борту лайнера «Бремен» 30 ноября⁴⁴. Важным ключом к раскрытию его деятельности в США может оказаться тот факт, что Колумбийский университет не раз оказывался «альма матер» для тех американцев, которые становились советскими агентами. Именно в бытность свою в этом университете Элизабет Бентли и Уиттакер Чемберс среди прочих вступили, по их признанию, в члены коммунистической партии США.

Хотя пока еще не найдено каких-либо советских документов того периода, которые связывали бы Орлова с какой-нибудь конкретной операцией по вербовке, его досье содержит подлинные американские документы. Доказательством этого является паспорт в красных корках за № 566042 с печатью госдепартамента и за подписью Генри Л. Стимсона, который был выдан 23 ноября 1932 г. на имя Уильяма Голдина. Там дается описание владельца: рост 5 футов 8 дюймов, волосы черные, глаза карие, родился в России 20 июля 1899 г. и указывается род занятий: торговец. Уверенное лицо модно одетого Орлова на паспортной фотографии, удостоверяющей личность, с подписью Уильяма Голдина, выражает удовлетворение, которое он, должно быть, чувствовал, когда приобрел свою новую американскую подлинность⁴⁵.

Орлов умышленно ввел в заблуждение американские власти, когда утверждал в 1954 году, что не работал «примерно в течение года» после возвращения в Россию из Америки до того, как «начал работать в Интуристе». Он сказал также, что был «директором отдела по выдаче виз», а затем стал «заместителем начальника отдела железнодорожного и морского транспорта НКВД» в 1935 году и занимал эту необычную для него должность до лета 1936 года, когда получил назначение в Испанию.

Орлову было хорошо известно, что это являлось правдой лишь отчасти, поскольку в советской разведслужбе было обычной административной практикой «пристроить» офицера, только что возвратившегося из-за границы, в какое-нибудь другое внутреннее подразделение службы более низкого уровня или в аппарат, где он будет находиться до нового назначения на работу за границей или пока для него не освободится соответствующая должность в Иностранном отделе⁴⁶. В действительности советские архивные документы содержат сведения о том, что после второй безрезультатной командировки в Париж в 1933 году, целью которой являлось создание новой нелегальной резидентуры для проникновения во французскую военную разведку, Орлов приступил к участию в разработке одной из самых важных для Советского Союза операций внедрения: в создании кембриджской агентурной сети в Великобритании. Далее, как видно из документов, Орлов, являясь главой сталинской секретной полиции в Испании, был осведомлен о создании берлинской ветви советской агентурной сети, которую немцы окрестили «Красная капелла». Ее тайные связи с Москвой помогли повлиять на ход Второй мировой войны. Орлов утаил от ФБР и ЦРУ свою хорошую осведомленность об этих двух исторически наиболее важных шпионских сетях. Это были, пожалуй, самые важные тайны, которыми он обладал. Поэтому сейчас самое подходящее время, чтобы остановить повествование об удивительной карьере Орлова и рассмотреть новые сведения, почерпнутые в архивах КГБ, — о советской агентурной сети в Берлине пред-

военного времени. «Красная капелла» направляла в Москву поток секретной информации от коммунистических агентов со всего Третьего рейха, передавая ее с помощью подпольной радиостанции. В самый критический период Второй мировой войны эта сеть контролировалась одним из ближайших сподвижников Орлова – его бывшим помощником Александром Коротковым.

Глава 4

Экскурс в другую историю

Согласно советским документам, берлинское отделение «Красной капеллы» ведет свое начало с визита в Москву делегации прокоммунистически настроенных немецких ученых в августе 1932 года. Поскольку Орлов в то время возглавлял VII отделение ИНО ОГПУ, занимавшееся экономической разведкой, его не могли не проинформировать о приезжих, так как в состав группы входили лидеры ассоциации под не вполне понятным названием «Общество изучения советской плановой экономики»¹. Секретарем этой просоветской группы, которая была сформирована под знаменем «Arbeitsgemeinschaft zum Studium der Sowjetrussischen Planwirtschaft» (сокращенно «АРПЛАН»), был ученый 31 года от роду по имени Арвид Харнак, специалист в области философии и экономики. Ученый из Тюрингии, получивший степень доктора экономических наук в Гессенском университете, являлся отпрыском знатной прибалтийской семьи из Дармштадта. Его отец был профессором Высшей технической школы, а дядя – уважаемым немецким богословом, в честь которого назван известный институт Харнак-хаус. Подобно многим представителям немецкой молодежи, закончившим гимназию сразу после мировой войны, Арвид в 18 лет, отложив мысли об университете до лучших времен, вступил во «Фрайкорпс». Эти вольные полувоенные формирования состояли из националистически настроенных молодых немцев, значительную часть которых составляли демобилизованные и оставшиеся без работы ветераны войны, вступившие впоследствии в нацистские штурмовые отряды. Вооруженные и предводительствуемые обозленными офицерами, ярые противники большевизма, боевики «Фрайкорпс» наводили ужас на поляков и прибалтов, проживающих на спорных восточных территориях Веймарской Германии. В марте 1920 года некий капитан Эрхардт возглавил отряды «Фрайкорпс», которые выгнали республиканское правительство из Берлина в результате путча, ненадолго сделавшего Вольфганга Каппа, крайне правого политика, канцлером Германии².

Вскоре после подавления берлинского мятежа Арвида Харнака начало раздражать хулиганское буйство участников «Фрайкорпс». Будучи схвачен во время стычки с коммунистами в Силезии, он по освобождении ушел из отряда, чтобы продолжить, хотя и с некоторым опозданием, академическую карьеру. Четыре года спустя Арвид закончил с отличием университет в области юриспруденции. Получив стипендию Фонда Рокфеллера, он продолжил учебу в аспирантуре в Англии и США. В Мэдисоне, в университете штата Висконсин, он встретил жизнерадостную американскую студентку Милдред Фиш, которая впоследствии стала его женой. Харнак, к тому времени ставший социал-демократом, начал проявлять глубокий интерес к рабочему движению. Не прошло и двух лет с момента его возвращения в 1928 году в Германию, как ему была присвоена степень доктора философии в Гессенском университете. К 1931 году Харнак и его жена были преданными марксистами. Изучение истории ленинского плана построения социалистического государства в СССР завершило его превращение из патриота правого толка в пламенного, пусть даже это и не афишировалось открыто, коммуниста³.

Подобно многим представителям немецкой интеллигенции в десятилетие, предшествовавшее приходу Гитлера к власти, Харнак предпочитал не демонстрировать свои коммунистические симпатии путем открытого вступления в КПП (Коммунистическую партию Германии). Вместо этого он стал членом общества «АР-ПЛАН» и год спустя, в 1931 году, вступил в так называемый «Союз работников умственного труда» – «Bund Geistaer Berufe» (БГБ), который был одной из организаций, под чьим прикрытием КПП распространяла свое влияние среди преподавателей высших учебных заведений, ученых и гражданских

служащих. Согласно докладу того времени, полученному ОГПУ из коминтерновских источников, БГБ был создан с Целью «распространения идеологического влияния в тех кругах интеллигенции, которые по разным причинам не решались примкнуть к массовому движению». Структура союза была специально разработана его основателем, профессором Фридрихом Бернардом Ленцем, таким образом, чтобы прийтись по душе немецким националистам. Согласно докладу Коминтерна, он «сочувствовал Советскому Союзу по немецко-патриотическим мотивам, поскольку придерживался мнения, что только союз с СССР может привести к освобождению Германии от последствий Версальского договора и обеспечить восстановление былой мощи Германии»⁴.

В 1932 году, когда Харнак и другие члены немецкой делегации находились в Москве, они подвергались тщательной проверке как потенциальные тайные агенты офицерами советской разведки, работавшими под «крышей» ВОКС – советской организации, именовавшей себя «Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей». Она, являясь спонсором республиканских обществ по культурным связям, имела свои объединения во многих европейских научных центрах, включая Оксфорд и Кембридж, и формировала свой членский состав главным образом из числа коммунистов и представителей левого крыла. Группа поддерживала тесные связи с одним советским дипломатом в Берлине по имени Александр Гиршфельд, и, как показывают отчеты того времени, заинтересованность ОГПУ в Харнаке еще более увеличилась после того, как он стал сотрудником министерства экономики в апреле 1935 года.

Захват власти нацистами убедил тех, кто принадлежал к кругам немецкой интеллигенции левых убеждений, что только с помощью СССР им удастся изменить ход событий и противостоять национал-социалистам. В таких обстоятельствах и началась карьера Харнака как советского агента-информатора, когда Центр остановил свое внимание на нем как на потенциальном объекте вербовки в качестве тайного агента. Эта задача была возложена на Гиршфельда. Как показывают документы начальника V отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД (так было переименовано ИНО ОГПУ после его реорганизации в отдел Министерства внутренних дел в 1934 году), 15 июля 1935 г. Артузов дал указание: «...подготовку к вербовке Харнака считать целесообразной»⁵.

Хотя Гиршфельд и не был профессиональным офицером разведки, Артузов решил, что, поскольку этот дипломат лично знаком с Харнаком, он вполне подходит для того, чтобы предпринять предварительное «зондирование». Решающая первая встреча произошла в Берлине 8 августа 1935 г. и продолжалась, по словам Гиршфельда, «около трех часов». В его последующем отчете Центру описывалось, как Харнак пустился в подробнейшее выяснение условий его сотрудничества с советской разведкой и как он намеревался совместить это со своей партийной и антифашистской деятельностью. Поскольку это противоречило правилам Центра, Харнаку было сказано, что ему придется прекратить свою потенциально рискованную деятельность и тайную связь с коммунистами, полностью порвав с объявленной вне закона КПП. Гиршфельд сообщал, что он подробнейшим образом объяснил Харнаку, насколько опасно было бы продолжать открытую антифашистскую деятельность и что, уйдя в подполье, он смог бы добиться гораздо больших результатов в борьбе против Гитлера⁶.

Харнак согласился на советские условия и получил в подпольной сети немецких источников НКВД оперативный псевдоним «Балт». Александр Белкин, кадровый офицер разведки (оперативный псевдоним в НКВД – «Кад»), был направлен в Берлин в качестве первого офицера-куратора Харнака. Белкин был также близким товарищем Орлова по работе и впоследствии стал его заместителем в Испании. Именно благодаря посланиям, которыми обменивалась барселонская резидентура с Центром весной 1938 года относительно Харнака и

еще одного начинающего члена берлинской сети, Орлов был осведомлен о советском внедрении в нацистское правительство⁷.

Белкин был «повивальной бабкой» харнаковской сети высокопоставленных информаторов, охватывающей германскую промышленность и военные круги, причем многие из них были завербованы из числа его товарищей по «АР-ПЛАНУ» и БГБ. Харнака поощряли к тому, чтобы он, не щадя сил, создавал «непробиваемое» прикрытие для своей секретной деятельности. Это ему удалось достичь путем вступления в Национал-социалистический союз юристов, где он возглавил секцию, функционировавшую в рамках того министерства, где он работал. Он был также избран в члены «Геррен клуба», который охватывал элитарный круг видных германских промышленников, аристократов, чиновников и высших чинов армии, флота и ВВС. Многие из них стали ценными источниками разведывательной информации, которую Харнак начал посылать в Москву через Белкина.

Харнак быстро становился заметной фигурой как ценный советский агент, чему способствовала его жена Милдред, которая возглавляла Союз американских женщин в Берлине и была близкой знакомой Марты Додд, дочери посла США в Германии⁸. Расширяющийся круг друзей супружеской пары среди дипломатов увеличивал их ценность для НКВД и в то же время укреплял положение Харнака в министерстве экономики, где его основной обязанностью были торговые отношения между США и Германией. Широкие связи не только повышали ценность этого человека для советской разведслужбы, но и обеспечивали Харнаку и его жене надежное прикрытие для секретной работы на Москву. Для внешнего мира они производили полное впечатление безупречной нацистской супружеской пары. Надежность их прикрытия подтверждалась «Лизой» (псевдоним надежного агента НКВД в Берлине), которая представила Центру независимую оценку. Вот ее проникательная характеристика, которую она дала Милдред Харнак:

«Она самоуверенная, высокая, голубоглазая, крупная, выглядит типичной немкой, хотя является американкой, принадлежащей к низшим слоям среднего класса; она умна, чувствительна, благонадежна, типичная немецкая фрау, ярко выраженного нордического типа. Арвид Харнак происходит из хорошей семьи, откуда вышли богословы и немецкие философы. Он принадлежит к среднему классу, получил хорошее образование, происходит из преуспевающей семьи. Он тоже блондин с голубыми глазами (носит очки), среднего роста, коренастый, и, когда его видели в последний раз, он производил впечатление весьма типичного северянина. Они проявляют большую осторожность в установлении контактов, чрезвычайно дипломатичны по отношению к другим людям, производят полное впечатление людей хорошо подготовленных и дисциплинированных. Оба они поддерживают тесные связи с мужчинами и женщинами из нацистских кругов. В тот момент Арвид находился вне подозрений и занимал важный пост в министерстве. Я уверена, если только меня не ввели в заблуждение, что они полностью надежны и, с нашей точки зрения, им можно доверять»⁹.

О том, насколько быстро и в каком направлении развивалась деятельность основной берлинской секции «Красной капеллы», можно судить по объему досье Харнака, хранящегося в архивах НКВД. Захваченные документы гестапо, на которых главным образом основывались все предыдущие оценки деятельности «Красной капеллы» западными секретными службами и историками, не содержат сведений ни об истоках, ни о подлинном размахе операций советской разведки в Германии. Относящиеся к тому времени документы НКВД показывают, что Харнак стал ценным советским агентом на пять лет раньше, чем подозревало

гестапо, предполагая, что он возглавлял сеть разведки Советской Армии, когда его арестовали в 1942 году. Более того, многим членам берлинских групп удалось избежать гестаповских облав, и их не выдали ни Харнак, ни те, кто был схвачен и подвергнут допросам¹⁰.

В досье Харнака содержится поразительно разнообразная информация, которую он предоставил за три года после его вербовки. В числе его самых важных информаторов были прежние знакомые по группе БГБ, в том числе барон Вольцоген-Нойхаус, высокопоставленный сотрудник, работавший в техническом отделе ОКВ (Верховного военного командования), получивший оперативный псевдоним «Грек». Среди прочих можно назвать Ганса Руппа, главного бухгалтера «И. Г. Фарбен», действовавшего под псевдонимом «Турок», Тициенса, промышленника, белоэмигранта из России, обладавшего связями в высших кругах ОКВ, он работал под псевдонимом «Албанец», и племянника Харнака Вольфганга Гавеманна, офицера военно-морской разведки в Верховном командовании ВМС, которому дали псевдоним «Итальянец». Харнак, получивший новый псевдоним «Корсиканец», был важным самостоятельным источником. В министерстве экономики, в Берлине, он имел официальный ранг правительственного советника, что обеспечивало ему доступ ко всей документации и докладам, относящимся к внешней торговле Третьего рейха¹¹. Имея в своем распоряжении столь широкую сеть информаторов, Харнак мог обеспечивать Москву перед Второй мировой войной все нарастающим потоком информации самого высокого класса. О ее важности можно судить по составленному в то время краткому перечню информации, полученной Центром от Харнака к июню 1938 года:

«Ценные документальные материалы по валютному хозяйству Германии, секретные сводные таблицы всех вложений Германии за границы, внешней задолженности Германии, секретные номенклатуры товаров, подлежащих ввозу в Германию, секретные торговые соглашения Германии с Польшей, прибалтийскими странами, Ираном и другими, ценные материалы о заграничной номенклатуре министерства пропаганды, внешнеполитического ведомства партии и других организаций. О финансировании разных немецких разведывательных служб в валюте и т. д.»¹². Помимо разведывательных данных, поступающих от самого Харнака и от источников его собственной агентурной сети, его досье в НКВД показывает, что он помогал советским тайным агентам выбирать и вербовать других ценных независимых агентов. Одним из них был Карл Беренс, работавший в проектно-конструкторском отделе «АЭГ», важнейшего германского подрядчика в области тяжелого электромашиностроения. В 1935 году Харнак свел советскую разведку с этим человеком, тайно сочувствовавшим коммунистам (ему был дан русский псевдоним «Лучистый») и впоследствии предоставившим многочисленные технические чертежи, позволившие русским развить собственную отрасль электромашиностроения¹³.

Безнаказанность действий Харнака, создававшего свою агентурную сеть, во многом объясняется тем, что Центр имел возможность следить за работой гестапо через своего агента Вилли Лемана. Однако сообщения этого важнейшего информатора, действовавшего под псевдонимом «Брайтенбах», и информация, поступающая в Москву от Харнака, прекратились летом 1938 года вследствие организованной по инициативе Сталина чистки рядов НКВД, унесшей тысячи жизней представителей старой гвардии ЧК¹⁴.

Орлов избежал кровавой расправы, постигшей многих из его коллег по Иностранному отделу, бежав из Испании, в то время как отзыв некоторых самых опытных офицеров-оперативников НКВД и расправа с ними привели в хаотическое состояние руководство сетью тайных агентов. Одной из наиболее сильно пострадавших агентурных сетей оказалась сеть Харнака: пятеро из восьми офицеров разведки, имевших к ней отношение, были отозваны в Москву и расстреляны по ничем не подкрепленным обвинениям в государственной измене. Практически каждый офицер, связанный с легальной и нелегальной резидентурами НКВД

в Германии, пал жертвой сталинской паранойи. Что же касается передачи информации в Центр, то деятельность берлинских агентурных сетей прекратилась полностью. Харнак и другие немецкие источники обнаружили, что все контакты с Советским Союзом обрублены. Учитывая важность информации, которую они могли бы передавать из самого сердца Третьего рейха в то время, когда Сталин вел переговоры о союзе с Гитлером, было очевидно, что «Большой хозяин» «отрезал себе нос, чтобы досадить лицу». «Большая чистка» лишила Кремль точной разведывательной информации о намерениях германской внешней политики именно на те два года, которые предшествовали решению Гитлера свергнуть Европу в войну.

В течение 15 месяцев, с июня 1938 по сентябрь 1940 года, Харнак понапрасну ждал условного телефонного звонка, который вызвал бы его на встречу с новым офицером-куратором. Контакт Харнака с Москвой восстановился только утром 17 сентября, когда высокий худой человек постучал в дверь его берлинской квартиры на Войрштрассе, 16¹⁵.

Ранний гость, представившийся как Александр Эрдберг, был офицером разведки НКВД, которого в августе 1940 года направили под дипломатическим прикрытием на должность третьего секретаря советского посольства в Берлине. Это был русский разведчик, личность которого была неправильно установлена гестапо и о котором впоследствии упоминалось в книге «The Rote Kapelle: The CIA's History of Soviet Intelligence and Espionage Networks in Western Europe 1936–1945» как о «русском, который завербовал Арвида Харнака примерно в декабре 1940 года в Берлине»¹⁶. Однако, как показывают архивные документы НКВД, к тому времени Харнак уже был советским агентом на протяжении более пяти лет.

Доступ к архивам НКВД позволяет взглянуть на «Красную капеллу» в новом свете. На основе захваченных архивов гестапо считалось, что эта важная советская агентурная сеть в Германии представляла собой в основном военную разведывательную операцию, проводившуюся Красной Армией. Теперь же стало ясно, что создание ее самого важного компонента, то есть берлинской сети, было операцией НКВД. Советские архивы раскрывают также, что бывший помощник Орлова Александр Коротков, известный коллегам как «Саша», получил первое назначение на оперативную работу в 1933 году в качестве заместителя Орлова в нелегальной группе ИНО ОГПУ во Франции, о чем рассказывается в последующей главе. Как показывает досье Короткова, путь, который он прошел до того, как стал одним из лучших офицеров советской разведки, был весьма необычным даже для тех непредсказуемых времен. Коротков начал свою карьеру на Лубянке в качестве монтера по лифтам в хозяйственном отделе. Он был рекомендован в Иностранный отдел личным секретарем Ягоды Вениамином Герсоном, с которым вместе тренировался в спортивном клубе ОГПУ «Динамо». Короткова не затронула чистка, которая стоила жизни его другу Герсону и отправила в изгнание его наставника Орлова. Он поднялся по иерархической лестнице Лубянки и в начале 50-х годов стал начальником управления нелегальной разведки КГБ¹⁷.

Коротков учился мастерству управления агентурными сетями, работая с Орловым в Париже. Затем, перед «посещением» Норвегии и Дании в 1939 году, он работал в Германии. Он был высок и худ, и весьма уместно его первый оперативный псевдоним был «Длинный». Он обладал гибкостью и выносливостью – как духовной, так и физической. После того как Ягода был смещен с поста в результате чистки, дружба с секретарем бывшего шефа НКВД поставила его под подозрение, которое мешало карьере Короткова до 1939 года, и он был безапелляционно уволен со службы. Он отреагировал на это так, как немногие из его современников осмелились бы сделать: он оспорил решение об увольнении. В письме руководителям НКВД он поставил под вопрос причину своего увольнения, и, к его большому удивлению, приказ был отменен. Не прошло и несколько недель, как Короткову было поручено одно из самых важных заданий за всю его карьеру: он был направлен в Германию с целью восстановления контакта Московского центра с «Корсиканцем». Ему также было поручено

восстановление связи еще с одним берлинским¹⁸ источником, который можно назвать лишь псевдонимом «Фюрст».

Бывший помощник Орлова появился на пороге дома Харнака сентябрьским утром 1940 года. Коротков заверил «Корсиканца», что он «друг Гиршфельда», который очень нуждается в помощи Арвида. Согласно докладу в Москву, Харнак встретил его настороженно и подозрительно, опасаясь, что посетитель может оказаться гестаповским провокатором. Поэтому Эрдберг, как Коротков называл себя, не задавал никаких вопросов при первой встрече. Вместо этого, прежде чем попрощаться с «Корсиканцем», он предложил ему встретиться через несколько дней.

В тот же вечер Коротков отправил зашифрованную телеграмму из советского посольства на Унтер-ден-Линден в Центр. В ней сообщалось, что ему удалось восстановить контакт с «Корсиканцем», и он предлагал приехать на встречу с Харнаком в машине и тайно отвезти его в советское посольство, чтобы доказать ему, что Коротков действительно является «другом Гиршфельда»¹⁹.

План Короткова был одобрен, и, как только Харнак понял, что он имеет дело с подлинным советским офицером разведки, он объяснил причину своей настороженности при первой встрече. Шесть месяцев назад, в марте, относительно него имело место расследование со стороны тайной полиции, после того как берлинское гестапо получило анонимный намек, что в министерстве экономики работает советник правительства, который раньше сочувствовал коммунистам. По словам Харнака, гестапо провело очень тщательное расследование, поскольку он был правительственным советником, отвечавшим за торговую политику в американской секции, и имел доступ к секретам и право подписи секретных документов. Однако благодаря «железному» прикрытию, которое было им создано, он убедил их в том, что является образцовым нацистским чиновником, и гестаповские следователи скоро зашли в тупик. Подозрения были с него сняты как злобная попытка подмочить репутацию Харнака²⁰. Однако связанные с этим переживания были мучительными.

Анонимный гестаповский «доброжелатель», как было прекрасно известно Харнаку, потянул за ниточку, которая могла привести к разоблачению его агентурной сети и поставить под угрозу жизни десятков антифашистски настроенных людей в берлинских высших правительственных кругах. Анонимный доносчик опасно близко подошел к разоблачению одного из важнейших для НКВД источников разведывательной информации в нацистском правительстве. Это заставило и Харнака, и его советского офицера-куратора с большой осторожностью подойти к вопросу о том, как им организовать дальнейшие контакты. Их беспокойство было оправданным. Как показывает досье «Корсиканца», к 1940 году сеть Харнака разрослась и включала уже 60 стратегически размещенных источников, из которых 15 были абсолютно надежными антифашистами, как об этом докладывал Москве Коротков:

«„Корсиканец“, потеряв в 1938 году связь с нами, возобновил свою работу среди интеллигенции в духе «Союза работников умственного труда», не будучи связанным с КПГ. Он объединял вокруг себя своих старых знакомых, известных ему по работе в «Союзе», осторожно выискивая и привлекая к себе новых. В настоящее время в круге образовались небольшие «центры», каждый из которых работает над воспитанием и подготовкой своей небольшой группы людей. Так что «Корсиканец» сам уже не знает всех лиц, входящих в этот круг, равно как и цифру 60 человек определяет приблизительно. Организационно взаимоотношения всей этой группы состоят исключительно в поддержании хороших отношений знакомых между собой людей, стоящих примерно на одной и той же общественной ступеньке и одинаково мыслящих. Такова, по описанию «Корсиканца», организационная форма этой группы, маскирующая проводимую работу. Не все лица, входящие в этот круг, знают друг друга, а существует как бы цепочка. Сам «Корсиканец» старается держаться в тени, хотя

он и является душой организации. Цель организации состоит в подготовке кадров, которые могли бы после переворота занять командные должности. Сам «Корсиканец» никаких связей с компартией не поддерживает»²¹. Доклад Короткова об организации «Корсиканца» вызвал в Московском центре беспокойство, поскольку Харнак нарушил принцип разделения сети на изолированные друг от друга части, который требовалось соблюдать при создании тайных агентурных сетей НКВД, в результате чего увеличивалась уязвимость всей организации для разоблачения и проникновения гестапо. Вызывало беспокойство и то, что Харнак был намерен прежде всего построить свою сеть как тайную антифашистскую организацию и лишь во-вторых использовать ее как источник информации для советской разведки. Коротков выяснил и сообщил Москве, что Харнак никогда не согласился бы отказаться от своего «крестового похода» против Гитлера только лишь для того, чтобы стать каналом для переправки секретной информации Третьего рейха в СССР. Это в конечном счете приняло к сведению и руководство НКВД, которое рекомендовало своему человеку в Берлине к Харнаку «относиться бережно, чтобы между нами искусственно не выросла стена недоверия»²².

Центр понял, что у него не было иного выбора, кроме как рискнуть и использовать «Корсиканца» и его агентурную сеть на условиях Харнака. К осени 1940 года события достигли исторического поворотного пункта после падения Франции в июне того года, в результате чего Гитлер стал полным хозяином Европы. Возможно, королевские ВВС и спасли Великобританию от вторжения, победив «люфтваффе» в битве за Англию, но незавоеванная Англия способствовала тому, что Германия повернула на Восток. Сталин знал, что нацистско-советский пакт, подписанный в предыдущем году, мало чем отличается от циничного брака по расчету. До Москвы уже доходили сообщения от советских тайных агентов о том, что, даже когда Гитлер зондировал в Великобритании почву на предмет заключения мира, он готовился к «блицкригу» на Востоке, с тем чтобы осуществить свой давно обещанный «крестовый поход» с Целью освобождения мира от большевизма²³.

Менее чем через неделю после того, как был восстановлен контакт с сетью «Корсиканца», 26 сентября 1940 г., Коротков получил от Харнака то, что представляло собой первое убедительное сообщение о военных приготовлениях к нападению на Россию:

«Офицер из Верховного командования (ОКВ) рассказал Тициенсу, что в начале следующего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом является военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время. Целью войны является отторжение от Советского Союза его западноевропейской части по линии Ленинград – Черное море и создание на этой территории государства, целиком и полностью зависящего от Германии. Что касается остальной части Советского Союза, то там должно быть создано дружественное Германии правительство. На заседании комитета экономической войны возглавляющий этот комитет контр-адмирал Гросс сделал намеки, что генеральные операции против Англии откладываются»²⁴.

В архивах НКВД хранится написанная от руки пожелтевшая записка, приложенная к шифротелеграмме, отправленной Коротковым, из которой видно, что начальник управления госбезопасности немедленно передал это предупреждение в РУ РККА (впоследствии ГРУ), разведуправление Красной Армии. Как показывает досье «Корсиканца», поток точной военной информации о приготовлениях Германии к войне против Советского Союза необычайно возрос после декабря 1940 года, когда Харнак завербовал одного лейтенанта «люфтваффе». Этим новым важным источником стал Харро Шульце-Бойзен, 31 года от роду. Он был сыном кадрового офицера ВМС, в звании капитана, внучатым племянником и крестником адмирала фон Тирпица, который был движущей силой кайзеровских морских амбиций и создателем военного флота Германии в Первую мировую войну. Однако молодой Шульце-Бойзен оставил военную службу, чтобы изучать право и политику в университетах Фрайбурга

и Берлина, где его увлекли идеалы гуманистов. Он вступил в националистический «Орден молодых германцев» («Jungedeutsche Ordern»), а затем стал социалистом. Он даже поселился в рабочем квартале восточной части Берлина. Это привело его к восприятию коммунистических взглядов, и в 1932 году он начал издавать открыто антинацистский журнал «Оппонент» («Der Gegner»), что послужило причиной его ареста в 1934 году после запрещения Гитлером левых оппозиционных партий и профсоюзов. Шульце-Бойзена подвергли допросу в гестапо, где один из редакторов его журнала умер под пытками. Сам он отделался лишь краткосрочным заключением в концлагере, а затем был освобожден благодаря вмешательству Германа Геринга, который, как оказалось, был близким другом семьи Шульце-Бойзена²⁵.

Этот опыт не только способствовал тому, что Шульце-Бойзен стал еще более ярким противником нацистов, но и научил его необходимости затаиваться и делать вид, что принимаешь нацизм. По рекомендации Геринга он был зачислен в Школу транспортной авиации в Варнемюнде, которую и закончил с отличием как летчик-наблюдатель, получив затем должность в министерстве авиации. Хорошее владение иностранными языками позволило ему сделать карьеру в контрразведке «люфтваффе», где его быстрому продвижению по служебной лестнице в пятом отделе генерального штаба способствовал Геринг. Будущий рейхс-маршал был почетным гостем на свадьбе лейтенанта Шульце-Бойзена в 1936 году, когда он женился на Либертас, внучке графа Ольденбурга унд Гертфельда, близкого друга кайзера Вильгельма II.

Несмотря на свое аристократическое происхождение, Либертас Шульце-Бойзен была интеллигентной, воспитанной в духе интернационализма женщиной, которая разделяла ненависть мужа к нацистам. Она беззаветно помогала ему в создании подпольного антифашистского кружка в Берлине, ведущими членами которого были Гизелла фон Пёллниц и Вальтер Кюхенмейстер, искусствовед-самоучка и член коммунистической партии, чьи связи в КПГ включали Курта и Элизабет Шумахер, которые в последствии вошли в состав агентурной сети «Корсиканца». Получив известие о том, что нацистские секретные службы планируют разжечь восстание троцкистов в Барселоне в 1937 году, Шульце-Бойзен и Гизелла фон Пёллниц сговорились передать секретное предупреждение об этом на французском языке (чтобы замаскировать его источники) в посольство СССР в Берлине.

Арвид Харнак впервые вступил в контакт со своим единомышленником Шульце-Бойзеном в 1935 году, однако их тайное сотрудничество началось лишь пять лет спустя. К тому времени лейтенант «люфтваффе» возглавлял группу в составе примерно 20 человек, объединенных намерением свергнуть Гитлера. В кружке Шульце-Бойзена среди тех, кто имел непосредственный доступ к военным секретам Третьего рейха, были высокопоставленный начальник контрразведки в министерстве авиации по фамилии Гетц и майор Грегор, тайный коммунист, который был офицером связи у Геринга, отвечающим за контакты с министерством иностранных дел. Еще одним важным источником из сети Шульце-Бойзена был человек под псевдонимом «Швед» (не путать с Орловым, который носил такой же псевдоним). Это был капитан, имя которого не приводится в архивах, но он был личным адъютантом фельдмаршала фон Листа, командующего германскими войсками на Балканах²⁶.

Военная информация, которую Шульце-Бойзен начал передавать через Харнака в Москву, вскоре стала настолько важной, что 15 марта 1941 г. Центр приказал Короткову вступить в прямой контакт со «Старшиной» (псевдоним, присвоенный Шульце-Бойзену), чтобы поощрить его к созданию самостоятельной агентурной сети.

«В прошлый четверг „Корсиканец“ свел нас со „Старшиной“, – сообщил Коротков из Берлина 31 марта. – „Старшина“ прекрасно понимает, что он имеет дело с представителем Советского Союза, но не по партийной линии. Впечатление такое, что он готов полностью информировать нас о всем ему известном. На наши вопросы отвечал без всяких уверток

и намерений что-либо скрыть. Даже больше того, он, как видно, готовился к встрече и на клочке бумаги записал вопросы для передачи нам». В то же время Коротков постарался полностью выполнить совет Харнака относительно того, как обращаться с ШульцеБойзен²⁷.

«Нас „Корсиканец“ предостерегал о необходимости полностью избегать того, чтобы у „Старшины“, этого, как он характеризует, пылкого декабриста, не оставалось чувства того, что его партийная работа, которую он, „Старшина“, обоготворяет, превращается в простой шпионаж, – сообщал он Центру. – В противовес „Корсиканцу“, который строит большие планы на будущее и подготавливает своих людей на то время, когда к власти придут коммунисты, „Старшина“ нам кажется более боевым человеком, думающим о необходимости действий для достижения того положения, о котором мечтает „Корсиканец“»²⁸.

Как показывают досье «Корсиканца» и «Старшины», после установления прямого контакта НКВД с ШульцеБойзен и освобождения Харнака от роли промежуточного звена работа обоих источников стала более продуктивной. Именно через чету Харнак ШульцеБойзен установил контакт с писателем и сценаристом Адамом Кукхоффом. Его жена Грета когда-то была студенткой университета штата Висконсин, а сам Кукхофф был лидером антифашистского кружка, называвшего себя «творческой интеллигенцией». Через двоюродного брата Харнака они также установили связь с тайной социал-демократической оппозицией Гитлеру, которую возглавлял Карл Герделер, бывший мэр Лейпцига, впоследствии казненный за участие в заговоре против Гитлера в июле 1944 года. Еще одним членом кружка Кукхоффа был Адольф Гримме, известный социал-демократ и товарищ профсоюзного деятеля Вильгельма Лейшнера, в состав собственной подпольной оппозиционной группы которого входил шеф берлинской полиции (Polizei-Präsident) граф Вольф фон Гельдорф, собравший досье компрометирующих материалов на нацистское руководство²⁹.

Потенциальная ценность такой группы для советской разведки была весьма значительной. 19 апреля 1941 г. по приказу Центра Коротков организовал через Харнака встречу с Кукхоффом. Сценарист с готовностью согласился сотрудничать с русским представителем и снабжать его информацией; ему был присвоен псевдоним «Старик». Его группа стала третьим важным компонентом берлинской сети «Красной капеллы», как это видно из схемы, находящейся в досье «Корсиканца». Решение начать использовать в качестве источников разведданных эти взаимосвязанные группы антифашистов далось Москве нелегко вследствие того, что их аморфность и разветвленность нарушали строгие правила безопасности, в соответствии с которыми НКВД обычно управлял своими агентурными сетями. Однако потребность в информации в те весенние месяцы 1941 года, когда приходили все более зловещие подтверждения приближающегося нападения на Советский Союз, объясняет, почему Центр позволил Короткову выступить в роли куратора для всех трех сетей, используя псевдоним «Степанов» в своей секретной переписке с Москвой³⁰.

Досье «Старшины» показывает, насколько точным источником разведывательной информации был ШульцеБойзен, когда дело дошло до передачи военной разведывательной информации в преддверии немецкого вторжения 22 июня. Доступ к военным секретам обеспечивала ему работа в министерстве авиации, где он обрабатывал секретные разведывательные донесения германских военновоздушных атташе. Глубокие и подробные разведданные, которые он передавал Короткову, не только относились к вермахту, но и давали Москве возможность заглянуть в операции германской разведки против Соединенных Штатов, как это видно из доклада от мая 1941 года, полученного из берлинской резидентуры:

«„Старшине“ доподлинно известно, что американский военно-воздушный атташе в Москве является германским агентом. Он передает разведывательные сведения немцам, получаемые им, в свою очередь, от своих связей в СССР, и в первую очередь от американских граждан, работающих в советской промышленности. „Степанов“ просит об осторож-

ности при использовании этих сведений, т. к. „Старшина” – одно из немногих лиц, которым известно, что американец – немецкий агент»³¹.

Центр проверил информацию о военно-воздушном атташе США в Москве и телеграфировал Короткову подтверждение, что «сведения «Старшины» об американском военно-воздушном атташе отчасти подтверждаются нашими данными». Именно через Шульце-Бойзена Москва узнала, что иранский военный атташе в Берлине продал англичанам свои услуги в качестве агента и что немцы раскололи иранскую систему шифровки, уговорив торговца коврами, чтобы он выкрал для них коды в обмен на право ввоза в Берлин и продажу там своего товара³².

Архивные документы НКВД показывают также, насколько точной и разносторонней была развединформация, служившая предупреждением о нападении Германии на Советский Союз, которую поставляли «Корсиканец» и «Старшина». Нельзя не удивляться тому, что все предупреждения были оставлены Сталиным без внимания. Краткий перечень их сообщений, полученных V отделом Главного управления государственной безопасности с сентября 1940 по июнь 1941 года, насчитывает одиннадцать страниц в досье «Корсиканца», что составляло целый разведывательный план приближающегося германского вторжения³³.

Когда наступил январь 1941 года, Москва получила предупреждение о том, что «люфтваффе» намеревается предпринять разведывательные полеты вдоль границы и над Ленинградом. В последующие недели Геринг перевел русский сектор в активный оперативный отдел штаба ВВС, а в армии начали распределять карты промышленных объектов в СССР. К марту поступило известие, что Гитлер решил назначить дату вторжения на один из весенних месяцев, поскольку русские в таком случае не смогут сжечь на полях все еще зеленые посевы пшеницы, с которых немцы предполагали собрать урожай. ОКВ предсказывало, что Красная Армия сможет сопротивляться вермахту чуть более недели, а затем будет разбита; Украина будет оккупирована, в результате чего Советский Союз лишится своей промышленной базы. В Москву было также направлено подтверждение того, что кампания против Англии откладывается, и сообщалось о продвижении германских сил на Восток. К апрелю Шульце-Бойзен сообщил Москве, что разработка планов боевых операций «люфтваффе» завершена и что их основными задачами будет уничтожение железнодорожных узлов в западной части СССР, нанесение сокрушительного удара по Донецкому угольному бассейну и авиационным заводам в районе Москвы. К маю было ясно, что нападение, первоначально планировавшееся на этот месяц, было отложено по меньшей мере на четыре недели. В июне «Корсиканец» сообщил, что время начала операции надвигается, и передал список германских чиновников, назначенных на должности, чтобы взять в свои руки рычаги управления экономикой на завоеванной территории России³⁴.

И наконец, всего за пять дней до того, как германские танковые дивизии перевалили через границу России на рассвете 22 июня после одной из самых смертоносных за время Второй мировой войны артподготовок, Коротков передал в Москву от «Старшины», что «люфтваффе» получил боевой приказ. Зловещее и однозначное последнее предупреждение заканчивалось так: «Все германские военные мероприятия по подготовке вооруженного нападения на Советский Союз полностью закончены, и удара можно ожидать в любое время»³⁵. Руководство НКВД сочло шифротелеграмму настолько важной, что она сразу же по получении была передана Сталину. Свидетельством цинизма советского вождя является пренебрежение, с которым он отреагировал на сообщение от 16 июня, переданное ему дословно заместителем начальника НКВД Меркуловым: «Товарищу Меркулову. Можете послать свой „источник“ из военно-воздушных сил Германии к... матери! Это не источник, а дезинформатор. И. Сталин»³⁶.

Возникает вопрос: как мог Сталин оставить без внимания это последнее недвусмысленное предупреждение? Оно подтверждало получаемые в течение многих месяцев конкретные сообщения от «Корсиканца» и «Старшины», которые подкрепляли другие разведданные о подготовке к германскому вторжению, получаемые, как показывают архивы НКВД, Центром от агентов в Германии, Польше, Румынии, Англии и даже в Соединенных Штатах. Кажется неправдоподобным, что и Кремль, и Красная Армия могли быть застигнуты врасплох «операцией Барбаросса», как Гитлер окрестил свой «крестовый поход» на Россию.

Возможно, Сталин имел основания для того, чтобы отмести как «провокацию» предупреждение о надвигающемся нападении, которое передал ему Черчилль. Оно основывалось на перехваченных и расшифрованных сообщениях германского «люфтваффе». Но, поскольку Сталин точно так же оставлял без внимания подтверждающий это поток достоверных разведданных, передаваемых в Москву такими агентами, как Харнак и Шульце-Бойзен, возникают новые вопросы относительно советского «Пирл-Харбора». Эти новые откровения еще более подчеркивают загадочность того, что в течение полувека дискутировалось по обе стороны «железного занавеса». Был ли Сталин настолько заигнотизирован своим тайным преклонением перед Гитлером, что пренебрег возможностью того, что фюрер всадит ему кинжал в спину? Или оба разведуправления – НКВД и ГРУ – неправильно истолковали и неверно поняли информацию о нависшей угрозе нападения, как это случилось с аналогичными американскими службами перед неожиданным нападением японцев на тихоокеанскую морскую базу 7 декабря 1941 г.?

Советские архивные документы, к которым теперь открыт доступ, дают основания предполагать, что оба этих фактора способствовали роковой ошибке кремлевского руководства. Сведения, содержащиеся в делах агентов «Корсиканца» и «Старшины», несомненно, говорят о том, что Сталин располагал точными данными о приближающемся нападении Германии. Однако другие документы НКВД показывают также, что сообщения о намерениях Гитлера, поступавшие в Кремль, утрачивали отчетливость из-за присущей советскому складу ума подозрительности: а не являются ли эти ценные секретные разведданные результатом коварной операции по дезинформации, задуманной абвером?

Не один Сталин был склонен не верить поступившим из Берлина разведданным об угрозе приближающейся войны. К июню 1941 года в Берлине поползли слухи о войне, там болтали об этом на каждом углу. «Секрет» проник в Москву не только из надежных источников в высших эшелонах Третьего рейха, таких как «Корсиканец» и «Старшина»; та же самая информация поступала, основываясь на слухах, подхваченных женами советских технических специалистов, работавших на германских военных заводах. Вследствие уверенности Москвы в том, что разведка является единственным источником заслуживающей доверия информации, и Центр, и Кремль ломали голову над тем, что же это за тайные приготовления к нападению на Россию, если о них сплетничают женщины и даже пишут берлинские корреспонденты американских газет?

В неспособности должным образом оценить достоверность развединформации и кроется причина смятения, охватившего Центр в критический период, когда начался отсчет последних минут, оставшихся до начала войны. Поток информации был слишком мощным для аналитических способностей Москвы – то же самое произошло и в Вашингтоне шесть месяцев спустя, накануне нападения на Пирл-Харбор. Просчет и в том и в другом случаях был результатом поступления слишком большого объема информации из слишком многочисленных источников, а не наоборот. В обоих случаях это привело к роковой ошибке, потому что предубеждениям было позволено одержать верх над здравым анализом. В данном случае слепота, одолевшая Центр в результате противоречивости информации, проявляется в оперативном письме, направленном в Берлин 5 апреля 1941 г.: «За последнее время мы буквально со всех сторон получаем агентурные сообщения о готовящейся герман-

ской акции», – писал Центр. Поскольку многочисленные сообщения в британской и американской прессе подкрепляли предупреждения «Корсиканца» и «Старшины», предсказывая нападение на Украину, московские аналитики получили «такое обилие агентурных сведений о «секретной подготовке» Германией этой акции, что все это наводит на мысль, не имеет ли здесь место широко задуманная инспирация». Оставалось неясным, были ли в этом повинны сами немцы, пытавшиеся оказать давление на Советский Союз, или же это был коварный маневр англо-американцев, стремившихся подорвать германо-советские отношения³⁷.

Теперь стало понятно, что несостоятельность московской оценки развединформации усугублялась усилиями по дезинформации, предпринимаемыми немцами. Когда сосредоточение войск, танков и самолетов вдоль восточной границы Третьего рейха достигло таких размеров, что его невозможно было ни скрыть, ни отрицать, гестапо воспользовалось одним из своих внедрившихся агентов, чтобы подкинуть непосредственно в Москву ложное объяснение причины наращивания вооруженных сил. Уже после войны во время допроса немецкого военнопленного Зигфрида Мюллера, который в 1941 году был сотрудником отдела 40 гестапо, выяснилось, что на русскую секцию абвера работал латвийский журналист Орест Берлинкс. К несчастью для Москвы, Амаяк Кобулов, резидент НКВД в Берлине, считал его одним из самых надежных источников³⁸.

Согласно показаниям Мюллера в КГБ, Берлинкс был настолько ценным каналом предоставления ложной информации советской разведке, что Гитлер и Риббентроп собственноручно готовили его донесения. Возможно, это является преувеличением, но документы НКВД того времени подтверждают, что в апреле 1941 года Центр специально поручил Кобулову выяснить причину массового стягивания войск и вооружений к русской границе³⁹. Ответ на этот вопрос Кобулов получил от Берлинкса, который утверждал, что «официальное» объяснение, которое было дано лично ему 4 марта 1941 г. полковником Блау из ОКВ, заключается в следующем: «Мы во время мировой войны умели путем колоссальных перебросок войск замаскировать действительные намерения немецкого командования»⁴⁰.

Поскольку по критериям советской разведки это была предположительно подлинная «секретная» информация, доставленная в Москву через верный источник, то ее стали считать еще более надежной, так как она совпадала с собственными убеждениями Сталина. Эта информация не противоречила также неопровержимому свидетельству наращивания немецких вооруженных сил на границах России, а Сталин считал этот маневр колоссальной военной хитростью Гитлера. Для того чтобы еще больше запутать Москву, германские секретные службы воспользовались также и другими каналами, намекая на то, что любой военной операции против России предшествовали бы ультимативные германские притязания на Украину. Эта дезинформация также распространялась через министерства Третьего рейха с намерением довести ее до сведения правительств иностранных держав с помощью намеков, подброшенных по дипломатическим каналам.

Дело «Корсиканца» подтверждает, что Харнак «клюнул» на дезинформацию и сообщил Короткову в апреле 1940 года, что «на одном из совещаний ответственных должностных лиц из министерства экономики представитель отдела печати Кролл заявил следующее: «СССР будет предложено присоединиться к державам оси «Берлин – Рим» и напасть на Англию. В качестве гарантии будет оккупирована Украина и, возможно, балтийские [государства] тоже»⁴¹. Предположение Москвы, что некий ультиматум будет предварять любую германскую военную операцию, было подкреплено в следующем месяце сообщением, полученным от «Старшины».

«Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии удовлетворения этих требований в промышленные и хозяйственные центры и предпри-

ятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Представлению этого ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза»⁴².

Неоднократные германские опровержения каких-либо намерений предпринять нападение были еще одним тактическим ходом, который, как показывают советские документы, был неправильно истолкован в Москве, когда информация об этом была получена от «Старшины», которого разведка высоко ценила как источник. Ссылаясь на секретные документы, которые прошли через его руки в начале июня, Шульце-Бойзен сообщил Короткову, что «германским военным атташе за границей, а также немецким послам дано указание опровергать слухи о военном столкновении между Германией и СССР»⁴³. Эта информация, по-видимому, подкрепляла его сообщение о том, что германский военно-воздушный атташе в Москве направил своей жене и детям вызов в Москву⁴⁴. Такая разведывательная информация укрепляла убеждение Сталина в том, что он не должен позволять Гитлеру запугать себя этим крупномасштабным военным блефом, а поэтому он ждал ультиматума с изложением требований Германии, который так и не был предъявлен. Умело скоординированные противоречивые сигналы, полученные в Москве в течение мая и июня 1941 года, помогали смазать и увести в сторону логические выводы, которые напрашивались в результате анализа потока точной развединформации о готовящемся нападении Германии, которую «Корсиканец» и «Старшина» передавали в течение многих месяцев. Это подтверждается примечанием, которое Коротков приложил к сообщению Харнака, переданному им в начале июня. В нем содержался список немцев, назначенных управляющими в экономические районы, на которые Гитлер намеревался разделить СССР. «Насколько это входит в круг слухов, циркулирующих сейчас в Берлине, или является действительно подготовительным мероприятием намерений немецких властей, даже, может быть, рассчитанным на блеф, сказать трудно»⁴⁵.

Такая сумятица в штаб-квартире НКВД была неизбежна, поскольку советская разведка в то время не имела специализированного отдела анализа, способного отделить дезинформацию от надежных разведданных. Это, как обнаружил Орлов, было слабой стороной всей организации, потому что Сталин упорно считал, что при оценке информации своей разведки за ним должно оставаться последнее слово. «Это опасные догадки» – такими словами «Большой хозяин» отметал любые попытки толкования информации, которые предпринимались его подчиненными. Он, очевидно, считал, что только сам обладает даром интуитивно определить подлинную значимость сообщений разведки. Именно поэтому, как говорил Орлов, Сталин неоднократно предупреждал руководителей своей разведки, чтобы они держались подальше от гипотез и уравнений со слишком многими неизвестными⁴⁶. «Гипотеза в разведке может превратиться в вашего конька, на котором вы приедете прямо в устроенную вами же самими ловушку» – это было излюбленное изречение Сталина в отношении оценки разведданных. «Не рассказывайте мне, что вы думаете, дайте мне факты и источник!» И, как показывают документы НКВД того времени, именно так руководители этого ведомства и поступили в июне 1941 года. Они передавали в кремлевский кабинет Сталина необработанные шифровки от Короткова и других офицеров-кураторов практически в том же виде, в каком получали их – без каких-либо комментариев или оценки их важности и относительной надежности. Те, кому они были адресованы – обычно это были Сталин или Молотов, – сами выступали в роли аналитиков сообщений своей разведки. На них и лежит ответственность за принятие рокового ошибочного вывода о том, что Гитлер просто блефует.

Фюрер тоже был введен в заблуждение оценками разведданных вермахта, согласно которым массированный удар Германии по Красной Армии приведет к поражению Советского Союза, причем кампания продлится не более шести недель. Нашествие заставило Москву отозвать своих дипломатов, закрыть легальную резидентуру НКВД в Берлине, что

вынудило ее агентов уйти в подполье. Агентурные сети «Корсиканца» и «Старшины», которым с успехом удавалось передавать ценную информацию в Москву до нападения Германии, время от времени восстанавливали связь вплоть до сентября 1942 года, когда в дверь постучали гестаповцы. Руководители «Красной капеллы» были арестованы, наскоро подверглись суду и казнены (см. Приложение II).

Хотя дела Харнака, Шульце-Бойзена, Кукхоффа и других берлинских агентов из архивов НКВД подтверждают, что из их секции «Красной капеллы» звучали самые убедительные предупреждения о катаклизме июня 1941 года, все было напрасно, потому что Сталин не желал их слышать. Но с присущим им мастерством они продолжали обеспечивать информацией Красную Армию, что в конечном счете способствовало поражению Гитлера.

Глава 5

Охота за «хромым»

«Любой вид шпионажа, – утверждал Орлов в своем «Пособии», – в равной степени противозаконен с точки зрения тех стран, против которых он направлен»¹. Несомненно, вспоминая о начале своей карьеры разведчика-«нелегала» весной 1933 года, он отдавал себе отчет, что занялся тогда новым, более опасным делом, которым были нелегальные операции. На предыдущих должностях Орлов был «легальным» резидентом в стране и руководил работой резидентуры в качестве официального сотрудника персонала посольства или советского торгпредства. Теперь же ему предстояло руководить работой тайной сети агентов и скрывать свою подлинную личность, въехав в иностранное государство по фальшивым документам и проживая там на нелегальном положении.

«Советские офицеры надевали на себя личину бизнесменов или лиц других профессий, скрывая свою личность с помощью фальшивых иностранных паспортов и других ухищрений»², – так писал Орлов, исходя из собственного опыта, хотя он и не упоминает о том, что сам когда-либо принимал участие в такой деятельности. Характер его нового назначения в качестве «нелегала», направленного со специальным заданием во Францию, отражал изменения в методах проведения советскими секретными службами зарубежных операций по сбору разведданных. Как показывают архивные документы НКВД, до конца 20-х годов руководство большинством таких операций за границей осуществлялось из советских посольств и торговых представительств. Однако налет в 1927 году английской полиции на служебное помещение англо-советского торгового общества «Аркас» в Лондоне повлек за собой ряд провалов, в результате чего последовало выдворение из Великобритании всего персонала советской дипломатической миссии. Из служебных кабинетов «Аркаса» было вывезено несколько грузовиков захваченной документации, она оказалась бесполезной для английской контрразведки. Главную роль сыграли перехваченные телеграммы посольства СССР, чей шифр англичанам удалось «расколоть». Из телеграмм было видно, что советские дипломатические и торговые миссии использовались в качестве прикрытия для операций по сбору разведданных³. Ущерб, причиненный делом «Аркас», а также проведенным несколько ранее нападением на советское консульство в Шанхае и разоблачением в апреле того же года коммунистической шпионской сети во Франции, вынудил Москву критически пересмотреть как шпионские операции за рубежом, так и системы шифровки. В целях защиты дипломатической информации Советский Союз ввел систему зашифровки телеграфной переписки с помощью одноразовых блокнотов, которая с тех пор использовалась также и разведкой.

По словам Орлова, «советскому правительству было желательно одно: реорганизовать свои разведывательные операции на чужой территории таким образом, чтобы в случае провала какого-нибудь агента следы не приводили в посольство СССР и чтобы советское правительство имело возможность отрицать любую с ним связь»⁴. Поэтому в начале 30-х годов советские разведслужбы стали практиковать новый способ действий, основывающийся на так называемой «нелегальной» резидентуре, которая была полностью отделена от советских посольств и торговых представительств. «Нелегальный» аппарат действовал тайно, под прикрытием иностранного гражданства, пользуясь своим собственным каналом связи с Центром в Москве. Подобная организация операций оказалась настолько успешной, что, по словам Орлова, она была принята на вооружение также и советской военной разведкой. «Подпольные резидентуры постепенно взяли на себя большую часть деятельности разведки за границей», – писал Орлов. Он отметил при этом, что «легальные» резидентуры

не были ликвидированы полностью, поскольку руководители советской разведки изменили свои намерения, решив, что советской разведке будет выгодно наблюдать за событиями в стране через две не зависимые друг от друга агентурные сети, чтобы иметь возможность сверять информацию, полученную от одной из них, с данными, полученными от другой⁵. Но «легальным» резидентам было приказано воздерживаться от рискованных операций, которые могли бы нанести ущерб престижу Советского Союза.

Таким образом, 30-е годы стали золотым десятилетием так называемых «великих нелегалов» благодаря новаторским усилиям Орлова и его товарищей, которые приступили к выполнению задачи создания подпольных агентурных сетей по всей Европе.

«Подпольные резидентуры были наделены широкой свободой действия и имели обширную сферу деятельности», – отмечал Орлов. Отличие «нелегальных» операций от «легальных» заключалось в том, что на «офицеров советской разведки, ответственных за тайные агентурные сети, уже не распространялись иммунитет сотрудников советского посольства и привилегии дипломатического паспорта, а кроме того, они были лишены возможности пользоваться услугами дипломатической почты, с помощью которой добытые секреты можно было без проблем переправлять в Москву»⁶. Это подвергало сотрудников разведки более значительному личному риску.

«Переход советской разведки на подпольные методы работы совершался не без труда», – вспоминал Орлов. Помимо утраты дипломатической неприкосновенности и гарантий, что в случае провала правительство СССР начнет заявлять энергичные протесты, чтобы добиться их освобождения, возникала еще одна проблема – проблема нехватки офицеров разведки, которые бы достаточно хорошо владели иностранными языками, чтобы сойти за граждан зарубежных стран. Чтобы решить ее, ОГПУ – НКВД приняли серьезную программу подготовки кадров. Она предусматривала приобретение офицерами легальных профессиональных или коммерческих навыков для прикрытия, которое дало бы им возможность провести многие годы в стране, где предстояло работать.

Разведчикам также требовались новые удостоверения личности. Решение этой задачи входило в обязанности паспортной группы Иностранного отдела ОГПУ – НКВД. Ее сотрудники должны были раздобыть и подправить подлинные паспорта иностранцев, эмигрировавших в Советский Союз, или изготовить фальшивые паспорта иностранных государств. Для того чтобы сделать паспорта, которые могли бы выдержать скрупулезную проверку сотрудниками службы иммиграции, требовалось изготовить соответствующие штампы, обложки и документацию. Для этого привлекались самые высококвалифицированные специалисты-граверы. Но как бы искусно ни была изготовлена подделка, ее можно было обнаружить, наведя справки относительно номера и серии паспорта в регистрационных службах страны происхождения. Именно по этой причине все советские заграничные резидентуры получили задание добывать – путем обмана или подкупа сотрудников паспортных отделов – подлинные экземпляры паспортов. Особую ценность для советской разведки представляли американские паспорта. Это объяснялось не только тем, что престиж Соединенных Штатов заставлял полицию европейских стран относиться к ним с уважением, но и тем, что неумение его владельца говорить на чистом английском языке не вызывало подозрений, поскольку Америка была приемной родиной многочисленных русских и других европейских эмигрантов⁷.

Подобно многим советским «нелегалам», Орлов путем ловкой махинации обзавелся подлинным американским паспортом. Одним из способов, объяснял он, было получение фотокопии свидетельства о рождении ребенка, умершего в младенчестве, возраст которого приблизительно соответствовал возрасту разведчика. Требовалось всего лишь два свидетеля, которые подтвердили бы личность претендента на получение паспорта, дав нотари-

ально заверенную клятву, что знают его в течение пяти лет. К заявлению на получение паспорта прилагались документы о натурализации недавно прибывшего иммигранта того же возраста и с теми же исходными данными, которые не составляло труда «позаимствовать» за некоторую мзду и выдать за собственные документы разведчика. Этим методом воспользовался и сам Орлов для получения своего американского паспорта в ноябре 1932 года, когда он побывал в США с якобы официальным визитом, организованным компанией «Дженерал моторс»⁸.

Американский паспорт Орлова на имя Уильяма Голдина был получен путем подачи фиктивного заявления с помощью тайного советского агента в Нью-Йорке, работавшего под псевдонимом «Саунд». Орлов, вполне возможно, вспоминал личный опыт, когда писал об «одном советском офицере» разведки, рвавшемся испытать свою новую личину сразу же, как только ступил на борт судна, на котором возвращался из Нью-Йорка в Европу в конце 1932 года⁹. Он припомнил два случая, которые научили «этого самого офицера НКВД» сначала усердно поработать дома, чтобы «отшлифовать» свою легенду, прежде чем он сможет выступить в новой роли американца.

Советскому офицеру, путешествующему под чужим именем, писал Орлов, показалось вполне уместным в ответ на вопрос кого-то из сидящих за карточным столом на пароходе о его профессии назваться «меховщиком». Это оказалось ошибкой, потому что нью-йоркские дамы засыпали его вопросами о «ценах на разные сорта норки». От цифр, которые он взял с потолка, «у дам просто глаза на лоб полезли», и они стали избегать его, заподозрив, что он «либо вор, либо сумасшедший»¹⁰. Второй случай, описанный Орловым, произошёл после того, как пароход прибыл в Шербур и офицер добрался оттуда до Парижа. Там он зарегистрировался в «Гранд-отеле» по своему новому американскому паспорту, объясняясь на французском языке, которым хорошо владел. «Клерк-регистратор по воле случая оказался американцем из Бруклина; он был рад приветствовать соотечественника по-английски и задал пару вопросов о том, как прошло плавание». От неожиданности разведчик растерялся и пробормотал какую-то «неопределённую фразу по-английски, которую клерк не понял». Попытка выпутаться из сложившейся ситуации закончилась полным конфузом, и, как писал Орлов, он выписался из отеля на следующее утро, сдал свой американский паспорт на хранение в посольство СССР и подал в Московский центр заявление на трехмесячные курсы английского языка.

Хотя описанные Орловым случаи отдают курьёзными байками, ходящими в среде разведчиков, он справедливо указывал, что из опыта этого неназванного офицера следовало извлечь урок о том, что «нелегал» обязан в разумных пределах владеть языком и располагать сведениями о городе, откуда он якобы родом. Однако, судя по его личным наблюдениям, «при тщательном расследовании даже в самой хорошей легенде всегда обнаруживаются слабые места»¹¹. Вот почему секретные оперативные работники имели постоянно действующую инструкцию «покидать поле боя», если узнавали, что власти взяли их под наблюдение. По признанию Орлова, все «нелегалы» вроде него, которые раньше работали в качестве «легальных» русских граждан, имели «ахиллесову пяту» — уязвимое место, которое сам он называл «серьёзным политическим просчетом со стороны НКВД». Они подвергались риску, потому что их перевоплощение могло быть разоблачено, если их узнавали старые знакомые или бдительные служащие пограничных пунктов. Орлов приводил в качестве примера случай со своим бывшим коллегой Дмитрием Смирновым, бывшим «легальным» резидентом НКВД в Париже, где он занимал должность секретаря советского посольства. Проезжая через Польшу с греческими документами, он был опознан бдительным польским пограничником как человек, который всего год назад пересекал границу, направляясь во Францию с советским дипломатическим паспортом¹². Хотя знание английского у Орлова оставляло

желать лучшего, он все-таки мог обойтись им как владелец американского паспорта, тогда как прикрытие Смирнова разлетелось в пух и прах, потому что он не знал ни слова по-гречески. Тем не менее, как отмечал Орлов, у Центра часто не было иного выбора, и он был вынужден идти на такой риск. Ощущалась острая нехватка старших офицеров вроде него, обладающих «хорошей подготовкой, опытом работы и выносливостью, необходимой для секретной службы». Тут, несомненно, присутствовала определенная доля самолюбования. Он выразил свою мысль следующим образом: «Опасная секретная работа окружена в Москве таким ореолом героизма, что многие из руководителей разведки, невзирая на свою предшествующую работу за границей в официальной должности, стремятся получить связанное с риском назначение, считая это делом чести»¹³.

Весной 1933 года Центр выбрал Орлова как одного из наиболее опытных оперативных работников для руководства претенциозным планом внедрения во французский генеральный штаб. Это было ответственное поручение. Часть советских разведывательных операций во Франции перешла в руки «нелегалов» в 1927 году, то есть в тот самый год, когда произошел частичный провал широко раскинувшейся советской разведывательной сети, возглавляемой французским коммунистом Жаном Креме. В результате французская «Сюрте генераль» активизировала свои контрразведывательные действия против подпольных операций Москвы во Франции.

В течение четырех лет они безуспешно разыскивали Креме, коренного русского, скрывавшегося под дюжиной вымышленных имен, самым невероятным из которых было «генерал Мюрей». Пламенный большевик с закалкой старых ленинцев ушел «в подполье» благодаря способности говорить по-французски как крестьянин из Оверни. «Поль Анри Альбер Буассона» оказался неуловимым агентом разведки Красной Армии, который снабжал Центр самыми разнообразными военными чертежами и образцами нового оружия, пока наконец его не поймали и не осудили за шпионаж в 1931 году. Размах советских операций во Франции увеличился после 1933 года, когда приход Гитлера к власти в Германии, в результате чего коммунисты были объявлены вне закона, вынудил Москву перенести из Берлина в Париж свой разведывательный центр в Западной Европе¹⁴.

Инициатором перехода к подпольным операциям был Артур Артузов, в прошлом начальник контрразведки (КРО), который в 1930 году сменил Триллисера на посту руководителя Иностранного отдела. Он вложил в реорганизацию зарубежных операций отдела всю изобретательность, которой отличались блестяще проведенные операции «Трест» и «Синдикат», одним из главных творцов коих он был. Поэтому, когда дело дошло до подготовки Орлова к первой подпольной операции, Артузов лично добавил рукой мастера последние штрихи к оперативному плану, прежде чем представить его в марте 1933 года Вячеславу Менжинскому, председателю ОГПУ.

Содержание плана было настолько секретным, что Артузов принял чрезвычайные меры (даже для такого умеющего хранить тайны учреждения), чтобы ограничить доступ к нему лишь тех лиц, кого это непосредственно касалось. Машинистки и канцелярские работники были исключены. Как показывают документы, оперативные приказы писались в целях безопасности от руки и по причине их секретности не регистрировались. Из-за этого им не присваивался ни официальный архивный номер, ни гриф секретности. Однако заглавие документа говорит само за себя: «Разработка Второго бюро французского генерального штаба и его агенты в СССР».

Главным объектом Орлова был разведотдел, легендарное «Второе бюро». Его задание определялось следующим образом: «Проведение вербовок в его важнейших отделениях». Они были перечислены в порядке приоритетности: северо-восточный отдел, который руководил резидентурами, «непосредственно работающими против СССР и расположенными в прилегающих к Союзу странах», и технический отдел, «где были сосредоточены личные

дела источников»¹⁵. В оперативном плане содержался список членов нелегальной группы Орлова в составе четырех человек под псевдонимами, начиная с его собственного («Швед») и кончая псевдонимом его жены («Жанна»):

1. Резидент – «Швед»
2. Помощник – «Длинный»
3. Связист – «Экспресс»

4. Сотрудник по технике и местной связи – „Жанна“. Их оперативная база, или резидентура, располагалась «в прилегающем к Франции швейцарском городе». Было решено, что до дальнейших указаний Орлов будет выступать в роли американца, намеревающегося пройти курс лечения в одном из санаториев, которыми славился район вокруг Женевского озера. Полагали, что трех месяцев Орлову будет достаточно для «совершенствования английского и французского языков, а также для оформления связиста и семьи»¹⁶. Связь с Центром была организована через шифровальщика советского консульства в Милане, сообщения которому должен был доставлять курьер под псевдонимом «Экспресс».

«Личное фото «Экспресса» посылается в Милан», – объяснялось в оперативном плане Орлова. «Для наших сношений шифровальщик в Милане снабжается особым шифром, – указывалось там. – Для экстраординарных случаев, не могущих быть предвиденными (заболевание «Экспресса», провал его и т. п.), явкой к шифровальщику будут пароль «Я к вам с приветом от Владимира Федотова» и предъявление ассигнации однодолларового достоинства № А 60884782Д»¹⁷. Вена назначалась запасным пунктом связи, пароль был тот же, но предъявлялась другая банкнота – № Х 25782760В.

Орлов должен был иметь как свой подлинный американский паспорт на имя Уильяма Голдина, так и австрийский – на имя Лео Фельдбина. Хотя направление «нелегалов» за границу с семьями было явлением необычным, для жены Орлова было сделано исключение из-за больной дочери, а также потому, что Мария была членом группы. Она с Верой путешествовала по австрийскому паспорту на имя Маргариты Фельдбин. «Экспресс» должен был воспользоваться американским паспортом на имя Арнольда Финкельберга, а помогать ему должен был бывший электромонтер по лифтам с Лубянки Александр Коротков. Для своего первого оперативного задания он получил псевдоним «Длинный» и уже находился в пути, направляясь в Швейцарию. Для избежания строгого паспортного контроля на пограничных железнодорожных станциях планировалось, что курьеры воспользуются специальными туристскими билетами, которые избавляли от необходимости проходить такие проверки. Это помогло бы также сократить стоимость операции, поскольку на общие расходы нелегальной группы Орлова, названной «Экспресс» по имени курьера, было ассигновано всего 1500 долларов в месяц.

Внедрение группы «Экспресс» во «Второе бюро» планировалось осуществить с помощью бывшего работника французского генштаба, который отличался огненно-рыжей бородой. Ему был присвоен псевдоним «Каду», Орлов называл его не иначе как «Рыжая борода». Он был завербован в 1932 году другим советским нелегалом, работавшим во Франции, Теодором Малли. «Каду» утверждал, что с помощью одного унтер-офицера по фамилии Лагранж начальник «Второго бюро» был у него «в кармане». Как показал Орлов в ЦРУ в 1965 году, он узнал в Москве, что Пагранж написал для своего начальника несколько компрометирующих писем и устроил так, чтобы они вместе с другой разоблачительной корреспонденцией попали в Москву. Однако «Рыжая борода», по-видимому, стал слишком самоуверенным и оступился. Ему угрожало разоблачение в декабре 1932 года, и тогда Центр приказал тайно вывести его из Франции в Москву, где он продолжал быть ценным источником информации¹⁸.

С выходом из игры «Каду» резко сократился поток ценной развединформации в Москву из самого сердца французского генштаба. Однако он оставил там своего коллегу, который, как он заверил Центр, «с готовностью поможет» советской разведке, если удастся установить с ним контакт. Французский перебежчик дал его подробное описание, привлекая особое внимание к его заметной хромоте. Имя этого сотрудника также было известно, но у «Каду» не было ни его адреса, ни каких-либо других данных. В ожидании сотрудничества со стороны этого сочувствующего француза Орлов присвоил ему псевдоним «Приятель», который употреблял в своих секретных отчетах Московскому центру.

Для ведения операции «Экспресс» Орлов под именем Уильяма Голдина должен был въехать во Францию по полученному незаконным путем американскому паспорту. Этот подлинный документ выдержал бы самую придирчивую проверку, тогда как о самом Орлове этого сказать было нельзя. Его слишком хорошо знали в русских эмигрантских кругах в Париже благодаря контактам, установленным в период работы там в 1926–1928 годах в качестве сотрудника советского торгпредства. Именно по этой причине в качестве базы для его подпольной группы была выбрана Швейцария. Но прежде чем взять на себя роль переезжающего из страны в страну американского бизнесмена, Орлову пришлось подучить английский и французский языки. Поэтому в конце весны 1933 года он отправился в Вену, где большую часть времени посвящал «шлифовке» английского языка. Он брал частные уроки у одного английского профессора, с которым у него в дальнейшем пересеклись дороги с самыми неприятными последствиями. Этому англичанину Орлов представился как русский, проживающий в Австрии по советскому паспорту на имя Льва Николаева в пансионе «Шлосс» по адресу Гаупштрассе, 27, в пригороде Вены Гинтербрюль. 13 июня 1933 г., завершив курс изучения языка, он отправил шифротелеграмму Артузову: «1 июля перехожу на новое положение и выезжаю на место работы. Швед»¹⁹.

27 июня Орлов выехал в Прагу в сопровождении «Экспресса». Там он и его курьер забрали свои новые «книжки», как назывались иностранные паспорта на тогдашнем жаргоне в советской разведслужбе. Это было обычной практикой. Нелегальный оперативник никогда не отправлялся прямо в то государство, в котором ему предстояло работать, но ехал в какую-нибудь промежуточную страну либо по своему русскому паспорту, либо по временному иностранному, который не считался достаточно безопасным для постоянного проживания. Там он забирал новый паспорт, который пересылался в эту страну дипломатической почтой на адрес советского посольства. Именно в промежуточной стране происходило «полное перевоплощение» агента. Орлов описывал этот процесс таким образом: «Он стряхивает с себя старую личину, замечает все возможные следы, берет фальшивый паспорт и становится новым человеком». Оттуда он «пускался в плавание», направляясь в страну своего назначения²⁰.

Перевосплощение Орлова в Уильяма Голдина, гражданина США, произошло в Праге. Затем он выехал в Женеву через Берлин, где встретился с одним немцем, пользовавшимся псевдонимом «Шталь», который был агентом местной резидентуры НКВД. Орлов обнаружил, что «Шталь» жаждет уехать из Германии. Будучи евреем, он считал, что теперь, когда к власти пришли нацисты, ему будет все труднее: он находился в определенной опасности, возникшей из-за той роли, которую сыграл в успешной операции, когда удалось раздобыть секрет процесса изготовления промышленных алмазов. Роль «Шталя», как одного из промежуточных звеньев в этом деле, повлекла за собой полицейское расследование. Он заверил Орлова, что не намерен покориться нацистскому правосудию. «Шталь» сказал, что в ближайшее время уедет в Париж, и предложил свои услуги, заверив, что получил ценную разведывательную информацию. Орлов сообщил в Центр, что «Шталь» «через своего старого

знакомому Рыбникова, владельца книжного магазина в Париже на улице Ланжер, 3, нащупал одного офицера якобы северо-восточного отдела французского генштаба»²¹.

Орлов явно не доверял ни «Шталю», ни его информации, однако он не мог позволить себе отвергнуть его предложение «дать наводку». С одной стороны, Орлова, как офицера разведки, получившего определенное задание, несомненно, искушала возможность вступить в контакт с источником, который, возможно, привел бы его к цели; тогда как, с другой стороны, у него были веские основания не доверять «Шталю». Вдобавок к тому, что он потребовал крупное вознаграждение, агент имел дурную репутацию у своего курирующего офицера в Берлине. Об этом Орлов упомянул в сообщении Центру:

«Что касается использования «Шталя» вообще, то я должен под влиянием некоторых обстоятельств отметить, что, если бы я располагал хотя бы одним вербовщиком (или настоящим местным человеком), я бы от него отказался. Обстоятельства заключаются в необычайной озлобленности (открыто выразившейся при нашей последней встрече) против товарищей, которые им руководили»²².

Взвесив все «за» и «против» относительно использования «Шталя», Орлов преодолел свои сомнения, решив, что важность задания перевешивает его личные колебания и оправдывает использование агента. Поэтому он назначил на 10 июля встречу с ним в Париже, оставив время для организации оперативной базы в Женеве, как это предусматривалось. Именно об этом решении ему пришлось пожалеть, когда несколько месяцев спустя стал понятен подлинный характер игры, которую вел «Шталь».

По прибытии в Париж Орлов почувствовал все отрицательные стороны того, что он пять лет назад работал в этом городе на легальном положении. Эпизод, рассказанный без указания имен в «Пособии», показывает, как ему пришлось на горьком опыте убедиться, что в городе произошли неизбежные изменения, которые он не учел, – например, закрытие его любимого ресторанчика. Там повествуется о том, как один советский офицер разведки договорился с Москвой, чтобы оттуда телеграфировали другому резиденту и назначили ему встречу в ресторанчике Дюваля. Когда он пришел на встречу, оказалось, что на том месте, где некогда находилось это заведение на улице Мадлен, размещалась выставка-продажа пианино. В результате расспроса первого встречного полицейского обнаружилось, что ресторан был закрыт много месяцев назад.

«Удивительно, – сказал полицейский советскому офицеру. – Вы уже второй турист за последние пять минут, который расспрашивает меня об этом заведении». И он указал на человека, пришедшего на встречу, который читал театральную афишу всего в десяти шагах от них»²³.

В первом сообщении Орлова в Москву из Парижа, по-видимому, описывается похожий случай и обнаруживается растущее беспокойство по поводу надежности агента. В письме говорится, что он не направился прямо на место встречи, а сначала побродил по узким улочкам в округе. Только убедившись, что поблизости нет подозрительных личностей, которые могли бы оказаться французскими полицейскими или сотрудниками контрразведки из «Сюрте женераль», он вошел в кафе и сел за столик. Оттуда он мог наблюдать за противоположной стороной улицы, где, как планировалось, в назначенный час должен был появиться пришедший на встречу агент.

«Шталь», по словам Орлова, появился примерно в назначенное время на указанной стороне улицы, пройдя по ней справа налево, как было сказано в инструкции. Пристально отыскивая глазами какие-либо признаки напряженности в лице или походке «Шталя», Орлов не обнаружил ничего подозрительного. Однако он из предосторожности предпочел выждать еще пару минут и только потом поднялся с места. Убедившись, что за «Шталем» нет наружного наблюдения, он выскользнул из боковой двери пивной и быстро нагнал агента.

«У меня есть кое-что интересное для вас, – заявил «Шталь», по словам Орлова, с несколько преувеличенно важным видом. – Помните, я говорил вам об одном офицере генштаба? Он заходит в библиотеку «Маяк» за советскими журналами и газетами. Сестра владельца библиотеки, Нина Гарницкая, познакомила меня с ним»²⁴.

По предложению Орлова они пересекли улицу и зашли в другое кафе неподалеку, чтобы продолжить разговор. За стаканом вина «Шталь» объяснил, что «намеченного» объекта звали Владимиром Александровичем Рыковским и что он – бывший офицер-белогвардеец. Украинец из Полтавы, ставший французским гражданином, он был, судя по описанию, высоким грузным человеком около 40 лет с крупным крючковатым носом, необычайно маленькими ушами, темными волосами с проседью и небольшой плешью. «Он говорит тихо и медленно, но уверенно, – рассказывал Орлову «Шталь». – Нина сказала мне, что по вторникам и пятницам он заходит в библиотеку за советской военной периодикой и сидит там с 11 утра до часу дня. Я приехал туда в указанное время, и она представила нас друг другу, поскольку я тоже эмигрант»²⁵.

«На каком основании вы решили, что он работает в генеральном штабе?» – спросил Орлов. На это «Шталь», по словам Орлова, ответил, что «все материалы по разведке в Советском Союзе сосредоточены в его руках. Он является связующим звеном между центром французской разведки в СССР и парижским центром, я имею в виду генштабом.

Его начальник – француз в ранге капитана. Он ездит в «роллс-ройсе» и по некоторым признакам живет выше своих средств»²⁶.

«И что, Рыковский действительно рассказал вам все это при первом знакомстве?» – спросил Орлов, получив в ответ: «Не он, а Нина Гарницкая». Библиотекарша, которая, судя по всему, познакомилась с этим чело веком некоторое время назад, сообщила «Шталю», что «Капитан» является частым посетителем ее библиотеки. В подтверждение сказанного «Шталь» протянул Орлову сложенный вдвое клочок бумаги, на котором был написан адрес Рыковского: «Улица Морен, 12, Монжером (под Парижем), телефон 87»²⁷.

«Мне кажется, что такой человек согласится работать только за деньги, хотя с уверенностью пока ничего нельзя сказать», – писал Орлов. Он сообщал также, что предостерег «Шталя» и рекомендовал ему быть осторожным»²⁸.

Орлов обратил внимание на то, что упоминание о деньгах заставило «Шталя» пуститься в пространное объяснение своей настоятельной потребности в денежном авансе. Он сказал, что его собственность в Германии, включая домик в деревне, была конфискована нацистами и что он вынужден покрывать огромные расходы в связи с обустройством нового дома в Париже. В заключение он разразился страстным монологом, утверждая, что занял крупные суммы, чтобы откупиться от тех, кто знал о его связи с Москвой, и что «в противном случае они бы продали меня со всеми потрохами»²⁹.

Несмотря на сильное подозрение, что его агент, возможно, плачется о своей тяжелой судьбе, чтобы вытянуть деньги, Орлов решил, что у него в данных обстоятельствах нет иного выбора, кроме как передать ему приготовленный конверт. В нем находилась увесистая пачка французских банкнот, составлявших значительную часть той суммы в 1500 долларов, которая была предназначена на финансирование операций за текущий месяц. Подозрения Орлова относительно «Шталя», возникшие после первой встречи, были настолько велики, что заставили его предпринять дальнюю поездку в Милан в предусмотренный пункт связи. Он передал подробное сообщение о своих опасениях относительно «Шталя», попросив сообщить ему все, что Центру известно о человеке по фамилии Рыковский»³⁰.

Возвратившись в Париж и придя на вторую встречу со своим агентом, Орлов узнал, что «Шталь» говорил с Рыковским от имени «одного своего друга», который якобы был видным нацистом и хотел получать информацию об СССР от французоз. Рыковский не мог сразу же

помочь ему, однако, по мнению «Шталя», его реакция была многообещающей. Он сообщил также, что получил внештатную работу от генштаба, которая заключалась в тщательном просмотре объявлений, публикуемых в советской печати, которые, как предполагалось, могли содержать зашифрованные сообщения. «Шталь» пустился в многословные заверения, что, по его мнению, Рыковский может стать очень ценным советским источником, и снова попросил Орлова дать ему еще денег. На следующей встрече, которая состоялась через несколько недель, «Шталь» заявил, что Рыковский уже готов поставлять французские документы, но что он настойчиво требует взамен информацию о Советском Союзе, которой располагает Германия. И снова «Шталь» потребовал дополнительную крупную сумму за услуги³¹.

Подозрение, что «Шталь» водит его за нос, подтверждалось, однако Орлов признавался Центру, что он все еще не решается пойти на разрыв с агентом, потому что с начала операции прошло почти два месяца, а его поиски «Приятеля», как средства внедрения во французский генштаб, продвигались черепашьям шагом. Пока он не получит из Москвы запрошенную им информацию о Рыковском, ему не хотелось бы рисковать разрывом со своим жадным агентом, который, тем не менее, был единственной нитью, способной, возможно, привести к цели. Он, однако, открыто высказал беспокойство по поводу отсутствия у него прогресса в операции «Экспресс».

Отчет, направленный Орловым в Москву 5 сентября 1933 г., дает яркую картину всего многообразия проблем, с которыми сталкивались советские «нелегалы», действовавшие на территории противника, и отражает методику и жаргон того времени. Содержание документа выходило за пределы того, что когда-либо допускал Орлов – осторожный оперативник НКВД – в смысле критики своих вышестоящих начальников. В нем указывалось, что он близок к тому, чтобы отказаться от выполнения задания. В отчете пояснялось, что его группе необходимы услуги француза, чтобы вербовать местных агентов, «для развода», как выразился Орлов, и чтобы подвинуться с мертвой точки в этой сложной операции внедрения. Он писал в Центр:

«Кроме «Шталя» – человека неопытного в моей новой области, чужого в данной стране, я не получил для развода хотя бы одного подлинного француза, через которого я мог бы ориентироваться, прощупывать новые знакомства, не запугивая людей с первого же момента иностранным подданством и внешностью. Не имея такого человека, мне на первых порах приходится самому выполнять роль тайного агента, но значительно хуже среднего француза, т. к. а) я иностранец во Франции, и б) «фирмы» (прикрытия) не имею. Сделок я ни с кем не заключаю. Я на положении американца, «предпочитающего отдых в Европе потере денег под ударами американского кризиса» и только.

Я пытался сойтись с некоторыми людьми. Удачи не было. Познакомился с одним дипломатическим работником – немцем в Лиге Наций, Хенслером. Он дать ничего не может. Познакомился с женой парижского архитектора Альтмана (муж – сын знаменитого художника). Она была любовницей де Монси четыре года тому назад. Обработать ее легко, но каково ее влияние на де Монси теперь? По всем данным, слабое. Считать же определенным успехом завязку с Рыковским нельзя. Вот почему я считаю своим долгом бить перед вами тревогу уже сейчас, по истечении двух месяцев. Так как мне тяжело тратить валюту при организации дела, не дающего уверенности в успехе, я прошу вас обсудить следующие варианты:

1. Передать: «Экспресса» (хорошего связного, подлинного иностранца); «Длинного» (освоившего языки и умеющего «носить» паспорт), его жену (знающую отлично немецкий и французский языки) –

в уже оправдавшую себя организацию, а меня отозвать обратно; или 2. Подкрепить меня хотя бы одним надежным французом из другой какой-либо нашей группы; или 3. Рискнуть одним мною целиком (обезопасить остальных моих людей) и дать мне человека Малли («Каду»). Он может засыпать, но может и дело сделать; или 4. Резко сократить смету, чтобы в случае неудачи моего предприятия валютные потери не были бы слишком ощутимы.

Любое из ваших решений будет для меня законом.

*Швед*³²

Псевдоним Орлова послужил поводом для того, чтобы товарищи называли его в разговоре «Швед», хотя он никогда не бывал в Швеции и не имел к ней никакого отношения. Ссылка на «человека», завербованного его товарищем «нелегалом» Малли, была принята во внимание Москвой. Когда в начале 1934 года Орлов получил ответ Центра, он узнал, что высокие расходы на операцию не принимались в расчет руководством НКВД, преисполненным решимости усилить на него давление с целью ускорить реализацию плана внедрения во «Второе бюро». Поэтому Центр согласился удовлетворить просьбу о дополнительном помощнике, сообщив Орлову, что его группу решено усилить за счет агента с псевдонимом «Джозеф» вместе с другим французским агентом, доказавшим свою надежность, который значился в досье лишь как В-205³³.

Однако некоторые из полученных сообщений вызывали тревогу: они касались предположительного знакомого «Шталя» из французского генштаба, Рыковского. Центр сообщил, что «его имя неизвестно «Каду». Разведка «Второго бюро» не имеет агентов в Париже (то есть работающих в Париже). Контрразведка «Второго бюро» вообще не имеет агентов, а работает через «Сюрте женераль». Рыковский едва ли является членом персонала «Второго бюро» и уж в любом случае не является офицером»³⁴. В приписке от Малли отмечалось, что, «согласно архивным материалам об английских агентах, в Турции в 1928 году некто Рыковский работал для Кристи по русскому направлению»³⁵. Это привносило дополнительный тревожащий элемент в данную дилемму, поскольку Кристи был офицером МИ-6, возглавлявшим «паспортное бюро посольства Великобритании в Афинах [и] работавшим оттуда на Турцию и СССР»³⁶.

Получив эту тревожную информацию из Москвы, Орлов несколько изменил свой план с учетом двух возможностей. Как он уже сообщал в Центр, или Рыковский был не тем, за кого себя выдавал, и «Шталь» был агентом британской разведслужбы, или «Шталь» выдумал историю о том, что Рыковский является сотрудником французского генштаба, чтобы тянуть из него деньги. Он отложил предполагавшийся откровенный разговор со «Шталем» после того, как агент на очередной встрече ошеломил его сообщением, которое обещало, по-видимому, новый поворот событий. На сей раз «Шталь» объявил, что ему удалось познакомиться с маршалом Петэном, французским героем времен Первой мировой войны, чья упорная оборона Вердена спасла Францию от наступления немцев в 1916 году. Он рассказал Орлову, что «Маршал», как он упоминался в телеграммах НКВД, представил его Пьеру Тетинжеру, представителю правого крыла в палате депутатов, который был редактором газеты «Женесс патриот»³⁷.

Новые знакомства «Шталя» представляли особый интерес для Орлова и для Москвы, поскольку эта группа представителей правого крыла поддерживала яростно антибольшевистские цели широких кругов белоэмиграции в Париже, проникновению в ряды которых была посвящена отдельная советская операция. Операция Центра была направлена против лидеров Русского общевоинского союза, так называемого РОВС, которые составляли ядро

эмигрировавших из страны ветеранов, боровшихся против Красной Армии во время Гражданской войны. После похищения в 1930 году генерала Кутепова среди бела дня с перекрестка парижских улиц его преемник на посту главы РОВС бородатый царский генерал Евгений Миллер стал информатором «Второго бюро».

Он также был главным объектом внимания советской разведки, пока тоже не исчез в результате еще одного сенсационного похищения в 1937 году, организованного НКВД³⁸.

Цепочка знакомств, которые, как утверждал «Шталь», он сумел завязать, представляла большой интерес для Орлова и для Центра, тем более что «Шталь» сообщил, что Тетинджер представил его одному офицеру «Второго бюро» по имени Кюржесс. Последний связал его с одним из своих коллег по имени Жюно, описанным агентом Орлова как «капитан с орденом в петлице». Он не только пообещал «Шталю» помочь получить документы о французском гражданстве, но и заявил, что высказываемые «Шталем» антибольшевистские взгляды и его готовность помочь офицерам, принадлежащим к правому крылу, делают его желанным гостем в секретном офисе «Второго бюро», расположенном поблизости от Люксембургского сада. «Шталь» рассказал Орлову, что он уже побывал не менее десяти раз в этом офисе, секретный вход в который находился в доме № 75 по Университетской улице. Консьерж в этом доме получил указание в любое время пропускать его в кабинет на первом этаже слева от входной двери, небольшое окно которого выходит прямо на улицу³⁹.

Причиной, по которой Орлов сначала поверил «Шталю», была секретная информация, полученная от бывшего офицера французского генштаба, который теперь был консультантом Центра в Москве. Согласно сведениям, полученным от перебежчика «Каду», основная штаб-квартира генштаба находилась в доме 235 по Университетской улице, однако он подтвердил, что у «Второго бюро» самые секретные отделы были расположены на той же улице в доме № 75. Орлов сообщил в Москву, что он намерен использовать эту внутреннюю информацию для проверки «Шталя», согласившись воспользоваться его предложением визуально подтвердить потрясающую удачу, которой агент добился, получив доступ в офисы отдела контрразведки генштаба.

«Сегодня мы со «Шталем» условились, что ровно в четыре часа он изнутри из окна будет глядеть на улицу, – сообщил Орлов Центру в начале января 1934 года. – Время назначено мною. Он ожидает, что я пройду в этот час по улице, чтобы убедиться, что он там. Конечно, пройду не я, но убедиться в его постоянном доступе туда любопытно. Если бы можно было «Шталю» доверять, то его усилия следовало бы расценить положительно. Но у меня имеются доказательства, что самого «Маршала» он не видел (недель 6 тому назад), а видел лишь Миллера, который свел его с домом № 75»⁴⁰.

В назначенный день не Орлов, а «Экспресс», его курьер из «нелегальной» группы, которого «Шталь» не знал, прошел мимо дома № 75 и увидел его выглядывавшего в окно. Теперь, когда он явно получил доказательство того, что германский агент действительно выполнил свои обещания, Орлов был готов поздравить его. Однако от передачи еще одной существенной суммы денег его спасло сообщение Центра, которое в самый последний момент разоблачило ловкий трюк, на который, несмотря на свою проницательность, Орлов чуть было не попался. И в данном случае именно информация, полученная от «Каду», спасла Орлова от того, что могло бы стать самым большим просчетом во всей его карьере. Центр сообщил, что знакомые «Шталя» Жюно и Кюржесс неизвестны «Каду», хотя, как ему кажется, Кюржесс – это, возможно, офицер разведки Колберт Тюржис, который мог, несколько изменив свое имя, использовать его в качестве псевдонима. От того же «Каду» была получена дополнительная неопровержимая информация о внутреннем расположении дома № 75 по Университетской улице, которая представила в совершенно ином свете утверждения «Шталя» о том, что он проник в святая святых «Второго бюро». Судя по описаниям

«Каду», слева от входа находилась маленькая комнатка со столом, за которым консьерж усаживал посетителей для заполнения бланков на предоставление пропуска в здание. В двух метрах от двери этой комнатки находилась большая стеклянная дверь, ведущая в разведывательный отдел.

За нею, если подняться на три ступеньки, пересечь небольшую лестничную площадку и пройти через дверь, расположенную слева, то, опустившись по лестнице, можно было попасть в большую комнату. Именно в этой комнате, по словам «Каду», обычно принимали, а иногда и арестовывали информаторов, которым «Второе бюро» имело основания не доверять⁴¹.

Эта информация заставила Орлова в корне изменить оценку того факта, что «Экспресс» своими глазами видел «Шталя» в окне комнаты, расположенной на нижнем этаже дома № 75. Орлов не забыл также и о том, что «Шталя», несмотря на свои важные новые знакомства во «Втором бюро», никогда больше не упоминал о том, как у него продвигается обработка Рыковского. Он решил, что ему следует прямо указать агенту на несоответствия в его истории, и его решение наконец поговорить начистоту еще более укрепились после получения им сообщений от своих агентов, держащих под тщательным наблюдением вход в дом № 75 в надежде установить контакт с «Приятеlem», хромающим сотрудником. В результате многих недель наблюдения не только не удалось выявить ни одного подобного сотрудника, но и подтвердилось также, что вход в дом № 75 использовался преимущественно гражданским персоналом уборщиков помещений. Хотя «Каду» подтвердил, что секретная дверь соединяла разведывательный отдел со зданием генштаба, она была открыта только в рабочие часы и не использовалась в качестве общего входа. Малли, который пока не мог присоединиться к Орлову в Париже, утверждал, что появление «Шталя» в окне нижнего этажа никак не является доказательством того, что его принимали в разведотделе «Второго бюро»⁴².

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Орлова в отношении «Шталя», было получение им информации о том, что его агент обратился в торговое представительство СССР в Париже с предложением продать «важное изобретение». По словам тайного агента НКВД по имени «Розанн», который работал в сотрудничестве с бывшими коллегами Орлова по торговому представительству, «Шталя» хотел получить крупную сумму денег за секрет превращения обычной бумаги в водонепроницаемую. Орлов сердито сообщил в Москву: «Всю эту историю с торгпредством он затеял за моей спиной, думая, что, поскольку я отрезан от наших официальных организаций, ему удастся тайно от нашего органа втереть очки торгпредству и подзаработать»⁴³.

После такого тревожного разоблачения Орлов решил, что ему не следует больше откладывать окончательный разговор начистоту со «Шталем». Судя по его отчету, он начал с того, что попросил немца описать маршала Петэна. Несмотря на то, что «Шталя» умудрился дать совершенно неправильное описание одного из наиболее известных людей Франции, он еще попытался возражать, заявив, что не имеет никакого значения, видел ли он настоящего человека или «подставу», потому что, по его словам, сам он верил, что это был маршал. Он пытался защитить свою позицию, сказав, что, кем бы ни был этот человек на самом деле, он дал ему возможность проникнуть во «Второе бюро». «Ведь вы видели меня в окне дома № 75, не так ли?»⁴⁴

В ответ на вопрос Орлова о том, чем он, собственно, очаровал дом № 75, «Шталя» заявил, что он дал этой «фирме» два описания очень важных газов, применяемых в военных целях, со знанием дела воспользовавшись термином, которым пользуются сотрудники НКВД. «Когда я спросил, может ли он дать нам копии этих докладов, он ответил, что эти копии лежат у него дома и мы можем получить их в любое время, — сообщал Орлов. — Когда

мы за ними явились, он под всякими глупейшими предложениями их не дал. Таковых, видимо, не существует»⁴⁵.

Понимая, что хитрый «Шталь» пытается увернуться, Орлов сам прибег к блефу. Он заявил, что, как ему стало известно, собственность «Шталя» в Германии не была конфискована нацистами, как он ранее утверждал. Явно потрясенный такой хорошей осведомленностью Орлова, «Шталь» признался, что выдумал историю о конфискации, чтобы ему посочувствовали и возместили ущерб. Признание выявило подлинный характер его намерения обмануть советскую разведслужбу.

Орлов сообщил о результатах в Московский центр и рекомендовал «ликвидацию» «Шталя». В этом контексте данный термин означал скорее прекращение всех связей, а не физическое уничтожение, для обозначения которого в то время применяли термин «расчет», означавший устранение агента, обманувшего НКВД⁴⁶. Москва без промедления дала согласие.

Избавив свою группу от агента-двурушника, Орлов преисполнился решимости наверстать потерянное время, удвоив усилия группы по отысканию путей внедрения во «Второе бюро». «Получив, наконец, от вас в последнем письме подтверждение наших донесений, что № 75 изолирован от учреждения, мы перешли к детальному наблюдению за парадным входом главной аллеи, – сообщил Орлов в Москву в начале 1934 года. – За последние десять дней мы установили адреса двух хромых, однако проверка их фамилий на табличках квартир показала, что это не „Приятель“»⁴⁷.

Поскольку «Шталь» неоднократно вводил в заблуждение Орлова, было маловероятно, чтобы он продолжил поиск сочувствующего французского офицера, не имея подтверждения из независимого источника. Это было лишь самое начало охоты на хромого. В течение следующих нескольких недель люди Орлова следовали по пятам и проверяли адреса восьмерых хромающих мужчин, выходивших из главного входа здания французского генштаба на Университетской улице. И каждый раз оказывалось, что они шли по ложному следу. Наблюдение за зданием штаба навело Орлова на новую мысль, когда его люди узнали, что среди персонала много молодых женщин.

А почему бы, размышлял Орлов, не поискать туда дорогу через одну из них? Он кратко изложил свой план в письме в Центр, предложив, чтобы французский агент В-205, который в то время работал под руководством Малли, рекомендовал пару заслуживающих доверия молодых коммунистов, которые могли бы установить контакт с женским секретарским персоналом «Второго бюро».

Москва сначала воспротивилась вовлечению местной компартии в операцию, чтобы это снова не обернулось неприятностями. Тогда Орлов обратился к Центру, напомнив о том, насколько успешно ранее проводилась аналогичная операция. «Меня крайне огорчило ваше запрещение использовать одного или двух молодых французов для обработки сотрудниц, как это было сделано в деле № 238»⁴⁸. Имена тех, кто был вовлечен в дело, не упомянуты в досье Орлова. Такая операция, убеждал Орлов, могла бы закончиться успешно с одной из секретарш «Второго бюро».

«Нам нужны французы», – убеждал он, уточняя, почему считает, что его план даст желаемые результаты. «Я вовсе не имел в виду, чтобы все они были „земляками“», – объяснял Орлов, стараясь нейтрализовать вопрос об использовании членов компартии, заявив, что он лишь хотел, чтобы они рекомендовали заслуживающих доверия и абсолютно надежных французов⁴⁹. Он утверждал, что в существующей политической обстановке, когда во Франции левое крыло конфронтирует с правым, будет сравнительно нетрудно использовать правые настроения тех женщин, которые работают во «Втором бюро». Согласно его плану, этих французов следовало нацелить на отдельных секретарш «фирмы». Один из путей достиже-

ния этой цели заключается в том, чтобы такой человек выступил в роли члена Союза молодых монархистов и, воспользовавшись этим, сыграл на чувствах сторонницы правого крыла, являющейся объектом обработки. Ему следует убедить ее, что «долг каждого роялиста – борьба с социалистической опасностью во французских учреждениях», и нарисовать картину «борьбы не на жизнь, а на смерть против коммунистического зла и особенно против СССР».

Орлов напомнил о недавнем переполохе, вызванном роялистскими демонстрациями на улицах Парижа, и о быстрой смене последних французских правительств перед угрозой фашизма. Такой маневр позволил бы с успехом получать информацию от женщин, которые «не будут запуганы словом „шпионаж“ в пользу другой державы, но которые передавали бы сведения своей же французской партии патриотов»⁵⁰.

На сей раз Центр согласился с планом Орлова, хотя и отказался санкционировать использование французских коммунистов. Имея в своем распоряжении лишь завербованных французов, он был вынужден положиться на агента В-205 в деле обработки выбранных для этой цели сотрудниц секретариата, работавших в генштабе. Как показывают документы, агенту В-205 действительно удалось познакомиться с одной из них достаточно близко, чтобы весной 1934 года начать обработку.

В ожидании того, как развернутся события в связи с основной операцией во Франции, осуществлявшейся под его руководством, Московский центр в декабре 1933 года направил Орлова в Рим⁵¹. Тот факт, что он был секретным агентом, которому поручили контролировать операцию по привлечению одного из членов правительства Муссолини к тайному сотрудничеству с Москвой, свидетельствовал о том, насколько высоко его ценили в Центре. Центр получил сообщение от Бориса Бермана, офицера НКВД, работавшего в Риме под псевдонимом «Ельман», о том, что за соответствующее денежное вознаграждение можно было бы обеспечить услуги в качестве информатора Джузеппе Боттаи, который был видной фигурой в фашистском «Большом совете». Артузов, который в то время возглавлял ИНО, поручил это задание своему верному другу Орлову, поскольку важность потенциального источника сведений требовала, чтобы Сталин был проинформирован об этом лично⁵².

Воспользовавшись своим американским паспортом, Орлов 12 декабря тайно приехал в Рим через Лугано, чтобы лично оценить потенциальный объект вербовки. Возвратившись три дня спустя, он направил Артузову позитивное заключение о вероятном успехе этой операции⁵³. В его «Пособии» содержится рассказ, по-видимому относящийся к личным воспоминаниям, о поездке на уикенд на остров Капри, излюбленное место отдыха людей из римского высшего общества. Гостиница, в которой он остановился, была переполнена, и администратор спросил его, не будет ли он возражать, если за столом будет не один. Его соседом за столом оказался молодой польский дипломат, занимавший пост второго секретаря в посольстве Польши в Вене. У них завязались дружеские отношения, они гуляли, плавали и стали постоянно бывать вместе.

«Конечно, вполне возможно, – вспоминал Орлов, слишком лукаво, чтобы не выдать, что именно о нем шла речь, – что советский разведчик попытался завязать дружбу с польским дипломатом, имея в виду его возможную вербовку в советскую сеть». Однако обработка этого дипломата чуть было не оказалась фатальной для его «прикрытия», когда он неожиданно вновь встретился с ним в самое неподходящее время; Орлова тогда вызвали в Москву для личного доклада об итальянской операции. Чтобы не запачкать свой чистенький американский паспорт подозрительным советским пограничным штампом, Орлов ехал в Москву по своему советскому паспорту. Поэтому он встревожился, встретив польского дипломата, который сел в вагон первого класса «Восточного экспресса» на Силезском вокзале в Берлине, направляясь в Варшаву. Молодой человек обрадовался встрече со своим аме-

риканским другом. Орлов, воспользовавшись своей прежней легендой, быстро сориентировался и объяснил, что едет в Москву, чтобы пересесть там в Транссибирский экспресс до Токио. Орлов понимал, что в целях спасения своего прикрытия ему придется как-то отделаться от восторженного друга до паспортного контроля на польской границе. Это было нелегко сделать в мчавшемся на всех парах поезде, но ему удалось под каким-то предлогом удалиться из ресторана и затаиться в вагоне третьего класса во время стоянки на границе⁵⁴.

Возможно, Орлову и удалось спасти свое прикрытие, необходимое ему для функционирования в качестве парижского подпольного резидента, но итальянская операция сорвалась. После доклада в Москве и получения от Сталина одобрения операции было решено, что вербовку Боттаи, передав ему ассигнованные для этой цели 15 000 долларов в качестве стимула, можно без риска осуществить во время предстоящего визита министра в Германию. Под предлогом официально организованной встречи с Михаилом Любимовым глава советского торгпредства в Берлине передал итальянцу конверт с долларами США в крупных купюрах. «Когда он увидел, что в конверте всего 15 000 долларов, он решил, что будет благоразумнее пойти к Муссолини и рассказать ему обо всем», – вспоминал Орлов в 1957 году, давая свидетельские показания сенату США. Он рассказывал, что когда дуче заявил «неофициальный» протест советскому послу по поводу попытки подкупа его министра, Сталин отреагировал на это характерным для него образом: «Слишком мало денег – в следующий раз нужно попытаться дать 50 000 долларов»⁵⁵.

Вскоре после этого итальянского эпизода Орлов обнаружил то, что на первый взгляд показалось еще одной возможностью проникнуть во «Второе бюро». Поскольку предполагалось, что эта возможность возникла по чистой случайности, подобно многим таким возможностям в разведке, Орлов решил воспользоваться информацией, содержащейся в сообщении Александра Короткова, который поступил в Сорбонну, чтобы прослушать курс антропологии, выдав себя за чехословака по фамилии Районецкий. Заместитель Орлова, псевдоним которого был «Длинный», подружился с одним французским студентом, страстным читателем социалистической газеты «Попюлер», который был, по-видимому, настолько беден, что через некоторое время был вынужден бросить Сорбонну. Месяца три Коротков ничего не слышал о своем друге. Затем он вновь встретился с ним, вероятно, совершенно случайно, когда шел по авеню Оперы. Молодой француз рассказал, что с помощью отца своей невесты получил работу фотографа во «Втором бюро», где делал копии карт и документов, хотя зарабатывал он пока все еще слишком мало, чтобы жениться⁵⁶.

Когда Коротков сообщил Орлову об этой встрече, подумалось, что вербовка французского студента могла бы открыть долгожданный доступ к секретам «Второго бюро». Случайный характер этой связи, казалось, исключал возможность ловушки, и, поскольку инициативу должен был проявить Коротков, было, по-видимому, маловероятно, что этот молодой человек является «подсадной уткой». Поэтому Орлов посоветовал своему помощнику продолжить дружбу. Проверка отца невесты показала, что он действительно является бывшим армейским сержантом, работавшим в военном министерстве заведующим канцелярией. Орлов запросил у Центра разрешение приступить к операции и ускорить вербовку. Он поручил Короткову оплатить покупку обручального кольца для невесты француза и пообещать ссудить деньгами в долг, что дало бы возможность молодой чете вступить в брак⁵⁷.

Орлов самонадеянно ожидал из Москвы «добро» на начало операции, как вдруг один сотрудник «Сюрте женераль», который был советским информатором до предыдущего года, когда он не поладил с «легальной» резидентурой, решил возобновить контакт со своим советским куратором. Будучи начальником отдела по борьбе с наркотиками, он имел доступ к секретным служебным архивам. Это он сообщил советским о продажном министре юстиции и передал полицейские протоколы о похищении Кутепова. А теперь этот информатор

раздобыл еще один материал: «Сюрте женераль» получила от одного своего тайного агента из французской компартии сведения о том, что некий чехословак, проживающий в Париже и обучающийся в Сорбонне, является советским гражданином и агентом НКВД. «Сюрте» поручила одному молодому сотруднику записаться на тот же курс антропологии и познакомиться с подозреваемым советским агентом.

Как только Москва переслала Орлову сообщение «легального» резидента, он в мгновение ока понял, что «Сюрте» осуществляет контрразведывательную операцию. Впоследствии он признал, что она была «блестяще задумана»⁵⁸. Центр распорядился прекратить вербовку француза и временно выслать Короткова из страны. Как оказалось впоследствии, операция с целью избежания хитроумно расставленной ловушки стала последним делом Орлова во Франции в качестве «нелегала». Судьба, вмешавшись в ход событий, не позволила ему пробыть в Париже достаточно долго для выполнения задания по внедрению во «Второе бюро» французского генштаба.

Однажды солнечным апрельским днем 1934 года, когда Орлов шел по одной из оживленных парижских улиц, кто-то сзади громко окликнул его: «Лева!» Сопrotивляясь естественному побуждению обернуться и посмотреть, кто окликает его как Льва Николаева (имя, которое он использовал шесть лет назад, работая в советском торговом представительстве), Орлов ускорил шаги. Как Уильям Голдин, гражданин США, он не должен был обратить внимание на этот оклик. Он надеялся, что поскольку в Париже есть множество русских эмигрантов по имени Лев, то окликнувший его человек ошибся. Однако минуту спустя рука, опустившаяся на плечо, заставила его в смятении замереть, когда, обернувшись, он понял, что человек этот не ошибся⁵⁹.

«Лев, постой, ты что же, не узнаешь старых друзей?»

— спросил неряшливо одетый человек вызывающим тоном. Остановивший его мужчина не был незнакомцем: это был бывший коллега по фамилии Верник, который работал с ним вместе в торгпредстве шесть лет назад, когда Орлов использовал эту организацию в качестве «крыши» в своей «легальной» работе.

Орлов сообщил, что признал знакомство после того, как Верник назвал себя. Тот сообщил, что оставил работу в торгпредстве, чтобы навсегда поселиться в Париже. Он подтвердил то, что Орлову уже было известно: его бывший коллега, бежавший в конце 20-х годов, был заклеен московскими властями как невозвращенец. Глядя на потрепанную одежду и преждевременно постаревшее небритое лицо, Орлов понял, что жизнь Верника не баловала с тех пор, как он покинул свою работу.

«Может быть, по старой дружбе угостишь меня стаканчиком вина и мы поболтаем», — предложил Верник с надеждой в голосе. Оказавшись в затруднительном положении, из которого, как он понимал, будет не так просто выбраться, Орлов согласился⁶⁰.

Пока они шли к ближайшему кафе, Орлов посчитал, что вряд ли Верник знает о его нелегальном проживании во Франции под видом американца. Возможно, он думал, что Николаев все еще официально числится работником торгпредства. Этой линии и придерживался Орлов во время двадцатиминутного натянутого и трудного разговора, в ходе которого Верник жаловался на свою жизнь. Теперь, по его словам, он убедился, что совершил ошибку, порвав с Советским Союзом, и умолял Орлова помочь ему вернуться на Родину и устроиться там на работу. Чтобы поскорее отделаться от старого знакомого, Орлов пообещал помочь ему. Затем он распрощался, сославшись на неотложное деловое свидание.

Спеша уйти подальше от этого знакомого, Орлов понял, что его работе в качестве «нелегала» во Франции нанесен смертельный удар. Он знал, что побег Верника не мог не привлечь внимания «Сюрте» и что он, вероятнее всего, стал информатором. Следовало, не теряя времени, укладывать чемоданы и уезжать из Парижа. Связавшись со своим заместите-

лем Коротковым, только что возвратившимся в Париж, Орлов уехал в Швейцарию, поручив ему отправить в Москву срочное сообщение такого содержания: «„Швед“ случайно встретился с Верником, собутыльником Юрки Праслова. Он расспрашивал «Шведа», где и что делает «Швед». «Швед» решил на некоторое время уехать из Парижа и посмотреть, как развернутся события».

Сообщения, полученные Москвой из советского торгпредства, были неутешительными. Когда Орлов не позвонил Вернику, как обещал, последний предпринял отчаянные попытки разыскать его, призвав на помощь других советских перебежчиков, и, наконец, даже позвонил в торговое представительство и стал расспрашивать о Николаеве сотрудников, которые были некогда его товарищами по работе. Когда о настойчивости Верника стало известно в Центре, там было решено, что Орлову следует покинуть свою резидентуру. Тем временем, пробыв несколько недель в Швейцарии, он вернулся в Париж в надежде, что его случайная встреча с Верником останется без последствий. Эта надежда не оправдалась, и, смирившись с судьбой, Орлов стал готовиться снова покинуть Францию. 8 мая 1934 г. он отправил в Москву по условленному для чрезвычайных случаев каналу послание следующего содержания: «Сегодня во исполнение вашего указания уезжаю в Швейцарию. „Швед“». Таким образом, не Орлову, а его преемнику выпала честь вербовки «Приятеля».

Из Швейцарии Орлов перебрался в Вену, где его ожидало новое назначение. Он получил приказ переехать из Австрии в Лондон с очередным заданием. Это назначение явилось как бы компенсацией за его невезение в Париже.

В Англии открывалась новая страница оперативной деятельности Орлова (до последнего времени неизвестной), которая, как показывают архивные документы НКВД, ознаменовала вершину успеха его работы в советской разведке.

Глава 6

«Первый человек»

По прибытии в Вену после поспешного отъезда из Парижа Орлов узнал, что его следующее задание – принять руководство группой «нелегалов» в Англии. В архивах НКВД хранится копия письма от 19 июня 1934 г., направленного Центром в Австрию через три дня после его прибытия в столицу.

«За истекшие два месяца, – сообщалось Орлову, – мы получили от «Марра» два письма тайнописью, которые проявлению не поддались»¹. Одним из первых заданий Орлова стало установление более надежного способа связи с Центром. Написание сообщений симпатическими чернилами между строк самого обычного письма, отправляемого по почте, было методом, которым предпочитал пользоваться Игнатий Рейф, с начала 1934 года возглавлявший резидентуру НКВД в Лондоне. Рейф был русским «нелегалом», которого не следует путать с его более широко известным товарищем Игнацием Рейссом, другим советским «нелегалом» польского происхождения, убитым в Швейцарии в 1937 году после того, как он порвал с НКВД в Бельгии. Псевдоним «Марр» был присвоен Рейфу перед тем, как он прибыл в Англию в апреле 1934 года. Насколько можно было установить, МИ-5 так никогда и не удалось раскрыть его как «нелегального» руководителя советской разведки в Великобритании.

Рейф под именем Макс Волиш въехал в Англию 15 апреля 1934 г. по австрийскому паспорту за № 468302, выданному в Вене в 1933 году. На фотографии его регистрационного удостоверения личности, выданного иностранцу в полицейском участке на Боу-стрит, изображен круглолицый человек в очках с умными глазами школьного учителя. В сведениях о себе он указывал, что является коммерческим представителем, ведущим деловые операции со скандинавскими странами. Это было нужно для того, чтобы объяснить частые поездки из Лондона в Копенгаген, который служил Рейфу и курьерам НКВД из Англии базой связи с Москвой, расположенной за пределами досягаемости бдительного ока МИ-5. Он указывал свой адрес: Тальботсквер, 17, Гайд-парк, откуда можно было быстрым шагом за 10 минут дойти до посольства СССР на Кенсингтон-Палас-Гарденз².

Инструкции, полученные Орловым, знаменовали сдвиг в политике Центра в отношении лондонской резидентуры. Он должен был взять на себя прямое руководство нелегальной группой и в качестве резидента отчитываться непосредственно перед Москвой. Первоначально полученные указания предписывали ему организовать для себя базу в Копенгагене, откуда, как предусматривалось, он будет руководить не только сетью в Великобритании, но и операциями в государствах Балтики, с территории которых британская разведслужба контролировала работу своих агентов, действующих в СССР³. Однако еще до того, как Орлов в первый раз прибыл в Англию через Стокгольм, сойдя на берег в порту Гарвич 15 июля 1934 г., начали возникать трудности с осуществлением руководства из Дании деятельностью «нелегальных» сетей в Великобритании. Немалую трудность представляло начало в Англии новой операции, предусмотренной в седьмом пункте письма с инструкциями Орлову. В нем сообщалось, что группа Рейфа только что завербовала еще одного британского агента.

«К моменту отправки вам письма, – сообщал Центр, – мы получили от «Марра», который в данное время находится в Копенгагене, следующую телеграфную информацию: „Группой завербован сын англоагента Филби, советника ибн-Сауда“»⁴. Гарри Сент-Джон Бриджер Филби, которого близкие друзья называли Джеком, бывший советник британского правительства, являлся одним из известных арабистов тех дней. Перспектива ввести его

сына в агентурную сеть немедленно заставила руководство НКВД уделить особое внимание операции по вербовке, причем не только потому, что его отец являлся в то время советником короля Саудовской Аравии. Руководство ошибочно полагало, что он, по-видимому, является также агентом Британской секретной разведслужбы. На самом же деле Филби-старший был уволен из Министерства по делам колоний в 1924 году за «разногласия» с правительством, как об этом говорилось в конфиденциальном отчете МИ-5, где указывалось, что он «неоднократно проявлял демонстративное неподчинение официальной политике»⁵.

Сент-Джон Филби, сын цейлонского чайного плантатора, был по натуре большим оригиналом. Через всю жизнь он пронес любовь к Аравии, послужившую причиной глубокой личной неприязни к действиям британского правительства. В конечном счете это привело его к отказу от христианской религии и переходу в мусульманство, и он, приняв имя Абдулла, взял в качестве второй жены саудовскую девушку-рабыню. Сент-Джон Филби никогда не скрывал от сына своего презрения к британскому правящему классу и демонстративного отказа от его манерных принципов, когда они вступали в противоречие с его личным высшим предназначением. Парадокс двойственной лояльности отца, как об этом говорится в архивных документах НКВД, был унаследован сыном, который к двадцати годам уже был полон решимости следовать фамильной традиции двойственности.

Гарольд Адриан Расселл Филби родился в Амбале (провинция Пенджаб), в первый день нового 1912 года, когда его отец служил в Индии. Его прозвали Ким в честь бойкого мальчишки, выросшего среди индийцев, который был героем рассказа Редьярда Киплинга о беззаветном храбреце-шпионе того же имени, и Филби-младшему суждено было стать подражанием книжному герою. Его детство прошло в атмосфере обожания знаменитого отца, который чаще всего был в отъезде, исследуя пустынную часть Аравии. Одержимости отца чуждыми, но привлекательными прелестями ислама будет соответствовать страстное увлечение его сына коммунизмом, что явилось кульминационным пунктом его политического неповиновения, возникшего и окрепшего во время обучения в «альма матер» отца – Вестминстерской частной школе и в Тринити-колледже в Кембридже.

Ким Филби бросился в объятия коммунизма, подобно многим людям его поколения, отнюдь не по причине нищеты или социальных лишений. Он происходил из привилегированных слоев и получил образование в заведении для британского правящего класса, и это на всю жизнь наложило на него отпечаток. Хотя молодой Филби воспринял чуждую политическую философию, он, подобно своему отцу, который сохранил членство в лондонских клубах, никогда не отрекался от элементарных удобств. Будучи в отставке в Москве, он признавался, что тоскует по удобствам жизни английского джентльмена – глубоким кожаным креслам клубов на Пэлл-Мэлл, по горчице Колмана и ворчестерскому соусу, – и с каким-то религиозным рвением регулярно разгадывал кроссворды в «Таймс», который приходил к нему с однодневным опозданием⁶.

Загадочность появления коммунистического мировоззрения у Кима Филби тем более возбуждает любопытство, когда в архивах бывшего КГБ раскрываются подробные сведения о подлинном механизме, с помощью которого советской разведслужбе удалось завербовать столь лояльного человека. Процесс превращения его и других отпрысков представителей британских правящих кругов в тайных советских агентов, чьи имена стали синонимами предательства, был предметом удивления, исследования и размышления после 23 января 1963 г. В ту ночь Филби исчез из Ливана, не появившись в британском посольстве в Бейруте. Он работал в качестве корреспондента лондонской газеты «Обсервер». Эта работа, по слухам, служила ему прикрытием для продолжения его деятельности в качестве агента МИ-6, как называлась в просторечии Британская секретная разведслужба (СИС) еще до Первой мировой войны, пока она не перешла под контроль Министерства иностранных дел.

Предательство Филби⁷ и потрясающий размах обмана им бывших коллег из британской и американской разведок вызвали шок шесть месяцев спустя, когда он объявился в Москве и предал гласности свое тайное прошлое, признавшись, что стал советским агентом задолго до того, как начал работать в МИ-6 во время Второй мировой войны. Имиджу хваленной СИС был нанесен еще один удар, когда оказалось, что решению Филби сбежать в Москву способствовало запутанное поручение, данное Николасу Эллиоту, прибывшему в Бейрут, чтобы добиться от Филби признания своей виновности, организовать его возвращение и даровать ему свободу от преследования в обмен на полное и строго конфиденциальное признание. Ущерб, причиненный Филби своей стране, а косвенно и операциям «холодной войны», которые проводило ЦРУ, связанное с СИС особыми отношениями, был беспрецедентным.

Карьера Филби в МИ-6, сделанная в военное время, вывела его в верхние эшелоны британской разведки. Кульминацией было назначение в качестве руководителя ее антисоветских операций в созданной после войны секции IX. Полагали, что его постепенно готовили к тому, чтобы он возглавил всю организацию. Это мнение получило подкрепление в 1949 году, когда он был назначен офицером связи^{*} в Вашингтон. Это было большим продвижением по службе, которому в 1951 году воспрепятствовало только бегство в СССР его двух друзей по Кембриджу.

К смущению британцев, именно американцы заняли жесткую позицию, когда возникли подозрения по поводу связей Филби с дипломатами Бёрджессом и Маклейном. В мае 1951 года оба они бежали в Москву, получив сигнал, что МИ-5 берет Маклейна «под колпак». Результаты расследований, проведенных ФБР и ЦРУ, указывали на Филби как на человека, пославшего этот сигнал, и Вашингтон потребовал его отзыва по подозрению в том, что он якобы был «третьим человеком» в кембриджской шпионской группе. Отсутствие конкретных доказательств и его полнейшее хладнокровие дали Филби возможность пройти через все допросы в МИ-5. Однако он не смог рассеять облако косвенных подозрений, что лишало его возможности официально продолжать работу в СИС. С помощью влиятельных друзей Филби вернулся в журналистику и в 1955 году с удовлетворением получил публичную реабилитацию от премьер-министра Гарольда Макмиллана, опровергшего в парламентском заявлении, что этот бывший высокопоставленный офицер МИ-6 был «третьим человеком».

Официальное подтверждение доверия к Филби разлетелось в пух и прах после его бегства в 1963 году. В течение последующих шестнадцати лет продолжали множиться слухи о том, что завербованные Кремлем британские «кроты» окопались в высших эшелонах британской разведки и дипломатической службы. Потрясающие масштабы одной из самых успешных операций внедрения в истории шпионажа (#Между СИС и ЦРУ. (Прим. ред.)) стали известны в 1979 году, когда премьер-министр Маргарет Тэтчер подтвердила существование еще одного агента советской кембриджской сети. Детонатором, вызвавшим взрыв этой бомбы, послужила появившаяся в полном пренебрежении к английскому закону о диффамации публикация книги под заголовком «The Climate of Treason» уважаемого журналиста, сотрудника Би-би-си, Эндрю Бойла⁸.

«Четвертый человек» – так весьма уместно было озаглавлено американское издание книги Бойла. Там упоминалось о шпионе в Букингемском дворце, для конспирации названном «Морис». Его имя было обнародовано в парламенте как сэр Энтони Блант, один из самых уважаемых в Англии историков-искусствоведов, советник королевы и бывший хранитель Королевской картинной галереи. Лишенный дворянского звания под натиском гнева общественности, Блант, как выяснилось, сделал признание вскоре после бегства Филби в обмен на негласное обещание свободы от преследования. Он тоже был выпускником Кембриджа

и сообщил, что был завербован и стал работать на советскую разведку еще до того, как во время войны начал свою деятельность в МИ-5. Разоблачение Бланта обнажило лицемерие кодекса самосохранения британской правящей верхушки. Это вызвало поток заявлений, утверждающих, что другие советские «кроты» извлекли выгоду из нежелания официальных кругов раскрыть подлинные масштабы использования агентами Кремля в своих интересах системы классовых привилегий, на которой зиждется так называемый «британский истэблшмент».

Многих из видных современников Филби, Маклейна, Бёрджесса и Бланта, учившихся в Кембридже и Оксфорде, которые попали под влияние учения Маркса в 30-х годах, стали подозревать в том, что они, возможно, тоже продали свою страну Москве. Убеждение, что среди англичан существуют десятки сталинских агентов, которых еще предстоит разоблачить, подогревалось также популярными вымышленными шпионскими историями времен «холодной войны» писателя Джона Ле Карре. «Охота на кротов» стала прибыльным промыслом британских журналистов и писателей, наживавшихся на пристрастии публики к шпионским историям. Искоренение отступников из высшего класса, которыми руководили советские вдохновители, могущие послужить прототипом героя Ле Карре по имени Карл, делало, с одной стороны, еще более зловещей репутацию КГБ, а с другой – удовлетворяло национальную психологическую потребность найти козла отпущения, предательством которого можно было бы объяснить быстрый послевоенный упадок Великобритании. В 1987 году британское правительство попыталось заткнуть рот бывшему «главному охотнику на кротов» из МИ-5 Питеру Райту с целью предотвращения публикации его книги «Spycatcher», но свидетельства автора дали дополнительные основания думать о том, что советская разведка завербовала целый легион молодых честолюбивых англичан, готовых предать свою страну⁹.

«Было бы просто неправильно утверждать, что степень внедрения исследована досконально», – заявил Райт в подтверждение своего данного под присягой показания. Он утверждал, что пока наружу показалась лишь самая вершина огромного айсберга советского внедрения¹⁰. Несмотря на неоднократные официальные опровержения, отказ британского правительства открыть для публики какие-либо документы о расследованиях МИ-5 в ходе длительных и в конечном счете бесполезных попыток заставить Райта в Австралии и Европейском суде дать официальную клятву о неразглашении тайны лишь способствовал дальнейшему нагромождению домыслов в печати. Если бы Орлов все еще был жив, то, судя по его досье, хранящемуся в архивах КГБ, он бы, несомненно, получил удовольствие от того шума, который поднялся вокруг операции, организованной им еще пятьдесят лет назад. Как ни парадоксально, но когда величественное гранитное здание Советского Союза начало разрушаться под воздействием оттепели, вызванной провозглашенной президентом Горбачевым гласностью, британское правительство укрылось за архаичными барьерами Закона о государственных тайнах, в который были внесены поправки, еще более затруднившие журналистам или парламентариям поиск правды в делах, связанных с разведкой.

Филби не мог не обратить внимание на иронию всей ситуации, читая свой номер «Таймс» в Москве. В 1986 году его руководители из КГБ восприняли это как сигнал для заключительного подъема занавеса, чтобы привлечь к нему внимание и воздать должное его достижениям. С явным удовольствием Филби начал раздувать огоньки домыслов, предоставив одному британскому журналисту эксклюзивное право взять у него интервью в относительной роскоши его большой московской квартиры, библиотека которой, насчитывающая 12 000 томов, не дала бы сгореть со стыда даже хозяину апартаментов на Пятой авеню. В духе новой советской «открытости» английский разведчик-ветеран сталинской эпохи позировал на фотографии не в форме, а в спортивных кедах и кашемировом светло-голубом свитере, украшенном монограммой. С благожелательной улыбкой для камеры он вызывающе держал в руках экземпляр книги «Spycatcher», все еще запрещенной на его родине.

Филби воспользовался случаем, чтобы заявить о своей непоколебимой преданности коммунизму и о том, что он «не испытывает сожалений» и «сделал бы это снова». В подтверждение своих слов он достал поднос, наполненный медалями стран Восточного блока, выделив из них орден Ленина, который, по его словам, был равен одному из высших британских рыцарских орденов. «Моя лояльность была всегда обращена в одну сторону – к КГБ», – заверил Филби, выразив уверенность в том, что история докажет его правоту. «Я хочу, чтобы мои кости покоились там, где находилась моя работа»¹¹, – сказал он в заключение. Этому желанию суждено было сбыться три месяца спустя, после его смерти от сердечной недостаточности, последовавшей 11 мая 1988 г. Тело Филби, выставленное для торжественного прощания в мрачном мраморном фойе клуба КГБ, было захоронено на Кунцевском кладбище в Москве под гранитной плитой, украшенной единственной золотой звездой. В некрологах, появившихся в советской печати, воздавалось должное его многолетней «исключительно деликатной работе», а о его «героических» делах, которые старательно избегали конкретизировать, было сказано лишь, что они были «многообразными и глобальными по своему географическому охвату»¹². Ни некрологи, ни сам Филби не пролили на основные загадки его продолжительной карьеры большего света, чем ему было разрешено КГБ в опубликованной автобиографии. Читателям лондонской «Синди Таймс» в 1988 году удалось узнать из его последнего интервью скорее о его все еще сильной привязанности к стилю жизни английского джентльмена, чем о героических делах, которые он совершил для советской разведслужбы. Он до конца отказывался сообщать подробности о своей вербовке или о работе под тем предлогом, что обязан молчать об «оперативных секретах КГБ»¹³.

Теперь впервые появилась возможность связать воедино разрозненные части истинной картины вербовки первого и всех последующих участников кембриджской агентурной сети. Центральная и до последнего времени неизвестная роль, которую играл в этом деле Орлов, объясняет, почему Филби всегда проявлял такую осторожность, чтобы не раскрыть имя человека, который руководил тем, чему предстояло вырасти в одну из самых знаменитых разведывательных сетей в современной истории и значение которой лишь сейчас начинают осознавать. Недавно рассекреченные материалы ФБР и госдепартамента США подтверждают, что Дональд Маклейн выдал секреты британского правительства и англо-американские решения относительно ядерной политики, что ускорило получение Советским Союзом ядерного оружия и помогло наметить курс в «холодной войне»¹⁴. Гай Бёрджесс, «третий человек» из этой агентурной группы, помог распространить на Оксфорд сеть советских тайных агентов, чья деятельность в интересах Москвы приобрела глобальный характер, когда ее члены пересекли Атлантику для внедрения в администрацию Рузвельта. Другие завербованные для Сталина агенты «оксбриджа» передавали советской стороне сверхсекретные военные разведданные, получаемые по проекту «УЛЬТРА» путем перехвата зашифрованных немецких и японских сообщений, что помогло спасти Красную Армию от поражения во Второй мировой войне¹⁵. Согласно письму, написанному рукой Маклейна, Филби, Маклейн и Бёрджесс любили называть себя в шутку «тремя мушкетерами» в знак того, что под руководством Орлова они были тремя первоначальными членами-основателями кембриджской агентурной сети¹⁶. Их огромную ценность не могли предвидеть ни Центр, ни Орлов, когда он прибыл в Англию в июле 1934 года.

По-видимому, не простая случайность забросила в Лондон этого советского «нелегала». Сам Орлов дал понять, что именно он сыграл главную роль в разработке всей концепции вербовки недовольных выпускников университета для использования их в качестве агентов внедрения. Намеки на происхождение этого замысла, который, по-видимому, обязан чем-то его опыту руководства тайными агентурными сетями в Европе, в какой-то степени можно найти в его «Пособии». Это написанное со всей откровенностью хорошо осведом-

ленным человеком руководство к стратегии и тактике шпионажа было, как сам автор говорит нам в предисловии, попыткой воссоздать составленное им еще в 1936 году пособие, в котором излагались «основные правила и принципы советской разведки». Первоначальное пособие было, по словам Орлова, «единственным учебником для только что созданной школы НКВД для оперативных сотрудников разведки и армейских офицеров при Центральной военной школе в Москве». Он утверждает, что являлся начальником факультета и по «совместительству» читал лекции уже в течение нескольких лет до того, как издал свое первоначальное «руководство». Оно было озаглавлено «Тактика и стратегия разведки и контрразведки» и основывалось на «всех самых важных случаях в работе разведки и контрразведки НКВД»¹⁷.

Однако в объемистом досье Орлова в КГБ нигде не говорится об его авторстве, хотя он утверждал, что написал его в «начале 1936 года». Возможно, он написал несколько глав какого-либо учебного пособия в тот промежуток времени, когда находился в Москве с конца 1935 года по сентябрь 1936 года. Это пособие позднее могло быть запрещено после его бегства из Испании, когда Орлов был назван «предателем». Но фактически ни один ветеран, учившийся в Центральной военной школе до 1938 года, не может припомнить этот учебник. И еще более странно, что не сохранился ни один его экземпляр.

Что действительно является важным в заявлении Орлова, так это его утверждение, что он написал «Пособие» в начале 1936 года, сразу после возвращения в Москву из Лондона, где, как мы теперь знаем, он сыграл роль «повивальной бабки» и первого руководителя кембриджской сети агентов внедрения. Орлов намеренно избегал в 1964 году всякого намека на свое участие в этой операции, когда восстанавливал якобы существующее «Пособие по разведке и партизанской войне» под завуалированным покровительством ЦРУ. Но в контексте его собственной деятельности в отношении Филби, Маклейна и Бёрджесса написанное им приобретает новое значение – особенно отрывки, которые можно понимать как косвенное признание своих заслуг в разработке операции по вербовке недовольных и честолюбивых кембриджских выпускников для работы на Москву. Цель, говорит он нам, не называя намеченных университетов, заключалась в том, чтобы завербовать потенциальных агентов, от которых, в силу полученного ими академического образования, можно было ожидать быстрого продвижения по государственной службе вплоть до самых высот, и их приверженность делу служения коммунизму гарантировала бы то, что Москва стала бы снабжаться непрерывным потоком наиважнейшей секретной информации. В таких информаторах, как объяснял Орлов, ощущалась настоятельная потребность, поскольку советская секретная служба, а особенно Сталин были сторонниками концепции разведки как единственного источника «правильной информации», то есть информации, «добытой тайными агентами и секретными информаторами в нарушение законов иностранной державы, на территории которой они действуют»¹⁸. В качестве основополагающего принципа Москва установила, что «важные секреты иностранных государств могут и должны добываться непосредственно из засекреченных документов их министерств и от иностранных гражданских служащих, которые соглашаются передавать государственные секреты Советскому Союзу». Проблема, с которой сталкивалась советская разведслужба в 1930 году, заключалась в том, что большинство источников, которые уже были завербованы, составляли мелкие служащие иностранных министерств и разведслужб. Хотя информация, получаемая от шифровальщиков и секретарей британского МИДа, была ценной, информаторы не имели доступа в более высокие круги, где принимались решения. Орлов рассказывает нам, что все старания продвинуть информаторов по служебной лестнице были «сопряжены с риском и не давали удовлетворительных результатов»¹⁹.

«Лишь в начале 30-х годов, – по словам Орлова, – одному из руководителей разведки НКВД пришла в голову мысль, которая будто по волшебству позволила решить эту трудную проблему». Его подозрительно обтекаемое объяснение того, что этот безымянный офицер «подошел к этой проблеме не только как разведчик, но и как социолог», дает основание предполагать, что он замалчивает известные ему более подробные сведения о том, каким образом был разработан этот план. В то время Орлов был в Москве одним из немногих высокопоставленных офицеров НКВД с необходимым опытом работы и был осведомлен, что в «капиталистических странах выгодные назначения и быстрое продвижение по службе гарантируются молодым людям, которые принадлежат к когорте сыновей политических лидеров, высших правительственных чиновников, влиятельных членов парламента» и для которых «продвижение по службе происходит почти автоматически». Поскольку именно Орлов руководил зарождением кембриджской сети внедрения, основывающейся именно на этом принципе, становится понятным, что он ссылаясь на личный опыт, когда писал: «Никого не удивляет, если молодой человек из этой среды, только что выпущенный из колледжа, без всякого труда сдает экзамены для поступления на гражданскую службу и неожиданно получает назначение на должность личного секретаря какого-нибудь министра, а всего через несколько лет становится помощником члена правительства». Каким образом, если бы Орлов лично не участвовал в этом, он мог узнать, что Центру «больше нечего было беспокоиться о том, чтобы добиваться повышения по службе для своих подопечных»?²⁰

«Их продвижение по службе происходило автоматически», – писал с удовлетворением Орлов, отмечая, что «руководство НКВД с нетерпением предвкушало, как через несколько лет некоторые из новых завербованных возглавят посольства своей страны. Хотя в «Пособии» не упоминается никаких фамилий, это высказывание, по-видимому, относилось к дальнейшим карьерам «трех мушкетеров». Он был хорошо знаком с тактикой, применявшейся при создании кембриджской сети. Это видно из его подробного изложения в «Пособии» того, как «резидентуры НКВД сосредоточили всю свою энергию на вербовке молодых людей из влиятельных семейств». Филби, Маклейн и Бёрджесс не названы по фамилиям, однако не вызывает сомнения, что именно их Орлов имел в виду, когда писал, что «НКВД делал ставку в основном на молодых людей, которых утомила однообразная жизнь в удушающей атмосфере своего привилегированного класса». Секрет попадания их на крючок советской разведывательной службы заключался в умении опытного рыбака выбрать подходящий момент для подсечки. Именно в этот момент он должен был направить их юношеский идеализм в русло секретной работы. «Как только молодые люди достигали той стадии, когда в результате размышлений они созревали для вступления в коммунистическую партию, им говорили, что они могут принести движению значительно больше пользы, если останутся вне партии, скрывая свои политические взгляды, и присоединятся к „революционному подполью“,» – писал Орлов²¹.

Он глубоко изучил психологические факторы, связанные с успешной обработкой и вербовкой Филби и его товарищей. Интеллект и происхождение делали их не такой уж простой добычей. Однако сам Филби признался примерно тридцать лет спустя, что его ментор с исключительным мастерством сыграл на противоречиях политических течений, с которыми сталкивались «левые» выпускники Кембриджа 30-х годов, чтобы убедить его посвятить свою жизнь служению Советскому Союзу. «Я был очень горд, что меня пригласили в таком молодом возрасте сыграть свою крошечную роль в построении этой державы», – писал Филби в отредактированной КГБ автобиографии. «Как, где и когда я стал частью советской разведки, этот вопрос касается только меня и моих товарищей. Я скажу лишь, что, когда мне было сделано предложение, я не медлил. Над предложением вступить в ряды элитной организации долго не раздумывают»²².

Возможно, Филби действительно без промедления ответил согласием на предложение служить в рядах этой элитной организации. Однако, как показывают архивные документы НКВД, оно фактически было сделано без санкции Москвы. Из-за проблемы связи с «нелегальной» резидентурой в Лондоне Центр не был осведомлен о первой попытке вербовки Филби и не давал санкции на операцию, в результате которой он стал советским агентом. Таким образом, был ускорен обычный длительный процесс, в ходе которого местная резидентура представляла подробные сведения, подтверждающие пригодность потенциального кандидата, а затем ожидала результатов их анализа и одобрения из Центра²³.

Теперь подробности вербовки Филби можно узнать из архивных документов НКВД. Из них видно, что Рейф и Дейч были вынуждены по своей инициативе сделать первые шаги к вербовке Филби, так как сообщения в Москву, написанные невидимыми чернилами, не удалось прочесть. Длительное ожидание одобрения Центра на эту операцию оказалось бы для нее фатальной, так как Филби приступил к осуществлению своего плана по вступлению в КПВ. Это, в свою очередь, заставило бы вычеркнуть его из числа кандидатов, поскольку Центр избегал вербовать агентов внедрения из людей, ставших полноправными членами партии, личные дела которых были под угрозой полицейского расследования. Тот факт, что Филби намеревался вступить в КПВ до своей первой встречи с Рейфом, является подтверждением того, что он не был завербован в Вене, как это считали ранее. Об этом свидетельствуют не только архивные документы НКВД, но и подробное описание своей вербовки и карьеры, содержащееся в письменных воспоминаниях объемом в 283 страницы, которые Филби дал КГБ в 1980 году. В этом документе, написанном им лично, Филби сообщает, что после возвращения из Вены весной 1934 года он отправился в штаб-квартиру КПВ, чтобы зарегистрировать свое членство, и что все это происходило до того, как с ним познакомился Дейч²⁴.

«После окончания университета я собирался поехать в Австрию изучать немецкий язык, историю и культуру Германии», – писал Филби, указывая, что его поездка в Вену первоначально мотивировалась тем, что он решил избрать после окончания учебы дипломатическую карьеру²⁵. В своих воспоминаниях он описывает, как пытался увязать свое честолюбивое желание стать британским послом с глубокой преданностью коммунистической идеологии, возникшей у него незадолго до окончания учебы. Он рассказывает, как неуклонно склонялся «влево» – начиная с поддержки лейбористской партии в Вестминстере и усердной предвыборной агитации за лейбористов в Кембридже, где, несмотря на заикание, мешавшее ему выступать с речами, он стал казначеем университетского общества социалистов. Филби объяснял, что попал в объятия марксизма скорее в результате разочарования, чем от чувства горечи, которое вызвало в нем поражение лейбористской партии на выборах 1931 года. По его признанию, только на последнем семестре в Кембридже он действительно убедился в том, что для Великобритании коммунизм является решением политической дилеммы.

«Уже в 1931–1933 гг. я стал все больше и больше сближаться с коммунистической группой в университете, начал посещать их собрания, – вспоминал Филби. – Тогда же они познакомили меня с книгами Карла Маркса. Все это привело к тому, что в конце своего пребывания в Кембридже, а именно в последнюю неделю, я решил присоединиться к коммунистическому движению»²⁶. Его решение не было каким-то прозрением, «ослепительным светом в конце дороги, ведущей в Дамаск», но было результатом длительных и очень личных переживаний²⁷.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.